

ЛЕГКОЕ поведение

маэстер

Annotation

Любовь эгоистична... Меня зовут Блэр. Я плохая девочка. Та, с которой ходят налево. Та, которую всегда бросают в конце. Я золотоискательница. Дрянь. Вызывающая ненависть одиночка. Я и сама себя ненавижу... У всех есть своя история. Готовы услышать мою?

Мия Ашер

Легкое поведение

Часть I

Невинное прошлое

Глава 1

Что такое любовь?

Не знаю.

У меня ее никогда не было.

Она вообще существует?

Сомневаюсь. С чего мне верить в любовь, если я никогда ее не видела? Если она есть только в кино и книжках. Ну или в жизни каких-нибудь невероятных везунчиков. Поверьте, уж я-то знаю.

Любовь — моя персональная химера.

Я смотрю в карие глаза, люблю их насыщенным цветом и красотой мужчины, которому они принадлежат.

— Блэр, ты такая красивая... такая мокренькая, — бормочет он, просовывая руку мне между ног. Осторожным вторжением пальцев раскрывает меня, настраивая мое тело на волну своих потребностей и желаний, подготавливая жаркими прикосновениями, которые разжигают в моем теле пожар. Он не впервые трогает меня так, но с каждым разом оно все лучше и лучше — ощущения всепоглощающие, пьянящие.

Один палец. Два пальца. Один палец. Два пальца. Один. Два. Один. Два. То быстро, то медленно. То глубоко, то у входа. Запретное блаженство.

Широко раздвигая для него ноги, я размышляю над тем, почему это приятно. Благодаря его стараниям или потому, что я отнимаю чужое и присваиваю себе?

— Не останавливайся... — выдыхаю я. — Мне так хорошо.

Окей, наверное потому, что в данный момент времени данный мужчина думает, что любит меня — и только меня одну, — какими бы фальшивыми ни были на поверку его признания.

Я закрываю глаза. Он целует меня так нежно, точно я сделана из стекла. Целует этим своим хорошо знакомым мне ртом, которым столько раз ласково мне улыбался. Атака его языка одновременно изнуряет и подстегивает.

***

— С тебя четыре доллара, конфетка, — с улыбкой говорит мне симпатичная бариста.

Я уже лезу за деньгами за капучино, как вдруг слышу низкий мужской голос.

— Я заплачу.

Откуда-то сзади выходит мужчина в бежевом костюме, становится рядом со мной и протягивает баристе купюру.

— Где-то я тебя видел... Ты не подружка Пейдж?

Улыбнувшись, я облизываю внезапно пересохшие губы.

— Спасибо. И — да... Я знаю Пейдж.

Он следит за кончиком моего языка, и улыбка на его красивом лице застывает. В глазах вспыхивают голодные искорки. Я мысленно посмеиваюсь. Кто бы мог подумать. Годами на меня не обращали внимания, а теперь я с такой легкостью разжигаю в мужчинах страсть.

— Не за что. Ты... — он прочищает горло, — ты здесь с кем-то?

Я качаю головой, глядя на него сквозь трепещущие ресницы.

— Нет. Я одна. — Сделав паузу, поощряя его прикосновением руки и улыбаюсь. — Хотите присесть?

Он оглядывает помещение кофейни, раздумывая, очевидно, над тем, стоит ли — уместно ли — принять мое приглашение, но уже через пять секунд снова переводит взгляд на меня.

— Конечно.

Вот так все и началось.

***

Кружатся бежевые стены.

Тикают часы.

Скрипят пружины матраса, а в окно мотеля светит луна.

Надо мной нависает мужчина, он целует меня, трогает пальцами, подготавливая меня для себя. Заботливый.

Его слюна смешивается с моей, я балдею от этого вкуса и умоляюще шепчу ему в рот:

— Пожалуйста. — Дотягиваюсь до его твердого члена и сжимаю его в кулаке. — Я готова.

Оторвавшись от моего рта, он начинает спускаться вниз по моему полураздетому телу.

— Блэр, ты уверена? Ты точно хочешь сделать это со мной?

Я открываю глаза, чтобы взглядом продемонстрировать, чего хочу от него... нет, насколько я в этом уверена. Наблюдая, как он сражается со своей совестью, невозможно удержаться от улыбки. Он спрашивает, уверена ли я. После того, как бесчисленное множество раз отымел меня в рот, а его пальцы побывали во всех отверстиях моего тела. Вот смех-то. Но я решаю сжалиться над ним и не смеюсь.

— Да, да, уверена, — говорю я, отпускаю руки, и они мертвым грузом падают на дешевые простыни из шершавого полотна.

— Хорошо.

Кровать под моими бедрами проседает, и я инстинктивно раздвигаю ноги пошире. Смотрю, как он подносит упаковку с презервативом к лицу и надрывает ее зубами, люблюсь его безупречным, чувственным ртом, подчеркивающим, насколько он хорош.

Я довольна собой.

Довольна до усрачки, потому что он меня хочет.

Мистер Каллахан меня хочет. Нет, вы представляете? Меня. Жирдяйку Блэр. Неуклюжую, недостойную любви уродину Блэр.

Впрочем, теперь я далеко не уродина. То, что в детстве считалось жирком, теперь зовется грудью и попкой. Парням нравится. Они хотят меня. Хотят потрогать, пощупать, помять... ну, и перепихнуться, конечно. Мне приятно чувствовать себя желанной. Их внимание дарит мне ощущение силы, оно как тяжелый наркотик, бегущий по венам, — хочется еще и еще.

Мне нужно еще.

— Быстрее. — Мне лень изображать робость или застенчивость. В смысле, он же затем и привел меня сюда — чтобы заняться сексом, разве нет?

— Черт, Блэр, одну секунду. Я пытаюсь натянуть долбаную резинку.

Раскатывая на своем твердом члене презерватив, он пожирает меня глазами — мою

голую грудь, лицо, раздвинутые ноги. Встряхивает головой, словно прочищая мозги, и бормочет:

— Ты такая красавица. Я так хочу тебя.

Мне не впервой слышать от мужчины такие слова. Джош тоже постоянно твердит, какая я красивая, само совершенство, и как сильно он меня хочет. Но он просто парень, с которым я иногда гуляю. И вообще, если постоянно повторять одно и то же, у слов теряется смысл.

— Покажи, как.

Этих двух слов хватает, чтобы его последние сомнения испарились. Он разводит мои колени, накрывает мое тело своим и наконец-то входит — одним мощным толчком, сразу до упора. Пронзительная боль. У меня вырывается стон.

— Господи, какая же ты тугая.

Закинув мои ноги себе на талию, он начинает двигаться. Резко. Больно. Но мне нравится эта боль. Она меня отрезвляет.

— О боже, Блэр, я люблю тебя... Я люблю тебя... Люблю... — пыхтит он мне в ухо.

И в этот момент на меня обрушивается реальность. Она врезается в меня со скоростью торпеды, и я с ослепляющей ясностью осознаю, что я сейчас делаю. Что именно отдаю ему, этому ничего не подозревающему человеку.

Какого черта ты делаешь, Блэр?

Доказываешь, что ты дочь своей матери.

Даешь ей повод собой гордиться.

Пока он получает свое удовольствие, я слушаю его громкое сопение в процессе и чавкающие шлепки плоти о плоть. Меня подташнивает. Наверное, от выпитого алкоголя.

А может от отвращения к себе.

Первоначальная боль прошла. Теперь я чувствую только жжение и какую-то странную отстраненность, словно наблюдаю за всем происходящим со стороны.

Он наклоняется к моим губам, я же, почувствовав, как к горлу подкатывает желчь, отворачиваю лицо, и поцелуй приходится в щеку. Смотрю на проем ванной комнаты. Там горит свет, и все ее обшарпанное убожество, вся грязь видны как на ладони.

— Боже, я сейчас кончу... Я сейчас кончу... — продолжает пыхтеть он, вспахивая меня с удвоенной скоростью, и вдруг совершенно неожиданно напрягается всем телом и издает полукрик-полустон.

Вот и все. За пять минут, даже меньше, я умудрилась убить часть себя.

Наше дыхание выравнивается. Он выходит из меня и встает, а я, приподнявшись на локтях, смотрю, как он изучает поблескивающий в свете луны презерватив. К тому моменту, как он поднимает голову и наши взгляды встречаются, я успеваю закутаться в одеяло.

В его карих глазах отражаются замешательство, шок и радость.

— Я... Я понятия не имел... — Он держится за голову, пока мы глазами друг на друга. — Я не знал, что ты девственница.

Я равнодушно пожимаю плечом, и одеяло соскальзывает. При виде моих обнаженных грудей в его глазах тотчас загорается похоть.

— Неважно. Я хотела, чтобы это был ты.

Это, кстати, правда.

— Но...

— Давай без «но». Если тебя это напрягает, просто забудь о том, что это было. Лично я уже забыла, — говорю я, заканчивая разговор.

Это мое тело. Моя жизнь. Мое решение. Последнее слово всегда будет за мной, а не за ним — и не за кем бы то ни было.

Не давая себе ни шанса усомниться в своих следующих словах, я поднимаю голову и смотрю на него, стоящего передо мной во всей своей нагой красоте. Мое внимание привлекает золотое обручальное кольцо на его пальце.

— Не волнуйтесь, мистер Каллахан. Я не скажу вашей дочери, что вы трахнули ее одноклассницу, — говорю я.

И этим определяю свою судьбу.

Мое детство нельзя назвать тяжелым. Родители не били меня и не ругали — их просто никогда не было рядом. Я была одиноким ребенком. Разговаривала с куклами и животными. Но отсутствие внимания не сделало меня мягче. Напротив, после рек пролитых слез и бесплодных молитв, обращенных к глухому Богу, мое сердце окаменело. Оно заморозило меня изнутри.

Любви мне не досталось, однако я никогда не испытывала недостатка в красивых вещах.

Родители дарили мне не любовь, а подарки... Или так они и выражали свою любовь, через материальное? Наверное, вещи и внимание в их представлении были равнозначны.

Не потому ли счастье ассоциируется у меня с обладанием?

Ребенком я была готова отдать все свои вещи за толику родительской любви. За материнскую ласку, за похвалу отца. Я мечтала хотя бы раз услышать, что они мной гордятся. Но не получала от них ничего.

Я сама была никем и ничем. Пустым местом.

Была и остаюсь.

Но теперь мне уже все равно.

Та пухленькая девочка, которая каждую ночь засыпала в слезах... которая стояла на коленях у кровати и молилась о том, чтобы в ее семью пришло счастье... чтобы хоть кто-нибудь заметил ее...

В общем, той девочки больше нет.

Вместо нее есть я — прекрасная, сияющая, пустая Блэр. Блэр, подсевшая на внимание. Серьезно, столько лет меня не замечали, а теперь, где не появись, на меня устремлены все глаза. Я упиваюсь чужим вниманием, и мне все равно, кто смотрит — мужчины, женщины... Все равно. Лишь бы смотрели.

...Стоя перед высоким трюмо красного дерева, я закатываю пояс своей клетчатой юбки, чтобы сделать ее покороче. Услышав тихое жужжание, плюхаюсь на кровать и, пока матрас вибрирует подо мной, нахожу среди мягких желтых подушек телефон. Увидев на экранчике имя, я улыбаюсь.

Мистер Каллахан.

Мне нравится дразнить его, поэтому я жду. Пропускаю пару звонков и только потом отвечаю.

— Приветик, Мэтью. — Его имя само по себе звучит как грязный секрет.

— Здравствуй, Блэр... Я уж думал, ты не ответишь, — журит меня он.

— Может, и не стоило...

— Маленькая шалунья. Сможешь в обед улизнуть из школы? У меня появился просвет в расписании. Хочу увидаться с тобой снова.

Закусив губу, я напрягаю бедра и прислушиваюсь к своим ощущениям. Жжения нет. Неудивительно, ведь прошла неделя. Мысленно представляю нас в том же обшарпанном номере мотеля с грязно-желтыми занавесками на окнах и мебелью цвета авокадо. Воспоминание такое четкое, что в нос ударяет запах его пота и вонь плесневелого ковра. Я бы предпочла встречаться в приличном отеле в городе, но для мистера Каллахана нет ничего важнее, чем сохранить нашу связь в тайне.

— У-у, Мэтью, — тяну я. — Подбиваешь старшеклассницу пропускать уроки?

Он усмехается.

— Просто на этой неделе у меня не будет другой возможности побыть с тобой наедине.

Кроме того, я тут купил тебе кое-что. Думаю, ты будешь в восторге.

— О, правда? И что же это такое?

— Хочешь узнать — давай встретимся.

Я хихикаю как семнадцатилетняя девчонка, которой и являюсь.

— Мэтью, скажи! Ну пожалуйста!

— Я знал, что найду твое слабое место... значит, ты любишь подарки, м-м?

— Вообще-то нет, но, кажется, уже полюбила.

Он опять усмехается.

— Пришли свою фотографию, тогда скажу.

— Какую именно? — кокетничаю я.

— Любую на свое усмотрение, Блэр. Мне просто хочется увидеть твою милую мордашку... Я соскучился по тебе, — сообщает он, понижая голос.

Его слова оседают в моей голове, их истинное значение скрыто между строк. Я прямо-таки вижу, как он сидит за столом в своем офисном кресле, одетый в серебристо-серый костюм с иголочки, и ждет, когда можно будет подрочить на то, что я ему пришлю.

— Ладно, — шепчу я.

— Хорошо... Буду ждать.

Я отключаюсь. Какое-то время валяюсь в кровати, поглядывая в голубой потолок, и верчу в руках телефон. На мгновение в голове возникает мысль, не продаю ли я свою душу, но в тот же момент я решительно ее отметаю.

Извиваясь змейкой, я стягиваю юбку и остаюсь в белой рубашке, темно-синей школьной жилетке и простых белых трусиках. Включаю на телефоне фронтальную камеру и поднимаю руку над головой.

Разметавшиеся по плечам волосы щекочут мне подбородок, когда я тянусь второй рукой вниз и запускаю ее себе в трусики. Сердце часто колотится в предвкушении. Дыхание становится прерывистым. Я неспешно возбуждаю себя, представляя, что это он нежно, влажно лижет меня, ласкает... трахает меня языком.

Мои щеки горят розовым, губы набухают. Вот-вот... Еще чуть-чуть. Я издаю стон... и делаю фотографию для мистера Каллахана в тот самый момент, когда мое тело, охваченное экстазом, возносится в небеса, а перед глазами мелькают всполохи ярких красок.

Готово.

Я разглядываю получившийся снимок — девушка с иссиня-черными волосами и бледной кожей ласкает себя, лежа в сладострастной позе на простынях в цветочек, ее синие глаза возбужденно сверкают, обещая адресату, ее любовнику, запретное наслаждение — и, удовлетворенная результатом, жму «отправить». Не проходит и минуты, как я получаю ответ. Загружаю фотографию и криво улыбаюсь, увидев ярко-голубую коробочку, аккуратно перевязанную белой лентой.

Наверное, внутренний голос все-таки прав. Я действительно продаю свою душу.

И что самое печальное, мне плевать.

***

Я шагаю по коридорам школы с видом царствующей королевы — осанка прямая,

подбородок вздернут. Страх перед насмешками одноклассников запрятан так далеко, что я почти забыла о его существовании. Почти, но не полностью — об этом говорят мои слегка дрожащие руки. Вот ведь дерьмо.

Я смотрю прямо перед собой и ни с кем не встречаюсь взглядом, но чувствую, как толпа расступается на моем пути, словно я какое-то больное, заразное животное. А может им просто хочется получше рассмотреть мою попку, едва прикрытую короткой клетчатой юбкой. Если что, меня устраивает любой вариант.

У меня нет знакомых девочек, которые ждали бы меня, улыбаясь, у шкафчика, чтобы поделиться свежими сплетнями. Нет лучшей подружки, с которой можно ходить, держась за руки, и по дороге на урок английского трепаться о парнях и о том, что было на выходных. У меня нет никого... точнее, есть кое-кто, но он не считается.

Я росла без братьев и сестер, с родителями-эгоистами. Ребенку нелегко сносить одиночество, но оно, однако, научило меня довольствоваться обществом самой себя, сделало меня самодостаточной... или попросту черствой?

Когда я пошла в школу, история повторилась. У меня нет и никогда не было друзей. И однажды я узнала, почему никто не хочет со мной дружить...

...Мне было лет девять, наверное.

Как-то весной, в обеденный перерыв, я слонялась по школьному двору. На солнце было тепло, но воздух еще не прогрелся, и по моей коже бежали зябкие мурашки. Я брела к пустой скамейке рядом с детской площадкой и вдруг увидела, что навстречу идет Пейдж, окруженная стайкой своих подпевал. Сворачивать было поздно. Я помню, как опустила глаза в надежде, что меня не заметят, но увы. Мне не повезло. Приближаясь к ним, я услышала, как Пейдж — девочка-куколка, само совершенство — шепчет друзьям:

— Смотрите, какая она жирная. Не удивлюсь, если она даже во сне что-нибудь жрет.

Все дружно прыснули.

— А вы знаете, что, когда она была маленькая, ее бросила мать? — подхватил кто-то. — Она ушла от ее отца к какому-то мужику, но потом вернулась. Моя мама сказала не дружить с ней, потому что ее мать ворует чужих мужей, а отец — пьяница.

Мое сердце пропустило удар и сжалось от боли, глаза заволокло слезами. Каждое их слово наносило мне смертельную рану.

— Ага, — кивнула Пейдж и прибавила: — Моя мама рассказывала про это папе. А еще она сказала, что ее отец однажды пришел на родительское собрание и от него пахло спиртным, а все лицо было расцарапано. — Она выдержала паузу. — Мне тоже запретили с ней водиться, но я бы и сама не стала. Дружить с этой жирной коровой? Спасибо, как-нибудь обойдусь.

Ее друзья покатались со смеху. Заметив, что я остановилась и смотрю на них, а по моим щекам градом катятся слезы, они засмеялись еще громче, с каким-то звериным, оглушающим наслаждением.

Я бросилась бежать. Я бежала от них со всех ног, но в ушах по-прежнему звенели издевки, а в груди теснилась боль. Их жестокие слова не дали мне вырваться из уродливой реальности.

После этого у меня открылись глаза. Слушая их, я заново пережила ту страшную ночь, полную слез, упреков и криков — худшую ночь в истории брака моих родителей. Я вспомнила маленькую семилетнюю девочку и ту смелость, с которой она бросилась разнимать их, как она встала между ними, как умоляла перестать драться, упрашивала,

чтобы они любили друг друга — так, как их любит она. Я вспомнила, как по ее лицу струились слезы, а голос дрожал от горя.

В тот день я поняла, почему девочек не отпускают ко мне ночевать. Почему у моей матери, самой красивой среди всех остальных мам, нет подруг. Почему отцы моих одноклассников вечно пялятся на нее. Почему моя няня, единственный человек, который по-настоящему любил меня и не считал досадной помехой, сказала однажды, что мой отец — хороший, замечательный человек. Человек, который остался ни с чем и потому сражался со своими призраками единственным доступным ему оружием — ненавистью и алкоголем.

В тот день, пока слова Пейдж разрушительным торнадо крутились у меня в голове, я выросла и попрощалась со своим детством. Мне открылась неприглядная истина. Я поняла, что любовь — это не самый желанный в жизни дар, а эмоция, испытывать которую без прилагающейся к ней боли дано единицам.

Многие говорят, что любовь делает человека свободным, но я не согласна... Любовь это клетка. Ее золоченые прутья выкованы из тоски, страданий и несбывшихся надежд. Как только я осознала, что прожить можно и без любви, вот тогда я стала свободной.

Ведь оказалось, что моей любви к маме и папе недостаточно, чтобы они полюбили меня в ответ или захотели дать нашей семье шанс. Просто недостаточно. Вот и все.

И я решила послать всю эту хренотень куда подальше.

Мне стало наплевать. На все и на всех.

Я поклялась себе, что никто — никто и никогда — не причинит мне больше такой боли, которую причинили они, мои родители. Осколки своего сердца я окружила колючей проволокой. Только попробуйте сунуться — мало не покажется.

Так на свет появилась новая я.

А потом я выросла. Детская полнота ушла, и я стала хорошенькой. Даже красивой. Словно гадкий утенок из любимой когда-то сказки, я превратилась в лебедя. Но несмотря на внешнюю красоту, внутри продолжала ощущать себя уродиной.

Мужчины всех возрастов стали на меня западать, и я летала как на крыльях от осознания собственного могущества. Я млела до мокрых трусиков, когда замечала в глазах мужчины желание меня отыметь или видела, как у него встает хер при взгляде на мою задницу. В конце концов я приняла решение подарить свою девственность мистеру Мэтью Каллахану. Мой выбор пал на него не случайно, но сердце, уж поверьте, никак в этом не участвовало. Просто он был отцом девочки, которая годами надо мной измывалась. Вот и все причины.

Мы настолько часто сталкивались в кофейне, что в итоге стало совершенно очевидно, зачем мы туда приходим: чтобы увидеться и пофлиртовать друг с другом. Так, слово за слово, мы с мистером Каллаханом переступили черту. Впервые это случилось на заднем сиденье его дорогого автомобиля. Он ласкал меня пальцами и все повторял, как давно фантазировал обо мне.

Когда в ту первую ночь мы занимались сексом во второй раз, и он, кончая, содрогался на мне и прерывистым шепотом осыпал меня комплиментами, я вдруг вспомнила, сколько раз представляла этого мужчину на месте своего отца. Мистер Каллахан был образцовым мужем и идеальным, заботливым, любящим отцом.

Какая ирония, правда?

Самый уважаемый гражданин нашего города трахает раком семнадцатилетнюю малолетку в каком-то занюханном мотеле всего в часе езды от своего дома, пока его жена и

дочка в гостях...

...На пути к моему шкафчику меня перехватывает Джош. Секси-Джош. Спортсмен и красавчик. Школьная знаменитость. Все девчонки хотят его, а все парни хотят на его место.

Он ловит меня за талию.

— Здорово, детка, как жизнь? Может, прокатимся после школы? — Он наклоняется, его горячее дыхание щекочет мою голую шею. — Я скучаю по твоему сладкому роту.

Я отталкиваю его, лицо горит от стыда и немного от возбуждения.

— Не получится, Джош. Не могу сегодня... Дела. — Я, разумеется, не уточняю, что мои дела — это мистер Каллахан и его подарок.

— Слушай, какого хера, а? — восклицает он. Злость и смятение портят его мальчишескую красоту. — Ты целый месяц меня динамишь!

Точно. Вроде именно столько и длится наша с мистером Каллаханом тайная связь.

Он бурлит меня сердитым, обиженным взглядом.

— У тебя есть кто-то еще?

Я небрежно отбрасываю волосы за плечо, и его глаза тотчас упираются в мою грудь.

— Какая разница, Джош. Давай без этого детского сада... Мне надо идти, а то на урок опоздаю.

— Ну и сучка же ты! — несется мне вслед, пока я иду к своему шкафчику. — Не знаю, зачем вообще я трачу на тебя время, когда могу поиметь любую.

Я оборачиваюсь и с насмешливой улыбкой смотрю на него в упор.

— Затем, что я этого стою. И ты это знаешь.

Не желая слушать, что он там может ответить, я ухожу, а Джош остается стоять с разинутым ртом и недоверчивым выражением на лице. Краем глаза замечаю, что вокруг нас собралась небольшая толпа. Ха. Обычно все шарахаются от меня, как от чумной, а тут — ну надо же — остановились послушать нашу перепалку. По барабану. Можно подумать, мое грязное белье впервые перетряхивается у всех на виду.

Я прохожу мимо Пейдж. Она морщит нос, словно от меня чем-то воняет. Издевательски улыбаюсь ей, и она закатывает глаза.

— Ну вообще, — шипит она своим подружкам-задирам, которые как-то раз вытащили из-под меня стул, чтобы я шлепнулась на пол. — Не понимаю, и почему парни считают ее красивой? С такими-то губищами во все лицо.

Я улыбаюсь сама себе, как кошка, объевшаяся сметаны. Интересно, что она скажет, если узнает, насколько эти самые губы нравятся ее папочке, особенно когда сосут его член.

Он не жаловался.

Спустя несколько месяцев.

Все в том же мотеле (моем втором доме, практически), где запах плесени от зеленого ковра, как и его цвет, кажется теперь успокаивающим и почти приятным, а грубое постельное белье уже привычно для кожи, я прощаюсь со своим первым любовником, со своим благодетелем, с человеком, который стал мне отчасти дорог. Отчасти — потому что, несмотря на все, я его покидаю.

— Не уезжай в Нью-Йорк, ну пожалуйста. Останься со мной... Ты нужна мне, — стою на коленях, умоляет меня голый мистер Каллахан. Его руки обвилились вокруг моей талии, лицо прижимается к моему плоскому животу.

В комнате еще пахнет потом и сексом, а я еще чувствую на языке вкус спермы, пока смотрю, как он — взрослый, сильный, влиятельный мужчина, которым я восхищалась — на глазах превращается в скулящего ребенка. Хочется оттолкнуть его, но вместо этого я кладу ладони ему на макушку и начинаю перебирать его мягкие каштановые волосы.

— Не могу, Мэтью... Не могу я больше жить под одной крышей с матерью. Я хочу свалить отсюда.

Вскоре после того, как я начала спать с мистером Каллаханом, мои родители развелись. Не то чтобы это стало для кого-то сюрпризом, особенно для меня. Моя дальнейшая судьба волновала их мало. Отец говорил, что я должна остаться с матерью, мать спихивала меня отцу. В итоге я осталась у матери — только потому, что у нее был дом. Пофиг. Через неделю мне исполнится восемнадцать. Я уеду из этого города и никогда сюда не вернусь. Гадкие, горькие воспоминания останутся в прошлом.

— Не уезжай... Если хочешь жить отдельно, давай снимем тебе квартиру. Я буду оплачивать аренду... я куплю тебе все, что пожелаешь. У тебя будет та жизнь, какую ты хочешь, — говорит он, возвращая меня в настоящее.

— Мэтью, ну и чем эта жизнь будет отличаться от нынешней? Все, что у меня есть, и так куплено на твои деньги.

Это правда. В детстве, мечтая о родительской любви, я была равнодушна к подаркам. Но трахаясь с отцом Пейдж, я открыла для себя притягательную силу денег и поддержки богатого человека, в обмен на секс покупающего мне любые классные вещички, какие я захочу. С мистером Каллаханом родители стали мне не нужны — он помог мне, так сказать, окончательно перерезать пуповину. Он помог мне еще очень многим в благодарность за регулярные минеты на заднем сиденье его «Ауди», пока его жена думала, что он на работе. Его деньги и покровительство наглядно показали мне, какой независимой можно стать, всего-навсего раздвигая ноги.

— Не знаю, Блэр... просто не знаю... Пожалуйста, не бросай меня. Я люблю тебя, — выдыхает он мне в живот и повторяет: — Я люблю тебя, Блэр.

Он начинает целовать меня везде, куда только может дотянуться, а я рассматриваю свое отражение в заляпанном пятнами зеркале над кроватью. Какие же пустые у меня глаза. Как бездонные ямы, внутри которых ничего нет.

Одна пустота.

— Если правда любишь, тогда отпусти. Мне нужно отсюда выбраться.

— А как же я? Как же мы? Все из-за того, что я женат?

Я смеюсь и сама леденею от этого смеха.

— Это вообще не при чем, Мэтью. Я уже все решила и не передумаю, что бы ты ни сказал.

Он отпускает меня и встает. Его широкие, мощные плечи — сколько раз они вздрагивали при мне от смеха или служили опорой моим ногам, когда он на меня ложился — обреченно опускаются.

— Однажды и ты влюбишься, Блэр, и я желаю, чтобы этот человек разбил тебе сердце. Когда это случится, ты поймешь, насколько это больно. Надеюсь, тогда твое сердце оттаяет, и в тебе проснется сострадание и человечность.

Меня так и подмывает сказать, что зря он на это надеется, но я молчу. Иногда молчание выразительнее любых слов.

— Мэтью, ну извини. Мне жаль, что тебе больно, но я думала, мы оба понимаем, что все это не навсегда.

Весь во власти переживаний, Мэтью не отвечает, только качает головой, потом бросает на меня прощальный тоскливый взгляд и скрывается в ванной.

Под шум воды я одеваюсь. Пока черное платье скользит по моему телу вниз, я позволяю себе подумать о мистере Каллахане в последний раз. Сердце сжимается, если вспомнить, как он взглянул на меня перед тем, как уйти в ванную, и я мысленно прошу у него прощения за причиненную боль. Надеюсь, когда-нибудь он простит меня. Я не стою того, чтобы так расстраиваться. Однажды он тоже это поймет.

Уже на пороге я в последний раз окидываю обшарпанный номер взглядом, но не затем, чтобы запечатлеть его в памяти, а наоборот — чтобы сбросить здесь все свои воспоминания, как балласт. Я уезжаю без багажа. Я не возьму с собой ни единой улыбки, ни поцелуя, ничего. Я беру только то, что для меня действительно важно; то, на что можно навесить ценник; то, что не причинит мне боль — все полученные от него подарки и деньги.

Разве не деньги правят этим миром?

Пока я закрываю за собой дверь, в сознание закрадывается крамольная мысль, что мистер Каллахан дорог мне чуточку больше, чем мне хочется признавать. Хотя, какое это имеет значение.

Давным-давно маленькая, никем не любимая девочка по имени Блэр дала себе обещание. Как обычно, она сидела в пустой комнате одна, и ее единственными свидетелями были ее пес и мягкие игрушки. Она пообещала, что никогда ни к кому не станет привязываться; что не позволит любви вновь захватить ее в плен и подрезать ей крылья. И тогда она будет спасена от страданий.

Что ж, вот и пришло время выполнить это обещание.

***

Через неделю.

Я бросаю вещь за вещь в свой красный чемоданчик. Шелк, хлопок, кружево, кожа — все оплачено моим телом. В комнату заглядывает мать.

— Чем это ты занимаешься? — спрашивает она. Ее идеально уложенные золотистые волосы выглядят на миллион баксов.

Я не утруждаю себя объяснениями. Перегнувшись через чемодан, дотягиваюсь до своего старого плюшевого медвежонка Винклера и кладу его рядом с сумкой Louis Vuitton, которую мне подарил мистер Каллахан.

Мать хватает меня за руку и разворачивает к себе лицом.

— Блэр, я с тобой разговариваю. Что ты делаешь? Отвечай.

Я выдергиваю руку. От ее ногтей на коже остаются красные полосы.

— А на что похоже? Собираю свое барахло и сваливаю из этого вонючего города.

— Следи за своим языком, Блэр. Я все-таки твоя мать, — осаждает она меня.

— Да ладно? — Фыркаю. — Я бы так не сказала.

И тут, не успеваю я пикнуть, как ощущаю первое материнское прикосновение к моему лицу лет за восемь, наверное. Но это не ласка и не поцелуй. Это пощечина.

Как и следовало ожидать.

Моя рука непроизвольно взлетает к щеке. Я потираю место удара, пытаюсь унять жгучую боль от ее ладони.

— Как ты смеешь, — сопит она.

— Смею что? Говорить правду? — с издевкой спрашиваю я и улыбаюсь во весь рот. Меня прямо-таки распирает. — А знаешь, забей. Ты разве не рада, что я уезжаю? — Я окидываю ее взглядом, отмечая, какие дорогие на ней шмотки. Все куплены мужчиной. Сама себе она такое позволить не может. — Тебе же всегда было на меня наплевать.

Мать не ведет и бровью.

— И на что ты собираешься жить? У тебя нет ни профессии, ни работы.

Ха! Я смеюсь ей в лицо.

— М-м... как там говорится? О, вспомнила! — Я хлопаю себя по лбу, точно меня осенила идея. — Яблоко от яблони недалеко падает, во. Прямо как про нас сочинили. — Снова начинаю паковать вещи. Через четыре часа у меня самолет, и опаздывать я не намерена.

После нескольких минут тишины, когда я уже думаю, что она ушла, из-за спины долетает ответ.

— Ты слишком много о себе возомнила, Блэр. Красота — она, знаешь, не вечна. Поблекнет, и останешься в одиночестве.

Я закрываю чемодан, слышу, как щелкают замки, и стаскиваю его с кровати на пол. Потом пихаю в сумку Винклера и «Доводы рассудка» в потертой мягкой обложке и впервые с начала разговора смотрю матери прямо в глаза.

— То есть, как ты, да?

— Что ты себе...

— Можешь не беспокоиться. — Волоку чемодан к выходу, по пути задевая ее плечом. — Я не пропаду. Я собираюсь стать хитренькой, типа тебя, мама. — И выплевываю: — Обещаю, ты будешь мною гордиться.

Как только я выхожу за порог родительского дома и набираю полные легкие свежего воздуха, меня захлестывает чувство свободы. Прямо сейчас, делая первый шаг в неизвестное, я понимаю, что в этом городе меня ничего не держит. Ни-че-го. Мне выпал шанс стать той женщиной, которой я хочу быть — без сплетен на каждом шагу и без воспоминаний, мигающих со всех сторон неоновыми огнями.

С этого места и начинается моя история. Черт его знает, чем она обернется в итоге — сказкой или трагедией. Может, даже фарсом. Время покажет. Но начало я представляю себе

Таким...

...Стоял погожий летний день. Вовсю щебетали птички, на безоблачном небе ярко светило солнышко. В этот день Блэр Уайт исполнилось восемнадцать, и она, покинув родной городок, отправилась навстречу американской мечте — большому и толстому кошельку, туго набитому баксами...

Собственно, а почему бы и нет? С такой-то внешностью и телом? Да я завоюю весь мир. Это моя судьба.

Часть II
Настоящее

Я красивая.

Я красивая.

Я красивая.

Твержу я как мантру, стоя перед зеркалом нагишом. Не работает. Ничего не работает. Умом я понимаю, что совершенно права, но сердцем не верю и никогда не поверю. Раз за разом оно шепчет мне противоположное...

«Ты НЕ красивая. Только посмотри на себя! Не стоящее любви ничтожество — вот, кто ты есть. Даже родные отец и мать тебя не любили.»

Я смотрю на себя, и то, что я вижу — умопомрачительно.

Лучшее тому доказательство — всеобщее восхищение, которое шлейфом тянется за мной, куда бы я ни пошла. Если б только можно было стереть те детские воспоминания, которые назойливо роятся в моей голове, напоминая о том, что я недостойна любви. Я знаю, тогда я смогла бы заставить себя поверить голосу разума и тем словам, что множество раз шептали мне на ухо мужчины, пока были во мне.

Я касаюсь своего лица, очерчиваю кончиками пальцев подбородок, брови взлет, высокие скулы. Внешние уголки моих глаз по-кошачьи приподняты. Лицо в отражении принадлежит красивой, почти прекрасной девушке. Я улыбаюсь ей. Провожу рукой от плеча к грудям, ласкаю их розовые вершинки, довожу ладонь до своего гладкого живота. Неужели это и составляет мою сущность?

Лицо и тело — неужели это все, что есть во мне стоящего?

Внутренний голос услужливо сообщает, что все может быть иначе, стоит мне захотеть, но я от него отмахиваюсь. В последний раз бросаю взгляд на свое обнаженное тело и ухажу выбирать платье на вечер.

За пять лет в Нью-Йорке я умудрилась перепробовать все типичные пути новичка в большом городе. Стала настоящим ходячим клише, зато, можно сказать, познала жизнь и набралась опыта, и это неплохо. Я работала официанткой, гостиничным администратором, консультантом в универмаге... даже посещала курсы долбаного актерского мастерства. И все это время тщательно оберегала свое сердце, а чувства держала на привязи.

Один взгляд на мои дорого обставленные апартаменты — мою арендованную мечту, — и становится ясно, что роскошь дарит мне ложное чувство защищенности. Белое покрывало и обивка изголовья. Белый ковер. Белый ночной столик. Белые свечи, белые лампы, белые квадраты вместо картин — единственное украшение бледно-сиреневых стен. Белый. Белый. Белый. Я дышу белым. Цвет непорочности словно уравнивает мою внутреннюю черноту.

Тряхнув головой, я заставляю себя сосредоточиться на предстоящем свидании с Уолкером.

Уолкером Вудсмитом-младшим. Само его имя источает запах денег. Голубоглазый блондин с родословной как у одного из клана Кеннеди, телом олимпийского чемпиона по плаванию и отвязным шиком Jay-Z — он воплощенное божество. И трахается тоже божественно. Он обращается с моим телом, как музыкант-виртуоз с идеально настроенным инструментом; в постели с ним всякий раз возникает ощущение, что я становлюсь чуть ближе к небесам.

Стоит подумать о нем, как мой пульс учащается. С Уолкером все всегда происходит быстро, яростно, жестко, на грани.

И мне это нравится.

Последний штрих темно-красной помады, и я отхожу на пару шагов, чтобы увидеть себя в зеркале целиком. Улыбаюсь. Мое отражение безупречно. Каскад прямых черных волос, кожа без тени загара, глаза цвета незабудок, фигура, как песочные часы... Эту Блэр не обидят хулиганы на школьном дворе. Эта Блэр не будет считаться изгоем.

Эта Блэр будет сиять.

Маленькое черное платье тесно облегает мою фигуру, бледная кожа светится сквозь полупрозрачный кружевной слой. То, что надо. Я выгляжу порочно. Настоящий секс — им-то я и торгую. Я хочу, чтобы все мужчины меня хотели, а женщины ревновали ко мне. Мне нужно — необходимо — чувствовать себя желанной.

Нацепив сногсшибательные (еще и потому, что упасть в них — раз плюнуть) шпильки Миу Миу, я подхватываю сверкающий стразами клатч и выхожу.

Упиваясь вниманием прохожих, я стою на углу и вылавливаю в потоке машин такси. Машу рукой, золотые браслеты, звеня, скользят по запястью к локтю. В ожидании запрокидываю голову и оглядываюсь, завороченная тем, как оживает город с наступлением темноты. Жизнь кипит здесь и днем, но ночью... ночью все иначе. Лучше. Как только зажигаются фонари, неистовая волна крышесносного, заразительного, сметающего запреты безумия разносится по улицам Манхэттена, увлекая всех его жителей за собой. Дрейфуя в этих бурлящих водах, я чувствую себя свободной как никогда.

Пока я наблюдаю за какой-то парочкой, которая, держась за руки, выгуливает своего пса, звонит телефон. Открываю крохотный клатч, достаю белый прямоугольник — на карте памяти записана вся моя жизнь — и улыбаюсь, увидев на экране фото лучшей подруги. Она единственная, кто знает настоящую меня.

— Йоу, — говорю я. Нам нравится, болтая по телефону, притворяться крутыми чиками, но честно говоря, получается средне.

— Че-как, крошка? — отвечает она мне в тон.

Рядом наконец-то тормозит такси.

— Элли, погоди секунду. — Я проскальзываю на заднее сиденье. Кожаная обивка приятно холодит мою обнаженную кожу. Сообщаю водителю адрес и возвращаюсь к разговору.

— Извини, я тут. Рассказывай скорей, как дела. Сто лет тебя не слышала.

Элли смеется.

— Все потому, что ты слишком занята тем, что доишь Уолкера.

Я улыбаюсь.

— Ты права... причем и в прямом, и в переносном смысле.

Она хохочет над моим ответом.

— Блэр, какая же ты бесстыжая! Впрочем, за это я тебя и люблю. Ладно. Пока мою девочку не обижают, мне плевать, что он такой напыщенный осел.

— Не обижают, сама знаешь. И вообще, мне казалось, что ты уже примирилась с его существованием, нет? — Хочется добавить, что я буду с ним вне зависимости от того, как он со мной обращается, но я молчу.

Уолкер мне нравится. Очень. Его член вызывает переживания, близкие к религиозному экстазу; он из тех парней, которых уважают мужчины и о которых мечтают женщины. Он до

неприличия богат, и с ним я отрываюсь по полной. Но, видите ли, в чем фокус... звучит, конечно, ужасно, но я бы ни минуты на него не потратила, будь он нищее никто. Я не верю в любовь, но верю в практичность и достижение поставленных целей. Я хочу жить не просто хорошо. Я хочу жить роскошно. Легкая жизнь — вот моя цель. А с нищим никем ее не достичь.

Все упирается в приоритеты. Счастливый среднестатистический брак — любимый муж, два с половиной ребенка, домик в викторианском стиле в пригороде — не в топе моих интересов. Со временем маме надоест воспитывать детей и сидеть дома. Она все чаще начнет с тревогой задумываться, неужели отныне вся ее жизнь сводится к переглаживанию гор выстиранного белья. Папе надоест трахать одну и ту же женщину. Разочарованный и неудовлетворенный жизнью, он, если не начнет ходить налево, то станет прикладываться к бутылке или, как вариант, попрекать семью деньгами, ведь ему пришлось стольким пожертвовать, чтобы обеспечить им достойную жизнь. Ну, а что касается тех двух с половиной детей, которые выглядят такими счастливыми на страницах глянцевого каталога... За их милыми улыбками кроется одиночество и слезы из-за постоянного пренебрежения.

Спасибо, но мне такого счастья не надо.

Я кажусь вам расчетливой? И правильно. Я золотоискательница, а еще я не строю иллюзий. Любовь со временем чахнет... ну а бриллианты? Бриллианты — они навсегда.

Как положено циничной суке, я хочу успеть капитализировать свою красоту, пока и она не померкла.

— Не доверяю я ему, вот что, — слышу я голос Элли. — Мне хочется, чтобы тебе встретился хороший парень, который полюбит тебя за то, кто ты есть, а не за внешность.

Смеюсь, глядя на пролетающие мимо уличные огни. Такси набирает скорость.

— Элли, давай смотреть правде в глаза. Узнав, кто я есть, хорошие парни бросятся врассыпную.

Она молчит, потом отвечает:

— Я имею в виду, кто ты есть на самом деле. Кого ото всех прячешь. Если вспомнить все, что ты для меня сделала...

— Перестань. Seriously, не понимаю, чем он тебе не угодил. Мы с ним отлично ладим. Расскажи лучше, как ты провела отпуск. — На две недели Элли уезжала к родным в Калифорнию.

Она недовольно сопит.

— Блэр, не меняй тему. Не знаю... Есть в этом Уолкере что-то настораживающее.

— Не надумывай себе лишнего. Нам с ним хорошо вместе.

Это правда.

Я познакомилась с Уолкером в Notte, первоклассном ресторане в Мидтауне, где я работаю хостесс. Он зашел с приятелями на ланч и сначала увидел во мне всего лишь классную задницу, пригодную разве что для секса на скорую руку (впрочем, кто знает — может, он и сейчас так думает). Я же увидела дорогой костюм, не менее дорогие часы, а когда узнала его фамилию, то чуть не выпрыгнула из трусиков. Встретить такого парня для девушки вроде меня было все равно что найти утонувшую Атлантиду.

Под звон столовых приборов и мерный гул голосов я красовалась перед Уолкером, точно павлин, стоя за своей стойкой у входа.

И наконец перехватила его взгляд.

По коже поползли мурашки.

Потом второй.

Внутри разлилось тепло.

Третий.

Меня охватил огонь.

Мы переглядывались на протяжении всего ланча — просто не могли остановиться.

К моменту, когда Уолкер расплатился по счету, я была уверена, что перед уходом он попросит у меня номер телефона, как поступало большинство моих мужчин до него. Но он этого не сделал. Мало того, даже не взглянул в мою сторону, пока шел к высоким стеклянным дверям. Я смотрела, как его светлые, безупречно уложенные волосы золотом сияют на солнце, а когда услышала рокот его смеха в ответ на чьи-то слова, внутри у меня все завибрировало.

А потом он просто взял и ушел.

Хотела бы я сказать, что в момент, когда он вышел за дверь, я выбросила его из головы, но это будет неправдой. Он занимал мои мысли весь день. Когда моя смена закончилась, я расцеловалась, прощаясь, с девушками-коллегами, подхватила свое пальто и вышла на улицу.

В тот же миг мое сердце остановилась.

Я увидела его. Уолкера.

Он стоял, прислонившись к своему черному «БМВ», припаркованному через дорогу от ресторана, и смотрел на меня в упор — гладкие волосы разделены на пробор (прическа дурацкая, но на нем смотрелась отпадно), на губах играет самоуверенная улыбка. Он выглядел настолько великолепно, что моя внутренняя шлюха тотчас представила, как запускает пальцы в эти его отросшие волосы и скачет на нем верхом, как на механическом быке.

Перейдя дорогу, он не спеша зашагал в мою сторону. Остановился передо мной и просто сказал:

— Поехали.

Я была готова ответить «да».

Но знала: если я хочу, чтобы он относился ко мне по-особенному, давал мне все, чего я хочу, и выделял среди всех прочих доступных ему смазливых мордашек, мне нужно заставить его потрудиться. Я должна заставить его завоевать мое внимание. Разве гоняться не интереснее, чем ловить? Такие парни, как он, обожают охоту.

Поэтому я одарила его лучшей своей улыбкой — той, которая языком говорит «нет», а глазами «да».

— Извини, но во-первых, у меня свои планы на вечер, а во-вторых, я тебя даже не знаю.

Он ухмыльнулся, в глазах засверкали блудливые огоньки.

— Почему-то я так и думал, что ты скажешь «нет».

Плавным, обольстительным жестом я провела рукой по своим длинным волосам. Он следил за мной пристальным взглядом.

— Какой ты умный. Ну, мне пора...

— Уолкер. Меня зовут Уолкер.

— Пока, Уолкер, — бросила я через плечо и пошла прочь.

И только дойдя до середины улицы услышала, как он кричит мне вслед:

— Учти, отказа я не приму!

Я остановилась и повернулась к нему лицом, положив руки на бедра.

— Да неужели? — С замиранием сердца я ждала ответа, чувствуя, как пальцы ног поджимаются в дорогущих лодочках Mary Jane. Видишь, Уолкер... насколько интересней гоняться?

На его лице медленно появилась вальяжная улыбка, сделавшая его похожим на самонадеянного ублюдка, кем он, в общем-то, и являлся. Но мне это понравилось.

— Ты дашь мне еще один шанс. А потом...

— Что потом?

— Полагаю, тогда и узнаешь.

И... все. После этих слов он дождался просвета в потоке машин, перешел дорогу, сел в свою машину и уехал, оставив меня стоять среди людской толчеи и смотреть, как он уносится навстречу закату.

Я отказывала Уолкеру еще несколько раз, но он не сдавался. Напротив, преследовал меня все более агрессивно и целеустремленно. Как все хорошее в жизни, я стоила потраченного на меня времени, и он это понимал. А еще он сразу понял, что завоевывать меня нужно деньгами — подарками, ужинами в дорогих ресторанах, предложением снять новые апартаменты...

Он дал мне все.

Шампанское и икра — вот, что целиком владеет моим вниманием, пока я ступаю по светлым деревянным полам зала Лилы Эйксон Уоллес в Метрополитен-музее. Гуляя между стендами, я притворяюсь, будто восхищена сегодняшней выставкой ювелирных украшений работы знаменитого дизайнера, имени которого я не помню. Слева от меня сверкает всеми цветами радуги бесценная бриллиантовая бабочка, справа поблескивает кобра, сделанная из каких-то черных камней. Прекрасные драгоценности мерцают в приглушенном освещении зала, заполняя пространство сиянием тысячи звезд. Взгляды исподтишка. Утонченная музыка. Шелест насмешек. Сплетени о всех и вся. Сливки общества общаются между собой и делают вид, что рады друг другу, но от них так и веет фальшью, презрением и чванством.

Таков мир Уолкера, и я его обожаю.

Стоя в уголке, где толпа реже, а музыка тише, я поглядываю на светловолосую голову Уолкера в противоположном конце зала. Он болтает с коллегами по работе и их женами. И выглядит безумно элегантно в своем черном смокинге, безукоризненно накрахмаленной белой сорочке и черном галстуке-бабочке — стоит каждого пенни своего трастового фонда. Золотистые волосы, разделенные пробором, сияют как солнце. Он безупречен.

Улыбаюсь. Да-а, сложно узнать в этом лощеном парне того, кто любит снюхивать с моих титок кокс в то время, как трахает меня с хардкор-порно на фоне. Он кажется таким недосыгаемым, таким невозмутимым, но глаза выдают его, когда он начинает прочесывать цепким взглядом толпу. Он высматривает меня. А как же, ведь он наказывал не уходить далеко, когда вскоре после приезда сюда я отошла, чтобы он мог без помех пообщаться с друзьями. Я не люблю прилипать и сама стараюсь не быть такой.

Я перехватываю у проходящего мимо официанта третий бокал шампанского и пока раздумываю, что бы еще посмотреть, мой взгляд падает на нечто по-настоящему впечатляющее. На подушке из черного шелка, цветом как мои волосы, лежит фантастическое ожерелье с бриллиантами — кусочек рая, только руку протяни. Если, конечно, вы осилите цену.

Склонившись над защищающим ожерелье стеклом, я борюсь с желанием прикоснуться к холодной поверхности. Как зачарованная, рассматриваю переплетение платиновых шипов и листьев... В центре сверкает роза из красных бриллиантов — большая, размером с мою ладонь.

Чувствую движение — кто-то становится рядом. Не отвлекаясь на него или нее, я продолжаю любоваться преломлением света в камнях.

— Красивое, правда?

Ровный, повелительный мужской голос излучает абсолютную власть. Я не отвожу глаз от витрины. Назовите это шестым чувством, если хотите, но я почему-то знаю, что ни при каких обстоятельствах не должна поднимать взгляд на этого незнакомца, разговаривающего таким тоном, словно он властелин мира.

— Да, — отвечаю коротко.

— Интересно, сколько оно стоит, — молвит он.

— Это неважно... Не представляю, кому оно по карману.

Он усмехается, и смех его еще приятнее голоса. Чувственной.

— Мне, например.

Его самоуверенность забавляет меня. Люблю наглых засранцев.

— Сомневаюсь.

— Не стоит. Я всегда говорю только правду. — Голос бесстрастен, однако не поверить его словам невозможно — они разом и утверждение, и приказ.

Внезапно шум в помещении начинает отдаляться. Смех, оживленные голоса, музыка оркестра — все это постепенно затихает, и наконец я слышу только один голос — его.

В это мгновение он становится единственным, что для меня важно.

— Правда — понятие субъективное, сэр.

— Правда — допустим. Но не деньги. За деньги можно купить все.

Его ответ — как удар током. Туман от шампанского в моей голове моментально рассеивается. Пульс учащается, от волнения становится трудно дышать. «Не смотри на него... не смотри...»

— О, неужели? — Мой тон пропитан сарказмом. Хотя этот тип совершенно прав.

— Разумеется. Я верю, что у всего, — он делает паузу, — и у всех есть своя цена.

Любопытство берет верх. Я поворачиваюсь к нему лицом... и осознаю долбаный масштаб совершенной ошибки. Когда наши глаза встречаются, я замираю, лишённая дара речи, и перестаю дышать. Мой собеседник выглядит так, что выражение «страсть с первого взгляда» обретает совершенно новый смысл.

В свои неполные двадцать три я не раз встречалась с крайне привлекательными мужчинами, но ставить в один ряд с ними этого незнакомца было бы несправедливо по отношению и к нему, и к ним. Красивое лицо в обрамлении непокорных темно-русых волос. Рассеянный взгляд зеленых, как долларовые банкноты, глаз. Нос с небольшой горбинкой. И рот, который так и хочется заполучить себе между ног. Его красота сурова и в то же время ошеломительно совершенна. Одетый в простой черный смокинг и белую сорочку с расстегнутым воротом, он излучает мужественность и врожденную грацию, напоминая черную пантеру перед прыжком. Эта его грубая, животная, бьющая изнутри энергия и привлекает меня больше всего. Потому что всего лишь стоя с ним рядом, я чувствую, что его слово всегда будет последним, а его желания — исполнены первыми. Такие, как он, не просят, а требуют. Не надеются, а берут.

Минуту он молчит. Его невероятные глаза держат меня в плену, они обнажают мою душу, и мне это неприятно. Я крепче сжимаю в руке хрустальный бокал. Хочу отвернуться — и не могу. Стою и ежусь под его взглядом.

— Вот интересно... а у тебя она есть? — спрашивает он негромко, после чего отворачивается и снова принимается разглядывать ожерелье.

— Что? — не понимаю я, а потом цепенею.

Он улыбается.

— Цена.

— Может и есть. Зависит от суммы, — отвечаю спокойно, а у самой сердце колотится так, словно вот-вот выскочит из груди. Удивительно, но когда эти слова вылетают наружу, я не испытываю ни шока, ни удушающих волн стыда за то, что говорю на такие темы с совершенно незнакомым человеком.

Хотя, чему удивляться. Учитывая, кто я.

Пока он обдумывает мой ответ, а я выжидательно рассматриваю его профиль, мимо нас проплывает прохладное дуновение сквозняка. Меня пробирает дрожь. Покрывшись гусиной кожей, я уже хочу обхватить плечи руками, но в этот момент он медленно оборачивается и

ловит мой устремленный на него взгляд. Время замирает. Я смотрю, как он поднимает свою большую загорелую руку и дотрагивается до моего обнаженного плеча. Кончики пальцев легонько разглаживают покрывающие его мурашки. Затем он улыбается, словно догадавшись, что от его обжигающей ласки по моей коже пошла трепетная волна, и отводит взгляд.

— Я так и подумал.

Мы стоим друг напротив друга еще минуту-другую, разделяющее нас расстояние настолько мало, что почти неощутимо. Я легко могу дотронуться до него, стоит лишь протянуть руку...

...Звук телефонного звонка, разорвав тишину, возвращает нас обратно в реальность. Незнакомец достает из внутреннего кармана смокинга сотовый и, мельком взглянув на имя звонящего, сбрасывает звонок. Потом снова поднимает глаза на меня.

— Прошу прощения.

— Все нормально. Мне нужно идти... я здесь не одна, — отвечаю, хотя уходить от него мне совсем не хочется.

— Да, хорошая идея.

Я хмурюсь. Вовсе необязательно быть настолько прямолинейным.

— Вот. — Двумя пальцами незнакомец протягивает мне какую-то карточку.

Я раскрываю ладонь и чувствую укол острых уголков.

— Что это? — спрашиваю тупо.

— Очевидно, моя визитка.

— Да... но зачем?

Он улыбается одними губами, глаза непроницаемы.

— Скажем так, я заинтересованный покупатель.

И на этом он от меня уходит. Разворачивается и исчезает в море разноцветных вечерних платьев и черных костюмов. Вновь окруженная шумом вечеринки, я опускаю взгляд на карточку кремового цвета, которая лежит у меня на ладони. Минимализм дизайна привлекает внимание к имени, набранному жирным шрифтом.

Лоренс Ротшильд.

Я с улыбкой провожу по имени пальцем. Все зависит от того, сколько вы готовы заплатить, мистер Ротшильд.

***

Еще не оправившись от этого неожиданного знакомства, я натыкаюсь взглядом на Уолкера. Он все на том же месте и с теми же людьми. Нервно поправляю волосы, пытаюсь успокоить звучащие в голове голоса. «Мне вернуться? Мы еще увидимся?» Боюсь не выдержать и отправиться на поиски мистера Ротшильда — что делать, я непостоянна — и потому решаю не искушать судьбу и поскорее присоединиться к Уолкеру и его друзьям.

Я иду, и все взгляды устремлены на меня, восхищенные ли, осуждающие — неважно. Я неприкасаемая. Но это не отменяет того факта, что все они словно приклеились к моему порочному телу. Тонкий слой кружева не скрывает мою бледную кожу, а скорее выставляет ее напоказ.

Уолкер тоже глядит в мою сторону. Голубые, как льдинки, глаза прикованы к моим, они темнеют от желания. Мы улыбаемся друг другу. Ни один не может отвести взгляд. Пока мы

трахаем друг друга глазами, в моем сознании вспыхивают грязные, вульгарные картинки — я представляю его член... в том месте, где хочу его прямо сейчас. Рот Уолкера медленно растягивается в самодовольной ухмылке, такой же аппетитной, как и обещание сладчайшего из грехов на его лице, и я точно взмываю над полом. Расстояние между нами сокращается... гул разговоров становится все громче... я теку, предвкушая его вкус на своем языке...

И решаю не выбрасывать визитку мистера Ротшильда.

Кто знает, когда придет время делать апгрейд.

Я встаю рядом с Уолкером, его рука тянется к моей, смыкается с моими пальцами, притягивает меня к нему. Он склоняется над моим голым плечом, дует на кожу, а потом целует.

— Я уже начал гадать, не украл ли тебя кто, — шепчет он мне на ухо.

Я бросаю на него косой взгляд, на моих губах играет легкая улыбка.

— Но я ведь здесь, разве нет?

— Да, детка. — Он усмехается. — Конечно.

Люди вокруг нас покашливают. Мужчины, которые видели, как он пометил собственническим поцелуем мое плечо, не сводят с меня глаз, пока их спутницы делают вид, что меня не существует.

— Фу, Уолкер, идите уединитесь, — цедит какая-то девушка. Моя ровесница, она чем-то похожа на меня — такая же бледная, черноволосая, но плоская и холодная, как зима.

— Познакомьтесь, это Б...

— Так вот, Элино, как я уже говорила, пока Уолкер не перебил нас... — Девушка отворачивается, демонстративно игнорируя мое присутствие и то, что Уолкер собирался меня представить.

Уолкер сжимает мою ладонь, но не произносит ни слова в мою защиту. Внезапно я ощущаю себя маленькой и уязвимой. Хочется отойти от него, заслониться руками, а потом без оглядки сбежать. Наверное, я не настолько непробиваемая, как мне казалось...

Уже настроившись уйти, я замечаю краем глаза, что девушка по имени Элино, давится смехом, и благодарю Бога, потому что ее смех разжигает во мне огонь. Огонь ярости, которая может выжечь все на своем пути. Я это уже проходила. Надо мной издевались, меня целенаправленно игнорировали и высмеивали, но на этот раз я не позволю одержать над собой верх. Нет. Я больше не та незащищенная девочка. Отчасти я, наверное, сама виновата — из-за своего платья, из-за того, что разрешаю трогать себя на людях, — однако это не дает этим людям права хамить мне, практически незнакомому человеку. Я ничем не заслужила жестокого отношения, но если Элино нужна причина, чтобы сучиться на меня — она ее получит. Не вопрос.

Выпустив руку Уолкера, я провожу ладонями по бедрам — вроде как поправляю платье, но на самом деле хочу привлечь внимание к изгибам своего тела. Возвращаю на место дразнящую улыбку и смотрю на мужа Элино в упор. Получи, сучка. Он сразу же салютует мне бокалом шампанского. Пожирая меня глазами, делает глоток — похоже, кое-кто ждал этого момента весь вечер, — и тогда я нарочито медленно провожу языком по губам, точно искушая его выпустить шипучую жидкость мне в рот. Он доволен; в глазах сверкает похоть, член наверняка уже стоит в этих его черных штанах. Он явно из тех, кто в постели поручает всю работу женщине, а сам лежит на спине и пыхтит, какая она нехорошая, нехорошая девочка. Скука.

Жена дергает его за рукав. Ее хорошенькое личико искажено ревностью, на щеках

выступили красные пятна злости. Я удовлетворенно хихикаю. Эта сцена согревает мое каменное сердце. В моих силах рассорить их по-настоящему. Стоит лишь подать намек этому джентльмену, раздевающему меня взглядом, и встретиться с ним в укромном уголке...

Но я не буду этого делать. Мне нечего им доказывать.

Нечего.

Я уже собираюсь отвернуться, когда Уолкер кладет руку мне на задницу. Его ладонь плотно, точно вторая кожа, обхватывает мою плоть, а средний палец начинает потирать бедро, медленно пробираясь под юбку к моему горячему естеству. Тесно окружающая нас толпа — идеальное прикрытие для его действий.

— Мне не нравится, как Артур на тебя смотрит, — шепчет он мне на ухо.

И входит в меня пальцем.

Я гляжу перед собой — ничего не вижу, только чувствую — и пытаюсь сфокусировать взгляд на красивом темноволосом мужчине, который держит под руку похожую на меня девушку. Уолкер прав. Как и муж Элинон, он не сводит с меня глаз.

— Он хочет тебя. — Уолкер проталкивает палец до упора. Мне больно, но это приятная боль. Она посылает вниз по позвоночнику холодок, от нее дрожат пальцы, когда я подношу бокал с шампанским к губам.

Я делаю глоток.

— Они все хотят меня. Всегда.

Как только я произношу эти слова, мною овладевает тоска... и чувство пустоты. Они хотят мое тело, мое лицо, мой рот, но что лежит за всем этим, никому из них не интересно. Потому что там ничего нет.

— Очень плохо.

Не обращая внимания на то, что люди наблюдают за нами и, возможно, прислушиваются к нашему разговору, Уолкер наклоняется и кончиком носа проводит по моей шее, а потом тихо произносит:

— Я хочу тебя трахнуть.

Не самое романтическое признание, однако же я краснею.

Уолкер выпрямляется, медленно вытягивая из меня свой палец.

— Классно, что повидались, — обращается он к группе своих знакомых, — но боюсь, нам с Блэр пора уходить. — Взглянув на меня, он прибавляет: — Мне надоело ею делиться.

И снова неловкий кашель, презрение, косые взгляды...

Унижение.

— Доброй ночи. Приятно было увидеться. — Мои слова адресованы всем, но смотрю я только на жен.

Уолкер ловит меня за талию, и мы уже уходим, когда черноволосая девушка открывает рот.

— Уолкер, на одно слово. Ты не забыл, что во вторник мы с Артуром устраиваем вечеринку в честь возвращения Эммы из Европы? — говорит она ему, злобно улыбаясь в мою сторону.

Он крепче прижимает меня к себе.

— Не забыл. Я приду.

Обычно мне все равно, чем он занимается в свое время, но от того, с каким триумфом в глазах смотрит на меня эта девушка, в моей груди завязывается узлом какое-то неприятное чувство.

***

Когда мы выходим из музея, оставляя весь этот кошмар позади, нас приветствует темное, освещенное городскими огнями небо. В мои уши врываются звуки ночной жизни большого города: сердито сигналият желтые такси, из опущенных окон проезжающего мимо автомобиля грохочет хип-хоп, курьер на велосипеде раздраженно дребезжит звонком, разгоняя толпу на своем пути. Из белых пакетов на его багажнике пахнет китайской едой.

У подножья лестницы Уолкер притягивает меня в свои объятия. Наши губы соприкасаются, я горячо отвечаю, открываясь навстречу восхитительной атаке его языка. Увы, но его поцелуи не заставляют мое сердце петь, не озаряют мою внутреннюю темноту спасительным светом — мне кажется, со мной этого никогда не случится, — зато они дарят уверенность в том, что я желанна, что я нужна ему, а иногда, как сейчас, — необходима. Поцелуи Уолкера не требуют ничего, кроме телесной реакции.

Он накручивает мои волосы на кулаки, резко тянет за них, заставляя смотреть себе в лицо.

— Я...

Секунду он смотрит мне в глаза... а в следующее мгновение мы оказываемся в эпицентре переполоха. Целая свора собак окружает нас и, запутываясь в поводках, носится вокруг с оглушительным лаем и воем.

Выгуливающая их девчонка чертыхается.

— Шанель! Сидеть, девочка! Место!

— Какого хера! — гневно восклицает Уолкер, когда огромная немецкая овчарка поднимается на задние лапы, кладет передние на лацканы его безукоризненного смокинга и делает попытку облизать его лицо.

При виде того, как мой красавчик-бойфренд отчаянно, но безуспешно пытается сбросить с себя собаку, у меня вырывается смешок. Я собираюсь помочь ему, как вдруг словно из ниоткуда выпрыгивает черный мастиф и врывается в меня с такой силой, что я теряю равновесие.

— Оу-оу-оу! — верещу я, размахивая руками как утка на взлете.

Моя задница почти ударяется об асфальт, но прежде чем я успеваю шлепнуться наземь и выставить себя на посмешище, кто-то подхватывает меня. Сильные, словно стальные тросы, руки обвиваются вокруг моей талии, прижимают спиной к крепкому телу, защищают меня.

— Вы как, в порядке? — звучит над ухом вопрос. Кожи касается дыхание, мягкое и теплое, как летний бриз, отчего внутри меня начинает распространяться странная... щекотная дрожь.

— Простите, что вы сказали? — говорю, оглядываясь на своего спасителя.

Он усмехается.

— Я спросил, все ли в порядке.

О. О-о...

— О, да. Да, все хорошо. Извините.

Наша игра в гляделки вызывает во мне чувство неловкости, и я опускаю взгляд на руки вокруг моей талии.

— Ваши... э-э... руки... — бормочу я как полная идиотка. «Серьезно, Блэр? Ты серьезно?»

— А что с ними? — невинно спрашивает он, напрягая их посильнее.

Я с трудом сглатываю и пытаюсь собраться с мыслями. Кладу поверх его рук свои, толкаю — ничего не выходит. Они словно приросли ко мне.

— Можно уже отпустить.

Он со смехом разжимает свои теплые объятия, и мне сразу становится холодно.

— Виноват.

Я оборачиваюсь и вижу, что незнакомец посмеивается, причем так, что это сводит его извинение на нет. В уголках его глаз собрались озорные морщинки. Да этот засранец от души наслаждается ситуацией!

Я одергиваю платье.

— Спасибо за...

— Вам спасибо. Это лучшее, что случилось со мной за день.

Не улыбайся... Не улыбайся...

Я улыбаюсь.

Да и как удержаться?

Мы улыбаемся друг другу в окружении надрывистого собачьего лая. А потом я вспоминаю об Уолкере. Невольно морщусь, незнакомец, видимо, вспоминает о том же — мы одновременно оборачиваемся и видим, как взбешенный Уолкер материт несчастную девчонку. В руках у нее целая связка поводков, добрый десяток собак тянет ее в разные стороны. Несложно понять, почему она не смогла с ними справиться.

Я порываюсь вступить за нее, хочу попросить Уолкера успокоиться, но вспышка злости в его глазах вынуждает меня отложить эту затею.

— Приятель, остынь. Она не виновата, что собака на тебя прыгнула, — слышу я голос незнакомца, и он становится моим личным героем.

Не устояв перед искушением сравнить их, я отмечаю, насколько они разные. Уолкер — в безукоризненном черном смокинге, с этими своими голубыми глазами и светлыми волосами — кажется холодным и недостижимым. Незнакомец — его полная противоположность. Видавший виды черный костюм помят, каштановые волосы топорчатся на затылке, карие глаза излучают земное тепло.

Он присаживается на корточки и гладит собак, пытаясь их успокоить.

— Все... все... спокойно, — ласково приговаривает он.

Не удостоив его ответом, Уолкер бросает перепуганной насмерть девчонке:

— Научись выполнять свою работу как следует. Для этого, вроде, много ума не надо. —

С этими словами он хватает меня за руку и уводит прочь.

— Эй! Необязательно быть таким мудаком! Она же извинилась!

— Уолкер, погоди... так невежливо. Давай ты...

— Просто иди, Блэр.

Я оглядываюсь назад. Незнакомец стоит посреди улицы с широченной улыбкой на лице, вокруг играют собаки. Перестаю слушать тираду Уолкера и улыбаюсь ему в ответ.

Бросив ключи от своего «Астон-Мартин» швейцару, Уолкер затаскивает меня в лифт, и, как только двери закрываются, выпускает мою руку и отстраненно смотрит перед собой. Но не успеваем мы переступить порог его квартиры, как он поднимает меня за бедра и уносит в спальню.

Он расстегивает брюки и рывком стягивает их вместе с трусами вниз. Его член уже стоит. Раздевать меня он и не думает. Сразу сажает к себе на колени и входит внутрь одним мощным толчком. Его руки на моей голой заднице, он управляет моими движениями, задавая скачке бешеный темп. Я выгибаю спину. Вцепившись в его бедра, смотрю, как его член поршнем ходит во мне, и пьянею от этого эротичного зрелища. Все мои чувства обострены. Я воспринимаю только одно — Уолкера и его мокрый, вонзающийся в меня член. Хочу одного — больше, сильнее. Слышу одно — шлепки плоти о плоть. Он трахает меня жестко, мне больно, но, как и все хорошее в жизни, эта боль граничит с невероятным наслаждением.

— О, фак... Я сейчас кончу... я... сейчас... — стонет Уолкер и напрягается подо мной на пике оргазма.

Кончив, он сразу сталкивает меня с колен; матрас пружинит, когда я падаю на кровать. Потом встает, его член еще твердый, весь в сперме и моей смазке, и уходит в ванную.

Лежа на спине, я смотрю в синеющий сверху потолок, пытаюсь успокоить сердце и привести свои взбаламученные эмоции и мысли в порядок. Столько неожиданных встреч и событий произошло в этот вечер, что я чувствую полнейшее опустошение, и вместе с тем в моих венах толчками бьется какая-то сумасшедшая энергия. После происшествия у музея Уолкер вел себя более чем странно. За всю дорогу до дома он не сказал мне ни слова.

Услышав шум спускаемой в туалете воды, я поворачиваю голову в сторону ванной. Смотрю, как Уолкер выключает свет и идет к кровати во всем своем нагом великолепии. Мои щеки горят, я хочу, чтобы он трахнул меня снова. От воспоминания, как он двигался во мне, вдавливая в мою плоть свои пальцы, меня охватывает беспощадное, болезненное томление. Я хочу еще. Всегда.

— Ты никогда не разочаровываешь, Блэр. Видела, как Артур пялился на тебя? Как он завидовал мне? Охренеть можно. — Уолкер смеется, проводя рукой по своей взъерошенной шевелюре. — Он жутко хотел тебя.

Я встаю, снимаю платье и бросаю его на пол, потом наскоро умываюсь и снова ложусь. Натягиваю до подбородка белую шелковую простыню. Шелк приятно охлаждает мою кожу — разгоряченную, несмотря на то, что внутри меня лед. Уолкер тоже забирается под простыню. Наши ноги переплетаются, я вожу ступней по гладкой коже его голени, и он притягивает меня к себе так близко, что мои груди касаются его торса, а к промежности прижимается его мягкий член.

— Ты поэтому стал совать в меня пальцы? Чтобы он и твои коллеги смотрели? — спрашиваю его небрежно. Холод внутри продолжает распространяться, сковывая меня все сильнее.

— Да нет. Просто только такая, как ты, могла разрешить трогать себя на глазах у кучи народа. — В его тоне слышна улыбка.

— Такая, как я — это какая, Уолкер?

— О, ну ты же понимаешь, что я имею в виду...

— Вообще-то не понимаю. Может, объяснишь?

— Ну... такая дикая и потрясная.

— Ты забыл еще одно слово, Уолкер. Легкая. Со мной легко, — отвечаю я и сама поражаюсь тому, насколько бесстрастно звучит мой голос.

— Блэр, детка... ты же знаешь, я тебя обожаю. Абсолютно все в тебе сводит меня с ума, начиная от твоих потрясных карих глаз и заканчивая...

Я зеваю, от физического и морального истощения меня клонит в сон.

— Уолкер, я очень устала. Давай спать. Мне завтра на работу.

— Возьми выходной и побудь завтра со мной. — Он лениво прикладывается к моим губам. — У вас в штате много хостес, тебя и не хватятся.

— Не могу. Завтра у Ланы экзамен, и я обещала Карлу ее подменить.

— Как скажешь. — Чувствительно ущипнув меня за задницу, Уолкер перекачивается на свою сторону кровати.

Когда я начинаю проваливаться в сон, ко мне возвращается чувство одиночества, мой многолетний спутник и друг, и я ему рада. Оно привычное и успокаивающее. Все мои прежние связи похожи на эту. Игра, секс, игра, секс — и всю дорогу никаких эмоций. Но меня это устраивает. Так лучше. Так меньше риск, что меня обидят.

Моя последняя мысль перед сном о том, что за несколько месяцев, пока мы встречаемся, Уолкер так и не запомнил цвет моих глаз.

***

Утром мы завтракаем на его шикарной кухне. Вокруг черный мрамор и нержавеющей сталь, приятно пахнет свежесваренным кофе. Уолкер выглядит как всегда безупречно, на нем дорогой костюм Tom Ford.

— Да, пока я не забыл... — Он вытягивает из внутреннего кармана пиджака белый конверт. — Вот, держи. Должно хватить, чтобы пару месяцев платить за квартиру.

Я заглядываю в конверт. При виде толстой пачки банкнот глаза лезут на лоб. Тут не только на оплату квартиры.

— Но здесь чересчур много. — Я поднимаю на него озадаченный взгляд и шутливо интересуюсь: — Это что, отступные? Ты решил меня бросить?

Уолкер трет глаза ладонями.

Та-ак...

— Кстати, Блэр... — Он вздыхает. — Не знаю, как сказать, чтобы не обидеть.

Я делаю шаг назад и натываюсь на край столешницы.

— Что, Уолкер? Говори, как есть. — В животе комом оседает дурное предчувствие.

— Моя девушка скоро возвращается из Парижа. Через пару недель я вроде как делаю ей предложение. Поэтому — да. Я больше не смогу с тобой встречаться.

Эта новость для меня — как удар под дых.

— Так. Стоп. У тебя есть девушка?

Он тянется ко мне, но я отбрасываю его руку.

— Вообще я надеялся, что ты возьмешь выходной, и мы поговорим об этом нормально, но не вышло — значит не вышло. Да, у меня есть девушка. Ее зовут Эмма. Блэр, я думал, ты знаешь. В любом случае, а чего ты ждала? У парней типа меня не может быть ничего

серьезного с такими, как ты.

— Ага, вы просто трахаете нас, пока не надоест.

— О, только не грузи меня херней о морали. Я отстегивал тебе за каждый наш секс, от первого до последнего. За одежду, которая на тебе надета, за твою модную квартирку... — Он смотрит вниз, на мои ноги, потом снова вверх, в голубых глазах сверкает насмешка. — За твои туфли.

Я не понимаю, почему настолько шокирована. Шекспировская драма какая-то.

Оказалось, не я его использую, а наоборот.

— Все так. Я давала тебе — ты давал мне деньги. Но фишка в том, что я никогда не притворялась другой, а вот тебе не хватило яиц быть со мной до конца честным. Молись теперь, чтобы твои так называемые друзья не сдали тебя невесте, потому что назад я тебя не приму.

— Они ничего не скажут. Им незачем со мной ссориться.

— Тогда мне жаль твою девушку. Нет ничего хуже, чем встречаться с трусливым лжецом.

В два шага он подлетает ко мне вплотную. Мы оба тяжело дышим. У него, у меня в глазах стоит ярость, кровь разносит эту отраву по венам.

— Себя пожалей. Такую меркантильную дрянь, как ты, видно издалека, не знала? — Он зажимает в кулаке мои волосы и больно дергает за них. — Я был бы с тобой честным. Но ты этого не стоишь. — Он отпускает меня с такой силой, что я больно ударяюсь о столешницу.

— Знаешь, что, Уолкер? И пары месяцев не пройдет, как ты приползешь обратно и будешь умолять подарить тебе второй шанс, потому что твоя безупречная жена не разрешит трахать себя в задницу, а мы оба знаем, как тебе это нравится. Но никакого второго шанса ты не получишь. К тому времени я найду тебе замену. Всегда находила — найду и на этот раз.

Мои слова настолько омерзительны, что он вздрагивает. Его ноздри раздуваются от гнева.

— Без меня ты никто, Блэр. Обычная шваль. А теперь пошла на хер отсюда.

Я смеюсь. Хочу сказать, что это он меня недостойн, но слова застревают в горле.

Потому что это вранье.

Я всегда знала, кто я. Смысла нет притворяться хорошей девочкой, потому что это будет полнейшая ложь. Я слишком люблю деньги, ту защищенность, которую они обеспечивают, и все те вещи, которые можно на них купить. Но пока я разворачиваюсь, выхожу из кухни и оставляю Уолкера позади, до меня доходит, что я опять облажалась. Я сделала себя уязвимой и нарушила свое обещание не позволять никому себя ранить.

Потому что именно это и сделал сейчас Уолкер.

На моем теле нет шрамов. Я не жила на улице, не сталкивалась с физическим насилием — в этом смысле мне, можно сказать, повезло, — но мало что может сравниться с отсутствием родительского внимания и пренебрежением, которым меня потчевали, как горьким лекарством, изо дня в день, пока я росла, а моя самооценка все падала.

Поверьте. Я знаю, о чем говорю.

Стоя в лифте, отделанным панелями вишневого дерева, дыша фальшивым запахом свежести от ковра, в котором утопают мои каблуки, я спрашиваю себя, как я до этого докатилась. Я не люблю Уолкера, но мне все равно больно. Мне в очередной раз показали, насколько я недостойна любви. Лифт везет меня в лобби, и пока на табло сменяются цифры этажей, я начинаю повторять свою старую знакомую считалку.

Любовь эгоистична.

Любовь зла.

Любовь ранит.

Собственно, Уолкер тут даже не при чем... он ведь не заставлял меня с ним встречаться. Это все я. Я одна. Возможно, поэтому мне так больно. Мне некого винить, кроме себя.

Опустив голову, я пытаюсь успокоить дыхание. Я не плакса, так что не скажу, что мне хочется плакать, но внутри все рвется на части. Боль расчищает дорогу для злости, в одном шаге за которой следует сожаление.

***

Швейцар сторонится меня, словно его уже известили, что отныне мне здесь не рады. На улице я мельком оглядываю себя. На мне вчерашнее платье; я выгляжу как шлюха и чувствую себя так же. Униженная, до краев переполненная страданием, я решаю не дожидаться такси. Нужно двигаться; стоя на углу, я привлекаю слишком много внимания. Быть может, мои ноги унесут меня от всего этого, от той боли, которая пришла с осознанием, кто я.

Через несколько минут я успокаиваюсь. Около входа в подземку меня разбирает смех. Действительно, а чего я ждала? Как можно злиться на Уолкера за то, что он использовал меня, когда я сама занималась в его отношении ровно тем же? Когда с самого начала меня интересовали исключительно его деньги, его имя и его смазливое лицо. Я сама во всем виновата. Потеряла в какой-то момент бдительность — вот мне и больно.

Спускаюсь по лестнице, погружаясь в темноту перехода. В нос ударяет неповторимый букет подземки — едкий запах мочи и канализации. Я морщусь и едва успеваю шагнуть в сторону, чтобы не наступить на бездомного, который сидит на последней ступеньке. Вот кому точно не помешает чашка кофе. С этой мыслью я достаю из клатча двадцатку и вручаю ему.

— О, спасибо вам, мисс! Спасибо! — Он расплывается в щербатой улыбке.

— Не за что, — бормочу я. Сердце щемит от доброты у него в глазах.

Собираясь защелкнуть клатч, я внезапно замечаю кремовый уголок. Мой билет на выход из этой передраги. Выуживаю визитку, держу ее в пальцах, и сердце начинает биться быстрее. Похоже, время апгрейда наступило раньше, чем я ожидала.

Тем же вечером.

Я снова стою перед зеркалом и привожу себя в порядок. Мажу истерзанные губы помадой, пока они не становятся темно-красными. Слой за слоем воссоздаю фальшивый фасад, пока не становлюсь Блэр. Пока не скрываю все свои недостатки.

Но я мошенница.

Глядя на свое отражение, я вспоминаю один позабытый день из прошлого. И замираю, точно парализованная.

— ...Мама, мамочка, не уходи! — Я ревом реву, вцепившись в ее юбку. Мать пытается оттолкнуть меня, но чем больше усилий она прилагает, тем крепче я за нее держусь. Я не могу отпустить ее. — Мамочка, останься пожалуйста! Не бросай меня. Пожалуйста, ну пожалуйста...

По моему лицу струятся слезы. Боль все нарастает, но я продолжаю умолять ее в надежде, что в этот раз она услышит и поймет, как сильно нужна мне.

— Блэр, отпусти! — Она борется со мной, стараясь высвободиться. — Я больше не вынесу ни минуты в одном доме с твоим пьяницей-отцом, иначе сойду с ума.

Я слышу позади нас истерический смех. Оглядываюсь и вижу папу. Он заходит в спальню и, шатаясь, идет к кровати, где лежит открытым мамин чемодан. Его глаза налиты кровью, вылезшая из штанов рубашка покрыта жирными пятнами, похожими на чернильные кляксы. От него разит спиртным, и когда этот запах ударяет мне в нос, мое сердце сжимается. Пронизанное страхом горе захлестывает меня словно волны мутной реки.

— Хватит упрашивать ее, Блэр. Так поступают только слабаки. Она вернется. Она всегда возвращается, — говорит отец.

Мать оборачивается к нему, в ее глазах презрение.

— И не рассчитывай, Оскар. Я не вернусь.

— А как же я? — восклицаю сквозь слезы.

При взгляде на меня мать немного смягчается, но потом она поднимает глаза на отца и мгновенно ожесточается снова.

— Извини. Просто я больше так не могу. — Она застегивает чемодан и идет к двери.

— Нет, нет, нет, нет! — Я бегу за ней вниз по лестнице, захлебываясь плачем, но она не останавливается. Выходит за порог и бросает меня...

Меня тошнит. Хочется закрыться в ванной и вырвать, но я пересиливаю тошноту и остаюсь на месте. Меня не победить ни Уолкеру, ни воспоминаниям о родителях. Я не позволю. Как сильные подчиняют слабых, так и я подчиню свои эмоции. Плевать на Уолкера. В конце концов меня не впервые бросают.

Я сделаю то, что удастся мне лучше всего. Я вычеркну Уолкера из своей жизни. Внушу себе, что его нет и никогда не существовало. Запрячу все до единого чувства и эмоции так глубоко, что ни сердце, ни разум о них и не вспомнят. И, двигаясь по порочному кругу, которым стала моя жизнь, найду себе кого-то другого.

Как находила всегда.

Чего тянуть, я начну прямо сейчас. С того, что выясню, кто такой этот мистер Ротшильд.

Я сажусь на кровать, открываю ноут и вбиваю в поисковик его имя. Бегло просматриваю журнальные и газетные статьи о нем — «Тайм», «Нью-Йоркер», «Нью-Йорк Таймс», «Форбс»... Да он не просто богат, он... Единственный потомок «старых денег» с Золотого побережья Лонг-Айленда и владелец медиа-империи стоимостью миллиарды долларов. Ожерелья вроде вчерашнего он может покупать пачками и не обеднеет.

Когда тот факт, что он богат как Крез, устаканивается в моей голове, я решаю посмотреть его фотографии, и у меня буквально отваливается челюсть. Вот он целуется с моей любимой актрисой, с другой, с третьей... Еще фото — он с известной писательницей, своей бывшей женой. Следующее — стоит в компании светской львицы из европейского аристократического дома, с которой недолгое время был помолвлен. Итак. Ему тридцать восемь, за плечами три брака (и столько же разводов) плюс мелкие интрижки без счета. Детей нет. И еще по слухам в молодости он пережил серьезный разрыв, от которого до конца не оправился.

Хм.

Я сижу, тупо уставившись на его фотографию, и не могу поверить в свою удачу. Неужели я правда нашла курицу, которая несет золотые яйца?

Воспоминание об Уолкере, о его голубых глазах, о том, сколько яда было в них, когда он назвал меня швалью, по-прежнему маячит в моем сознании, но мне уже не так больно, как пару часов назад. Его образ постепенно бледнеет и уходит в прошлое.

Вот так я вычеркиваю людей из своей жизни.

Стоит вам стать для меня обузой, я в тот же момент вас брошу. Если мне покажется, что вы способны меня обидеть, я тут же сотру вас из памяти и вырву из сердца, на котором и без вас достаточно ран. Я никогда не вспомню о вас. Я буду жить дальше и ни разу не оглянусь назад. И не надейтесь занять место в моих воспоминаниях.

Можете назвать меня бессердечной, если хотите, но лучший способ защитить свое сердце — поверить в то, что его нет. И я верю. Почти всегда.

К тому времени, как я заканчиваю собираться на работу, Уолкер стерт из моей памяти окончательно и бесповоротно. И поскольку до выхода в ресторан есть еще несколько минут, я принимаю решение позвонить мистеру Лоренсу Ротшильду.

Я дотягиваюсь до валяющегося на полу клатча, достаю его визитку и хватаю телефон.

Сидя на кровати и нервно вытирая ладони о свои кожаные леггинсы, жду ответа. И он отвечает — после четвертого или пятого гудка, когда я уже собираюсь отключиться.

— Да, — произносит он этим своим голосом, от которого слабеют колени.

Сжимаю телефон крепче.

— Привет... хм... в общем... наверное, это прозвучит странно, но мы вчера виделись на выставке, и ты дал мне свою визитку.

— А... То есть, тебе уже наскучил тот мальчик, с которым ты приходила? — тянет он насмешливо, его тон спокоен и невозмутим.

— Откуда ты... Знаешь, что... Впрочем, неважно. Я звоню узнать, что именно ты имел в виду, когда давал мне визитку.

— Что я заинтересован.

— Да, но...

— Ты вроде умная девочка, — перебивает меня он. — Как думаешь, чем ты можешь быть интересна мужчине моих лет?

Я фыркаю, и нервное напряжение наконец-то проходит. Ну, в эту игру я играть умею.

— Могу спросить тебя ровно о том же. Чем мужчина твоих лет может быть интересен девушке вроде меня?

Он смеется в ответ.

— Тушэ. Похоже, мы отлично понимаем друг друга.

Секунду я молчу, кусая изнанку губы.

— Да. Я тоже так думаю.

— Завтра утром я улетаю по делу в Гонконг, вернусь в следующую субботу. Встретишься со мной, мы поужинаем, выпьем и заодно обсудим, чем именно ты меня... м-м... заинтересовала.

— Ты всегда не спрашиваешь, а ставишь перед фактом?

— Всегда. А что?

Теперь моя очередь смеяться. Я встряхиваю головой и говорю:

— Окей. Я подумаю и перезвоню... или не перезвоню.

— Мне кажется, или ты любишь оставлять последнее слово за собой?

— Блэр. Меня зовут Блэр Уайт. И... да, люблю. А кто не любит?

Он усмехается.

— А... у нашей красавицы все-таки имеется имя. Что ж, звони — если и когда будешь готова. — Он делает короткую паузу, подбирая следующие слова. — Я буду ждать, Блэр. Серьезно.

Ход переходит ко мне, и я-таки оставляю последнее слово за собой.

— Посмотрим... — шепчу, а потом отключаюсь.

И сижу на кровати в ступоре от волнения, пока жду, когда сердце начнет биться ровнее.

— Ты сегодня рано. Что-то случилось? — спрашивает Элли, когда я захожу в ресторан.

Я не спешу отвечать. Стою и смотрю, как она протирает белым полотенцем бокал. Элли потрясающая — в этом своем облегающем черном платье, с коротким каре каштановых волос, просто дух захватывает. Все-таки забавно, что мы с ней настолько сдружились. Она из тех людей, которым не нужно чужое одобрение для того, чтобы чувствовать себя хорошо и знать себе цену. В то время, как я... скажем, мне необходимо постоянное напоминание.

— Да так, ерунда. И говорить не о чем. — Я забираюсь на высокий барный табурет, вытягиваю обтянутые леггинсами ноги и, чтобы не смотреть Элли в глаза, принимаюсь изучать свои туфли.

— О, Блэр... с кем, по-твоему, ты сейчас разговариваешь? Ау! Я твоя лучшая подруга, так что прекрасно вижу, когда ты врешь.

Я пожимаю плечами и продолжаю любоваться своими туфлями, поворачивая их то так, то эдак.

— В общем, ты была права насчет Уолкера. — Улыбаюсь, подняв голову. — Как выяснилось, на днях приезжает его девушка, она же его будущая невеста. Соответственно, я больше ему не нужна.

Глаза Элли распахиваются, рот приоткрывается.

— погоди, что? Блин, да не может быть!

Рассматривать туфли надоедает, и я перевожу взгляд на свое отражение в зеркале над барной стойкой.

— Может. Как же он сказал... Дай-ка вспомнить... О! У таких парней, как он, не может быть ничего серьезного с девушками вроде меня. Плюс мне сообщили, что я шваль и без него ничего не стою.

Отставив бокал в сторону, Элли выходит из-за барной стойки и обнимает меня за плечи, словно желая укрыть собой от боли. Я неловко ерзаю в кольце ее ласковых рук. Вот странно. Мужчины могут трахать меня в рот, нагибать над столом, иметь совершенно любым способом, но ничего из этого не напрягает меня — в отличие от доброго прикосновения Элли. Я не привыкла к нежностям. А может, у меня просто-напросто черствое сердце.

— Ну и хер с ним. Ему же хуже, — говорит Элли.

Извернувшись, я достаю из заднего кармана помаду. Глядя в зеркало над головой, подкрашиваю губы, и мой рот расцветает ярко-алым, контрастируя с бледной кожей и черными волосами.

— Неважно. С сегодняшнего дня он официально в прошлом. Я уже про него забыла.

— Но...

— Слушай, будь моя жизнь кинофильмом, вот тогда, наверное, можно было бы засесть дома и пару недель распускать сопли из-за того, что мужчина мечты разбил мое сердце. Но мы не в кино, Элли, и никто мне сердца не разбивал. — Мы смотрим друг на друга в упор, и ни одна не отводит взгляда. — Да, мы с Уолкером встретились, но это была не любовь, поэтому я не собираюсь сидеть дома и хандрить в надежде, что он передумает и поманит меня обратно. И никаких извинений я от него не жду. Жди, не жди, их все равно не будет.

— Блэр, я все понимаю, но мне кажется, тебе не настолько безразлично, как ты...

— Да все хорошо, честно. Кстати. Тебе знакомо такое имя — Лоренс Ротшильд?

— Терпеть не могу, когда ты меняешь тему. — Она сердито сверкает глазами.

Я протягиваю руку, предлагая ей свою помаду.

— Так знакомо или нет?

Помотав головой, она бормочет сквозь зубы:

— Наверняка какой-нибудь очередной говнюк. Как ты любишь.

Я пропускаю эту реплику мимо ушей. Мне проще не смотреть в лицо реальности.

Реальность — очень жестокая сука.

— Мы познакомились на вчерашней выставке. Он дал мне свою визитку, и я рада, что мне хватило ума ее не выбрасывать. Как знала, что Уолкер меня кинет. В общем, я почитала про него в интернете, и оказалось, что он — настоящая золотая жила. Так что, я ему позвонила перед работой. — О деньгах и прочих составляющих сделки я не упоминаю. Это и так понятно. Секс на одну ночь меня не интересует, я предпочитаю длительные отношения, чтобы иметь возможность выдоить мужчину досуха.

Однако у меня есть предчувствие, что Лоренс предложит мне нечто совершенно иное, и Элли оно тоже категорически не понравится.

— Блэр, — осторожно произносит она, тщательно подбирая слова и отслеживая мою реакцию, — не хочу быть занудой, но ты только что рассталась с Уолкером.

— Не-а. Не так. Это он расстался со мной, — поправляю ее насмешливо.

— Не суть. И смени-ка тон, дорогая. Со мной эта фигня не прокатит. Я всего лишь хочу сказать, что если тебе больно, пусть даже чуть-чуть, не стоит сразу бросаться к другому. Легче не станет. Не позволяй им использовать себя и обращаться с собой, как с дерьмом.

— А теперь — внимание — новость: я тоже их использую. Кроме того, мне было классно почти со всеми парнями, с которыми я встречалась. Я летала в Париж и Милан только затем, чтобы прошвырнуться по магазинам. Я трахалась в президентском вагоне Восточного экспресса, пока путешествовала с одним типом по Азии. Я бесплатно жила в апартаментах на Марри-Хилл — только за то, что стояла на коленях да открывала рот. Поверь, абсолютно все мои отношения были взаимовыгодными.

— Но...

Потеряв интерес к своему отражению, я слезаю со стула. Мои каблуки с легким цоканьем стучаются о пол. Подхожу к Элли, и мы глядим друг на друга. В ее глазах — смирение или, может, печаль. Внезапно меня охватывает желание разрыдаться, но я мгновенно перехватываю этот порыв и беру его под контроль. Сжимаю губы, чтобы они не дрожали. С трудом, но проглатываю ком в горле. Твержу себе, что не было никакого секундного искушения забыться в тепле и ласке ее объятий, пока я признаюсь, что Уолкер и правда сильно меня обидел, что поддержка необходима мне сейчас как никогда. Но поезд уже ушел и исчез за горизонтом. Шанс открыться Элли упущен. Я целую ее в щеку.

— Давай закончим? Я правда больше не хочу мусолить эту тему.

Элли качает головой, короткие каштановые волосы задевают скулы.

— Ладно, хочешь быть прежней Блэр-которой-на-все-насрать — будь, но если вдруг тебе захочется поговорить или поплакать...

— Не захочется. Вот еще, переводить мою любимую тушь. Это, между прочим, Chanel.

Она вздыхает.

— Ох... ну вот что мне с тобой делать, а?

— Ничего. Просто люби меня, как я люблю тебя. — Я улыбаюсь и крепко-крепко стискиваю ее ладонь. — Спасибо, Элли. Серьезно, ты не представляешь, что для меня значит

наша дружба.

Она тоже сжимает мою руку.

— Просто помни, что я всегда рядом, хорошо?

Я киваю.

— Ладно, ладно. А теперь поставь себя и свою миленькую попку обратно за барную стойку, не то из-за меня у тебя будут неприятности. Мне нужно поговорить с Карлом о компьютере в комнате хостесс. Там что-то не то с программой, половина брони не выводится.

...Вечером, когда ресторан переполнен, я дежурно улыбаюсь парочкам, которые ждут свободного столика, а сама прокручиваю в голове свой разговор с Элли. Я не стала объяснять ей, почему позвонила Лоренсу, чтобы не сознаваться в том, что Уолкер причинил мне настоящую боль. Что он, точно Троянский конь, нанес мне удар в момент, когда я меньше всего этого ожидала, и показал, насколько я все-таки уязвима, сломав те нерушимые, как мне казалось, стены, которые я возвела вокруг себя. Он показал мне, насколько легко их можно разрушить.

Несмотря на улыбку на лице, чувствую я себя дерьмово. Я обещаю себе сделать все, чтобы такого никогда больше не повторилось. В конце концов, я — Блэр Уайт.

Я не раскисаю и не плачу.

Я забываю и продолжаю жить.

Я бросаю... или меня бросают.

Но я выживаю и не унываю.

Свой путь в жизни я всегда буду определять сама. Я слишком много перенесла, чтобы оно было иначе. И если для этого нужно связаться с человеком, который реально хочет платить мне за то, что я с ним сплю — я готова.

А на чувства мне наплевать.

Лежа в постели, я раздумываю, чем бы сегодня заняться. На работу мне только вечером, а валяться весь день в постели, глаза на белый потолочный вентилятор, и гадать, могут ли его лопасти перерубить человеку шею — не самое веселое времяпрепровождение.

Я встряхиваю головой, отбрасывая нездоровые мысли, и, зевая, потягиваюсь. Какое-то время лежу в тишине, слушая собственное дыхание и доносящийся из-за окна шум. Потом берусь за «Доводы рассудка», свой любимый роман, и пытаюсь погрузиться в историю любви капитана Уэнтворта и Энн Эллиот, но сегодня остроумное повествование Джейн Остин не увлекает меня. На душе беспокойно, и сосредоточиться не удается.

Положив книгу на тумбочку, я выбираюсь из кровати и плетусь в душ. Мне надо чем-то занять себя, чтобы отвлечься от мыслей о том, что я делаю со своей долбаной жизнью и есть ли у меня иное предназначение, кроме как жить на подачки богатых мужчин. Как же меня бесит, что обманывать себя, в отличие от других, почти невозможно, ведь в глубине души человек всегда знает, хороший он или полное дерьмо.

И на свой счет я иллюзий не строю.

В итоге я принимаю решение отправиться по магазинам. Отличное занятие — и думать не надо, и настроение можно поправить. А если не выйдет... что ж, буду, по крайней мере, грустить красивой.

Выбрав миленькое мини-платьице в стиле 70-х из летящей шоколадно-коричневой ткани с нежным цветочным орнаментом и лоферы в тон, я одеваюсь, но когда начинаю наносить макияж, в голову приходит мысль, что, пока Уолкеру не нашлась замена, стоит, наверное, поберечь его деньги, а не спускать их на тряпки. Обычно я трачусь по-крупному только в том случае, если оплату счетов может взять на себя кто-то другой. Свои личные сбережения я стараюсь не трогать.

Но потом я вспоминаю о Лоренсе...

***

Пополнив гардероб короткой кожаной юбкой и шелковой кремовой блузкой с черным кантом, я выхожу из Barneys. На улице шумно, люди перебегают дорогу, бродят, погрузившись в себя, и я, насмотревшись на них, решаю тоже пройти пешком.

В конце концов ноги приводят меня к фонтану Вифезды в Центральном парке. Присев на бортик, я ставлю пакеты с покупками на землю и полощу пальцы в прохладной зеленоватой воде, разглядывая знаменитого Ангела вод. На руках и крыльях статуи сидит с десяток голубей, а на голове всего один. Он кажется мне таким одиноким. Я наблюдаю за птицей, пока она не улетает, потом перевожу взгляд на заросли деревьев вокруг.

Становится жарко. Воздух, горячий и влажный, давит почти ощутимо; платье липнет к моей покрытой легкой испариной коже. Я смотрю на обнимающую справа парочку, как вдруг кто-то садится рядом и мою ногу задевает чья-то нога.

Машинально обернувшись, я обнаруживаю слева от себя мальчика лет пяти-шести. Он уплетает хрустящий соленый крендель и делает это с таким аппетитом, что мой пустой желудок начинает громко ворчать. Я смущенно обнимаю себя за талию. Мальчишка, очевидно, все слышал, поскольку он тотчас поднимает на меня глаза и дружелюбно

улыбается.

Я краснею.

— Прошу прощения.

— Ничего, у меня тоже все время урчит в животе. Мама говорит, я ем как слон, потому что расту. — Он отламывает половину кренделя и протягивает мне. — Хотите? Вкуснятина.

Во рту у меня скапливается слюна, но взять крендель я не могу, потому что не ем мучное. Совсем. Это мой пунктик, ведь стоит мне закрыть глаза, и я вспоминаю, как Пейдж и ее подружки дразнили меня за лишний вес.

Я качаю головой.

— Я не хочу, спасибо.

— Держите. Честное слово, я не стану просить вас купить мне второй.

Мальчишка протягивает мне крендель с таким трогательным выражением на лице, в его карих глазах ожидание. Как тут отказаться?

— Ладно, уговорил. — Я с улыбкой беру предложенное. — Спасибо еще раз.

— Пожалуйста. — Он ухмыляется от уха до уха, а потом снова вонзается в крендель зубами.

Я нерешительно смотрю на кусок хлеба, который держу в руке. Сплошные углеводы. А, к черту! Откусываю и признаюсь:

— И правда вкусно.

— Ну. Я же говорил. Кстати, меня зовут Олли.

— Приятно познакомиться, Олли. Я Блэр.

Он ухмыляется.

— Ну вот. Познакомились — теперь можно и поболтать, куколка.

Я кое-как сдерживаю смех, чтобы не смущать пацана.

— Куколка? Кто научил тебя этому слову?

— Самый большой спец в этом деле, — важно заявляет мальчишка, а потом морщит нос. — Только он не знает, что я подслушивал, как он болтает со своей шалавой. Меня отправили делать уроки, пока они смотрят телек в гостиной...

А-а-а! Я не выдерживаю и хохочу.

— Со своей шалавой? А это откуда, Олли? Надеюсь, не твой спец так ее называл?

— Нет! Моя мама.

— А она знала, что ты ее слышишь?

Он заливается краской и рассматривает свои башмаки.

— Нет...

Хихикая, я понимаю, что уже очень давно так не веселилась. Кто бы мог подумать, что невинная болтовня с этим ребенком может принести столько радости и удовольствия?

Я собираюсь приложиться к кренделю во второй раз, как вдруг до меня доходит, что мальчик гуляет в парке совершенно один. Сдвигаю брови и спрашиваю:

— Слушай, а где твои...

— Олли! Ну ты даешь, приятель! Я же просил ждать меня у Фрэнка!

Голос кажется мне смутно знакомым, и когда я, обернувшись, вижу, кто зовет Олли, то понимаю, почему. Это тот самый парень, с которым мы столкнулись возле музея. Оцепенев от удивления, я только и могу, что глазеть на него. Он тоже явно не ожидал увидеть меня снова — судя по такому же ошарашенному, как у меня, выражению на лице.

— Привет, — говорю я, внезапно занервничав. — Значит, этот милый маленький

мальчик ваш?

Я уже и сама замечаю сходство — у них одинаковые волосы цвета кофейных зерен, волнистые, естественно отливающие на солнце золотом. У Олли кудри длинные и непослушные, а мужчина, который смотрит на меня своими необыкновенно яркими светло-кариими глазами, подстрижен коротко, впереди волосы длиннее, чем по бокам. Еще у них одинаковые носы, прямые и ровные, только у мужчины переносица усеяна веснушками, придающими ему озорной мальчишеский вид... короче говоря, просто ах.

Он улыбается, засунув ладони в задние карманы джинсов.

— Может и мой. А что, Олли вам докучал? — Голос у него низкий и хрипловатый, как у голливудских актеров старой школы.

Мальчишка с широкой улыбкой придвигается ко мне поближе. Я заговорщически ему подмигиваю.

— Нисколько. Напротив, он был ужасно любезен и даже угостил меня кренделем.

— Ага. Я вел себя хорошо и поделился, как вы с мамой меня учили, — сообщает Олли.

— Молодец, — слышу я ответ незнакомца. Меня несколько расстраивает тот факт, что он, похоже, женат, и это полнейший бред, ведь я даже не знаю этого парня.

Он подсаживается к Олли, обнимает мальчика за плечи и ерошит ему волосы, а тот хихикает.

— Приятель, ты меня до чертиков испугал. Сам посуди, прихожу я за тобой к Фрэнку, а тебя нет. Надо, кстати, написать ему, что ты нашелся, пока он там не обделался от страха. Seriously, никогда больше так не делай. Теперь нам придется рассказать обо всем твоей маме, и мне наверняка крепко от нее влетит.

Олли виновато опускает плечи.

— Ну прости, дядя Ронан. Мне стало скучно слушать, как Фрэнк болтает со своей подружкой, вот я и ушел. Я просто хотел посидеть на улице.

Дядя Ронан? Хм. А что, мне нравится.

Мужчина, который на самом деле оказывается гораздо красивее, чем мне запомнилось, поднимает глаза на меня и улыбается.

— Дружок, я отлично тебя понимаю, но все равно, так делать нельзя. Обещаешь, что больше не будешь?

— Обещаю, дядя Ронан.

Я краснею и опускаю взгляд в землю. Краем глаза вижу, как они пожимают друг другу руки, и пользуясь тем, что внимание незнакомца переключилось, разглядываю его. Теплый, карамельный оттенок кожи говорит о том, что он много времени проводит на солнце. Литые мускулы сильных рук — значит, занимается спортом. Налет двухдневной щетины на квадратной челюсти — не особенно любит бриться? Своей расслабленной сексуальностью он напоминает мне модель из рекламы Gap или рок-звезду. И, кажется, я еще не видела, чтобы кто-то выглядел настолько мужественно и сексуально в простой черной футболке.

Я все еще изучаю его, когда он ловит мой оценивающий взгляд. И улыбается, точно все это время знал, что я на него пялюсь.

Ну, класс. Меня застукали.

Улыбаюсь в ответ — а что мне еще остается?

— Простите. Я забыл представиться, — говорит он.

— Ничего страшного. Вы, наверное, тот самый спец, который научил Олли убойному обращению с дамами.

Он со стоном запускает пятерню в свою шевелюру.

— Лучше даже не спрашивать, да?

Я пожимаю плечами, безмерно наслаждаясь его смущением.

— Не знаю, не знаю... куколка.

— А что тут такого? Ей же нравилось, — недоумевает Олли. — Она начала так смешно дышать и просить его не останавливаться.

Я слышу, как Ронан чертыхается сквозь зубы, и усмехаюсь. Бедняга...

Подавшись вперед, он упирается локтями в колени и оборачивается на нас с Олли. В глазах пляшут озорные искорки, на скулах легкий румянец.

— Очень рад, что вам так весело за мой счет.

— Ну... вы же сами спросили, верно, Олли?

Олли с энтузиазмом кивает, спутанные кудряшки подпрыгивают в такт.

— Ага.

Расхохотавшись в голос, Ронан притягивает Олли к себе и лохматит его шевелюру. Мальчишка визжит от смеха. Глядя на них, и я улыбаюсь.

— Ах ты, плутишка! Мы же с тобой, вроде, в одной команде.

— Она пахнет приятней, чем ты, дядя, а еще она красивее.

Я усмехаюсь.

— Видите... он умный мальчик.

— Да уж, мне до него далеко.

— Вот-вот, — со смехом соглашаюсь я. — Кстати, меня зовут Блэр.

— Блэр, — повторяет он, пробуя мое имя на вкус. — Вам идет. Красивое имя.

— Спасибо.

— Ну что, Блэр... как поживает тот тип в смокинге? — небрежно интересуется он, глядя в землю и потирая свой щетинистый подбородок. Мышцы его рук напрягаются, пока он ждет моего ответа, и я понимаю, что вопрос задан не из праздного интереса.

— А вы не любите ходить вокруг да около, да? Типа в смокинге больше нет.

Ронан поднимает голову, смех на его лице сменяется чем-то искренним, чем-то нежным.

— Не скажу, что мне жаль это слышать.

Я хочу заговорить, но то, как он смотрит на меня — словно видит насквозь, — создает внутри совершеннейший хаос и лишает меня дара речи. Все мои мысли рушатся под мягким взглядом его карих глаз.

Мы смотрим друг на друга, не отрываясь. На его лице мелькает мягкая улыбка. Он снова что-то говорит, но в голове моей полный сумбур, все внимание приковано к тому, как двигаются его чувственные, зовущие к поцелуям губы, и слова ускользают от моего восприятия.

— П-простите, я не расслышала. — Мне не хватает дыхания. Что за фигня происходит?

Его взгляд блуждает по моему лицу, останавливается на губах.

— Я думал, что никогда больше тебя не увижу.

— Дядя Ронан, я есть хочу. Можно мне мороженое? — раздается голосок Олли, и толстая стена напряжения, окружившая нас секунду назад, рушится как от удара молотком. Ох!..

Со вздохом облегчения я случайно бросаю взгляд на часы. Черт! Уже больше четырех. Мне давно пора быть дома и собираться на работу.

Я встаю, вытягиваю затекшие ноги и оглядываюсь. Парочка, которая обнималась рядом, уже ушла. Вокруг фонтана сидят теперь другие люди, духота спала. Забавно, как быстро летит время, когда тебе хорошо. Вовремя вспомнив о пакетах с покупками, я подхватываю их с земли и поворачиваюсь к Олли и Ронану. Заправляю за ухо выбившуюся прядь.

— Ужасно жаль, но мне пора. Через два часа я должна быть в одном месте, а еще нужно поймать такси. Было очень приятно познакомиться, Олли и дядя Ронан. — Я подмигиваю Ронану.

Он криво улыбается мне, качает головой.

— Это у вас привычка такая — убегать от меня, да?

Кусая губу, я вспоминаю тот вечер.

— А у вас — со мной сталкиваться?

— Может да... а может и нет. Кто знает, может, это судьба. — Он делает паузу и дерзко ухмыляется мне. — А может, мне просто нравятся красивые... виды.

Я хохочу и шлепаю его сумкой по колену.

— Ах вы!..

— Дядя Ронан... — снова встречается в наш разговор Олли. Такое чувство, что он это специально!

Я хихикаю.

— Да, Олли? — спрашивает Ронан, не сводя с меня взгляда. В его глазах пляшут смешинки. Мальчишка путает ему все карты, причем сознательно и, надо сказать, довольно успешно.

— Можно спросить кое-что?

— Валяй.

Я смотрю, как Олли прижимается своим маленьким тельцем к Ронану и шепчет что-то ему на ухо. Слушая его, Ронан улыбается — мне.

— Не знаю. Может, задашь ей этот вопрос сам?

Олли запускает ладошку в свои непослушные кудри, чем приводит их в еще больший беспорядок.

— Я хотел спросить, не хотите ли вы завтра прийти ко мне на день рождения, — произносит он скороговоркой.

Мое сердце ухает вниз. Я ненавижу вечеринки в честь дня рождения. И никогда на них не хожу. Внутри стремительно нарастает паника, и мне приходится откашляться, чтобы вновь обрести голос.

— Ой. Нет-нет-нет... а-а... я не знаю... Я не смогу. К тому же, это семейный праздник, а я чужой человек. Но все равно, спасибо за приглашение, Олли. Это так мило с твоей стороны.

Олли упрямо трясет головой.

— Но моя мама не будет против. Правда, дядя Ронан?

Ронан хлопывает его по спине.

— Конечно, не будет. Чем больше народу, тем веселее. Ну же, соглашайтесь. Не разбивайте парню сердце. Будет здорово. — Он смотрит на Олли. — Верно, приятель?

— Да. Не разбивайте мне сердце, — кротко вторит ему мальчуган.

— Вы ведь знаете, кто вы такие? — беспомощно спрашиваю я, пока две пары карих глаз глядят на меня в ожидании ответа.

— А то. Мы отличные парни. Ты согласен, Олли?

На щеках Олли появляются детские ямочки.

— Ага.

— Не знаю, Олли. Мы ведь только что познакомились. Вряд ли мама похвалит тебя за то, что ты зовешь в гости чужих людей, — говорю я, хотя в душе уже знаю, что пойду. В смысле, разве я могу отказать ребенку, который приглашает меня на самый главный свой праздник, когда знаю, насколько это обидно, когда ты зовешь гостей, а к тебе никто не приходит?

— О, ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Будет торт, хотдоги, гамбургеры и кукуруза с маслом. И вы можете подарить мне подарок. И мы не чужие люди! Мы вместе ели крендель, и вы знаете моего дядю Ронана. И нравитесь мне в сто раз больше, чем его бывшая шалава.

На этом месте глаза у Ронана чуть не выкатываются из орбит.

— Ты у кого услышал это слово? — Он издает сердитый стон. — Хотя неважно, наверняка у своей матушки. Ну все, дома кое-кого ждет серьезный разговор.

Я спешно выпаливаю, спасая Олли от неприятностей:

— Хорошо. Я приду.

Олли сияет, виноватое выражение мигом слетает с его лица.

— Я знал, я знал, что вы согласитесь!

Мы обмениваемся номерами телефонов. Я записываю адрес, где будет проходить вечеринка, (Ронан, проныра, не упускает случая записать мой) и уже ухожу, когда Олли догоняет меня, встает на цыпочки и шепотом сообщает мне на ухо:

— Мисс Блэр, мне кажется, вы нравитесь моему дяде.

Онемевшая, зардевшаяся, я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Ронана в последний раз, и вижу, что он пристально на меня смотрит. Когда наши глаза встречаются, чертов засранец имеет наглость подмигнуть мне перед тем, как послать вслед одну из своих гипнотических улыбок, и я — прямо затмение какое-то — не нахожу в себе сил отвернуться.

...Уже в такси я вспоминаю, что так и не посмотрела, какой марки его часы. Хотя в любом случае это не имело бы никакого значения.

Я так нервничаю, пока еду на метро в Бруклин, что почти ничего, кроме этого, не замечаю. Два раза я по рассеянности садилась не на тот поезд, из-за чего теперь совершенно неприлично опаздываю — из-за чего, в свою очередь, беспокойство изводит меня еще сильнее.

Ох, ну почему, почему я поддаюсь на уговоры Олли?

Потому что в глубине души хотела прийти и провести время с ним и с Ронаном — вот почему.

Ронан. От одной мысли о нем я начинаю улыбаться.

Красных флагов в этом сценарии множество, но что ужасного может случиться, если всего раз, всего на пару часов, закрыть на это глаза? Все равно между нами ничего не будет.

Я живу в апартаментах, которые мне не по карману, на кредитке ноль, потому что перед разрывом с Уолкером я основательно прошлась по магазинам, и я работаю хостесс. Конечно, у меня есть кое-какие деньги на сберегательном счете, но они быстро закончатся, если вести тот образ жизни, к которому я привыкла.

Постукивая каблуком по полу, я достаю телефон и пишу Элли.

Б: Ты не согласишься, куда я сейчас собираюсь.

Тут же приходит ответ.

Э: В Китай?

Б: Ха! Почти. В Бруклин... на детский (!) день рождения.

Э:?

Б: Короче. Познакомилась в парке с офигенным парнишкой. Съели с ним на двоих крендель. Потом пришел его не менее офигенный дядя, которого я типа как уже знаю. Меня пригласили. Не смогла отказать. Все.

Э: Оу. У нашей Блэр все-таки есть сердце? <3 PS Не верю, что ты ела мучное. Тот парень, наверное, и правда офигенный.

Смеюсь.

Б: Очень, но его дядя... М-м, это нечто. Моя вагина чуть не запела, когда я его увидела. Представь себе помесь модели Гар с рок-звездой.

Э: Блин. Так не честно. Это я питаю слабость к музыке, а не ты.

Б: Ага, от музыки с тебя мигом слетает одежда.

Э: Это точно. Кстати, может, дядя и есть настоящая причина, по которой ты решила вылезти из своей зоны комфорта и поехать на эту *вечеринку*?

Б: Не буду отрицать... он мой секси-бонус.

Э: Ха. Я так и знала. Ты в порядке?

Б: Ну так. Нервничаю. Переделалась раз десять, наверное. В итоге надела свое самое пристойное (и отстойное) летнее платье. Помнишь то белое, ажурное, с высокой талией? Вот его. Бе.

Э: Обожаю это платье! Блэр, оно тебе нереально идет. И все будет хорошо. Просто будь собой.

Б: Меркантильной сукой?

Э: Не-е. Меркантильные суки не ездят на детские дни рождения в Бруклин. Будь

той Блэр, которую ты так отчаянно пытаешься спрятать.

Б: Продолжение следует... Лол.

Э: Все будет хорошо! Слушай, мне пора бежать, не то опоздаю на ужин с одним очень клевым гитаристом, с которым вчера познакомилась. Целую!

Б: Ужин? Ну-ну. Смотри, не подавись;)

Э: Пф-ф. Щас. Я глотаю.

Убрав телефон в свою коричневую кожаную сумку, я закидываю ногу на ногу и сползаю на пластиковом сиденье вниз; обнимаю голые плечи, окружая себя подобием защитного кокона, прислоняюсь головой к прохладному оконному стеклу и смотрю вдаль. Город остался позади. Вынырнув из тоннеля, поезд летит в Бруклин. Темнота подземки сменилась ясным утренним небом, за окном уже не кафель в обрывках рекламных плакатов, а здания и белоснежные, пушистые облака. Я приказываю себе перестать все анализировать и просто наслаждаться этим чудесным днем.

***

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стоя на крыльце небольшого дома с черепичной крышей цвета яичной скорлупы, я смотрю вслед уезжающему такси. Бомбила явно взял с меня лишнее, но мне все равно. Пожав плечами, я поворачиваюсь лицом к белой деревянной двери с позолоченной цифрой 4 над глазком, но не успеваю постучать, как дверь открывается, и я остаюсь стоять с поднятой в воздух рукой, глядя на пожилую, радушно улыбающуюся мне женщину лет семидесяти.

— Ты, наверное, Блэр? Ронан не преувеличивал, когда описывал тебя. Ты и впрямь красавица. Я Элисон, бабушка Ронана и прабабушка Олли. Проходи скорее, а то мальчики уже заждались.

— Мальчики?

— Да, мальчики. — Она оглядывается, ее лукавая улыбка напоминает мне Ронана. — Один так и вовсе извелся.

Догадавшись, какие именно мальчики имеются в виду, я заливаюсь краской

— Простите, пожалуйста, что я так опоздала. Села не на тот поезд, а когда поняла это, он уже тронулся, так что пришлось возвращаться и пересаживаться. — Я делаю глубокий вдох, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. — Обычно я не такая растяпа, просто...

— Дорогая, не надо извиняться. Лучше поздно, чем никогда, верно? Идем, я тебя провожу. Вечеринка на заднем дворе.

— Спасибо, — отвечаю тихо. Седовласая женщина уже нравится мне, но даже ее добрым глазам не успокоить моих нервов. Меня начинает подташнивать от волнения по мере того, как я приближаюсь к громким звукам разговоров и взрываю хохота — и к нему.

Мы проходим через гостиную с продавленным, но уютным на вид зеленым диваном и обеденным столом, в центре которого стоит букетик искусственных маргариток, потом через маленькую кухню с древним холодильником и такой же плитой. Оглядываясь по сторонам, я невольно отмечаю, насколько их образ жизни отличается от моего. Нет, в том, что я вижу, нет ничего плохого, просто... все это несколько непривычно.

Как только она открывает заднюю дверь, мне в лицо бьет поток горячего летнего воздуха. Все оборачиваются на нас и замолкают.

С пересохшим горлом и вспотевшими ладонями я вздергиваю подбородок, притворяясь, что все эти взгляды и молчание ни чуточки меня не беспокоят, но грохот в груди сводит мои

усилия на нет. Мне неловко, я дико нервничаю под своей дорогой броней. Ох, не та это ситуация, где шпильки Gucci могут помочь.

Я уже собираюсь спросить, где Олли, и тут сперва чувствую, а потом вижу, как рядом со мной становится Ронан. Не спрашивая разрешения, он уверенно берет меня за руку и крепко ее сжимает. Он не произносит ни слова, да в этом и нет необходимости. Его теплое прикосновение — единственная поддержка, которая мне нужна. Я поднимаю глаза и вижу его улыбку, она успокаивает меня, смягчает черты его лица, делая его еще красивее, чем мне запомнилось, и мне сразу хочется подпрыгнуть и взмыть в небеса, потому что еще ни один мужчина не улыбался мне так.

— Ты пришла.

Я отмечаю бесстрастно, что мои руки чуть-чуть дрожат. От нервов, наверное, а может оттого, как беззастенчиво рассматривает меня Ронан, впитывая взглядом каждый дюйм моего тела. Впрочем, неважно. В чем бы ни состояла причина, фактом остается одно: рядом с Ронаном мое самообладание превращается в пыль.

— Ну да. Я ведь обещала.

Элисон деликатно покашливает, напоминая нам, что мы не одни.

— Ронан, ты покажи Блэр, где что, и представь ее семье, а я схожу за твоей сестрой и скажу Олли, что гостья приехала. Давай-ка это сюда, я отнесу, — говорит она, забирая у меня полиэтиленовый пакет, где лежит подарок для Олли.

— Я не знала, что ему подарить... там было столько разных игрушек, так что купила полный набор черепашек-ниндзя. В детстве я обожала этот мультик и подумала, вдруг Олли тоже его видел. В общем, внутри лежит чек, если ему не понравится, пусть обменяет на что-то другое.

Элисон ласково касается моего плеча.

— Не волнуйся, милая. Ему понравится. — Потом поворачивается к Ронану и грозит ему пальцем. — А ты, Ронан, веди себя прилично.

Спустившись по деревянным ступенькам крыльца, она уносит пакет к зеленому пластмассовому столику с горкой подарков. Гости сидят рядом, за большим столом, заставленным разными салатами — с макаронами, капустным и картофельным. Краем глаза я замечаю, что никто на нас больше не смотрит. Все вернулись к прерванным разговорам. Чувствуя, как внутри растекается облегчение, я оборачиваюсь к Ронану. Его взгляд устремлен на меня, наблюдает за мной внимательно.

— Ты начинаешь тараторить, когда нервничаешь, да?

Я с досадой закрываю глаза и издаю стон.

— Да, и это просто ужасно.

— Неправда... это так мило. Я бы сказал, умилительно.

— Это ты сейчас так говоришь. Посмотрим, что ты скажешь к концу вечеринки.

Мы неотрывно глядим друг на друга, окружающее нас пространство сжимается, заполняясь молчанием, и улыбки медленно сходят с наших лиц.

— Ты такая красивая сегодня, — произносит он хрипло.

— Спасибо, — шепчу я.

Он поднимает руку и накрывает мою горячую щеку ладонью. Его прикосновение — словно удар током.

— Почему ты краснеешь? — (У меня вырывается смешок. Он еще спрашивает...) — Только не говори, что не привыкла к комплиментам, потому что я все равно не поверю.

Я касаюсь его руки своей, но не убираю ее, еще не готовая расстаться с теплом его прикосновения.

— Да нет, дело не в этом. Просто ты так на меня смотришь... не знаю, как выразиться, чтобы не прозвучало глупо...

— Может, я смогу объяснить?.. — Яркий огонь, которым горят его глаза, притягивает меня точно магнит, лишает способности трезво мыслить и двигаться. — Глядя на тебя, я вижу то, что хочу по-настоящему. То, что мне необходимо.

Мне хватает сил только на безмолвный кивок, и я отпускаю дыхание, которое, оказывается, сдерживала, пока он говорил. Глаза Ронана сверкают озорством. Черт, он прекрасно понимает, что сразил меня наповал!

— Как тебе объяснение?

— Хорошее. — Я с трудом сглатываю, мое сердце колотится все быстрее. — Очень.

Он довольно усмехается.

— Я рад, что ты пришла, Блэр.

— Я тоже.

— Эй, Ронан! Хорошо донимать бедную девочку. Иди сюда и помоги мне на гриле! — зовет его какой-то мужчина.

Все вокруг смеются, отчего я становлюсь совсем пунцовой. Подмигнув, Ронан отпускает мою руку.

— Ладно, ладно. Незачем так вопить, я уже иду. И кстати... Познакомьтесь — это Блэр, моя будущая жена.

Я мило улыбаюсь, пока он говорит, но когда до меня доходит смысл последних его слов, захожусь в приступе кашля. Какого черта?! Похлопывая меня по спине, Ронан шепчет мне на ухо:

— Слишком рано, да?

— Кхм, рано? Мы еще даже не целовались!

— О, это намек?

Я стучаю его в плечо.

— Конечно, нет!

— Но ты бы хотела?..

— Нет! В смысле, да. Р-р... Я не знаю!

Вконец смешавшись, я крепко зажмуриваюсь, а он кладет ладонь мне на бедро. Его прикосновение нежное, но в то же время собственническое.

— Мне пока и этого хватит. И чтобы ты знала: на этот раз я не дам тебе уйти. Никаких собак, никаких засранцев в смокингах, никаких неотложных дел. Сегодня ты моя.

Я не хочу улыбаться, потому что, если сделаю это, то покажу, насколько приятно мне слышать эти слова, но в конце концов все равно улыбаюсь. Тело предает меня и перестает подчиняться рассудку.

— Ах вот как?

— Ронан! Мы тут скоро умрем от голода! — кричит кто-то, не давая ему ответить.

Он склоняется к моему уху и, чуть сжимая мое бедро, шепчет:

— Хуже нет, когда собственная семья тебя обламывает, да?

Глядя, как он сбегает с крыльца, я подношу ладонь к губам и обнаруживаю, что улыбаюсь. И в этот момент сладкая дрожь распускается у меня внутри. О-о фак.

Я попала.

Глава 11

— Вот, держи. — Ронан протягивает мне пачку бумажных полотенец. Я промокла до нитки: едва закончился ланч, как вдруг, ни с того ни с сего, небеса разверзлись, и начался ливень, согнав нас со своих мест и заставив бегать туда-сюда, спасая оставшуюся еду.

— Спасибо.

Вытираясь, я остро чувствую на себе его пристальный взгляд. Он ведет себя так весь день. Взгляды украдкой, улыбки, предназначенные мне одной, невинные прикосновения, воспламеняющие сильнее самых страстных предварительных ласк. Сладкое напряжение между нами нарастает, меня влечет к нему все сильнее, и с каждой секундой противостоять этому все сложнее. Серьезно, мысли путаются, когда я смотрю на него и представляю меж своих бедер его колючий подбородок... его чувственные губы... такие мягкие...

Боже, как же он меня возбуждает.

Встряхнув головой, я гоню неуместные мысли. Ничего этого не случится — я не позволю.

Пока я вытираю шею под подбородком, подходит кузен Ронана, обаяшка Брайан, и закидывает руку мне на плечо.

— Блэр, может, ну его, этого унылого засранца? Давай я покажу тебе, как надо отрываться.

— А у тебя получится? — шутливо интересуюсь я. Этот симпатичный парень, которому, наверное, и восемнадцати еще не исполнилось, весь день развлекал меня своими шуточками. Боюсь, правда, что Ронану, в отличие от меня, они не казались смешными.

— Конечно, мэ. Все будет в лучшем виде.

— Брайан, отвали. — В голосе Ронана слышны угрожающие нотки.

— А ну прекратили оба. — Мимо нас проходит Джеки — сестра Ронана и молодая мама Олли. Она отвешивает каждому подзатыльник и, закатив глаза, бормочет: — Мальчишки... — Потом добавляет, уже обращаясь ко мне: — Блэр, если ты устала от избытка тестостерона в этой комнате, добро пожаловать ко мне на кухню. Можешь спрятаться там, пока не придет время выносить торт.

Я тяну с ответом, не решаясь принять ее приглашение. До сих пор все шло довольно гладко, потому что рядом был Ронан. Конечно, он не водил меня за ручку, но всегда держался поблизости. Его родные тоже делали все, чтобы мне было комфортно, обращаясь со мной как с членом семьи, но остаться с его сестрой наедине... это совсем другое. Придется разговаривать с ней, причем без буфера за спиной. А вдруг я ей не понравлюсь?

Когда я пришла и меня усадили за стол, поначалу было сложно уложить в голове то, что окружающие меня люди настолько дружны и так искреннее любят друг друга, ведь я выросла в совершенно другой обстановке. В нашем доме всегда было тихо и пусто, и во время дней рождений это чувствовалось особенно отчетливо. Подарки-то были... Но не было ни радости, ни объятий. Ничего.

Пока красивый и расслабленный Ронан с бутылкой пива в руке занимался грилем, я болтала с его дедушкой и его дядей, безобидным пошляком, который непрерывно подтрунивал надо мной. Смотрела, как Олли и его двоюродные братья и сестры с хохотом носятся вокруг стола, поливая друг друга из водяных пистолетов... а внутри обмирала от страха, боясь сделать или сказать что-то не то, отчего эти приятные люди разочаруются во

мне, отвернутся от меня, как поступали до них очень многие. Впервые в жизни мне было не все равно, что обо мне подумают. Мне захотелось понравиться им, пусть даже я никогда больше их не увижу, и на один-единственный день узнать и прочувствовать, каково это — быть частью такой сплоченной любовью семьи, как семья Ронана.

И вот я стою перед его сестрой, смотрю в ее добрые глаза такого знакомого цвета и принимаю решение рискнуть.

— Конечно.

На кухне она предлагает мне сесть, а после начинает обмазывать ванильный торт потрясающим на вид кремом, явно занимаясь этим не в первый раз — настолько ловко и уверенно движутся ее руки.

— Хочу сказать тебе спасибо за то, что ты сделала в парке. Ронан рассказал мне, как Олли сбежал от Фрэнка, а ты за ним присмотрела. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна.

— О, не стоит. Я не сделала ничего особенного, просто поболтала с ним, вот и все. Мне даже не сразу показалось странным, что он гуляет без взрослых, а когда я собралась об этом спросить, нас уже нашел Ронан. Он жутко переволновался.

— Еще бы он не волновался. Слава богу, Олли не ушел слишком далеко. Как представлю, что могло случиться... мороз по коже. В общем, я рада, что ты пришла, Блэр. А мальчики так и вовсе счастливы. Оба.

Нервничая, я беру со стола салфетку с лицом Тора и начинаю обводить его пальцем.

— Я тоже рада, что пришла. — Собираюсь с духом и прибавляю: — У вас замечательная семья.

— Спасибо. А теперь расскажи-ка мне о себе. Ты учишься, работаешь? — Она бросает взгляд на мои дорогие туфли. — Красивые туфли, кстати.

Я откашливаюсь, пытаюсь прочистить горло.

— Спасибо. Э-э... нет, не учусь. Работаю хостесс в Home.

— Слышала об этом ресторане. Модное место.

— Ну да.

Она откладывает лопаточку, но сперва предлагает мне попробовать крем, я качаю головой, и тогда она пробует его сама.

— М-м... Вкусно вышло. Блэр, ты зря отказалась. И — да. Семья у меня действительно замечательная. В этом плане мне повезло. Как ты, наверное, уже догадалась, я мать-одиночка. В восемнадцать я связалась с одним взрослым парнем, он учился в колледже, жил в городе, ну ты понимаешь. — Она сухо улыбается. — Внимание, которое мне уделяли, походы по ресторанам, признания в любви... все это вскружило мне голову, и я решила, что люблю его. Однако через несколько месяцев я оказалась одна — беременная. Когда я сказала, что жду ребенка, он бросил меня да еще со словами, что ребенок наверняка не от него. Я не знала, что делать. Наши родители погибли в автокатастрофе, когда мы были маленькими, так что совета у матери я попросить не могла. Пришлось открыться бабушке с дедушкой. В общем, если бы не их с Ронаном поддержка, не знаю, где бы мы с Олли были сейчас.

— Мне ужасно жаль, что оно так вышло, — говорю я, глубоко взволнованная ее историей.

Она пожимает плечами, голубая бретелька платья скользит вниз.

— Да не стоит. Я получила хороший урок. Ты, наверное, удивляешься, зачем я тебе все

это рассказываю. Не знаю, может, во мне говорит мамочка-наседка, но, Блэр, и я вовсе не хочу обидеть тебя...

— Когда человек начинает речь с таких слов, значит, он готовится сказать нечто оскорбительное, тебе так не кажется? Это как бы извинение наперед. Такая пощечина в перчатке.

Она смеется.

— А ты бойкая, Блэр. Молодец.

— Просто люблю честность.

— Хорошо, но возвращаясь к нашему разговору... Блэр, ты мне нравишься. В тебе нет того, что напрягало меня в девушках, с которыми Ронан встречался раньше. — Она поднимает руку, предупреждая мои возражения. — Я знаю, вы не встречаетесь, но мой брат запал на тебя и, похоже, крепко. Уж я-то вижу. С тех пор, как ты пришла, у него улыбка с лица не сходит. Что я хочу сказать: если рядом с ним ты просто коротаешь время в ожидании очередного парня на «мерсе», то лучше положи этому конец прямо сейчас. Я знаю своего братика. Если он любит, то любит всем сердцем и отдает всего себя, целиком. Только взгляни, как он относится к Олли. Как не все отцы к родным сыновьям. Я понимаю, что лезу не в свое дело, но он многим пожертвовал ради нас, поэтому присматривать за ним и оберегать — моя святая обязанность. Пусть даже рискуя показаться тебе ненормальной или перепугать раньше времени.

Я опускаю глаза. Салфетка на коленях разорвана в клочья. И когда я успела?

— Ты переживаешь за брата, это естественно.

— Точно.

Я поднимаю голову и смотрю ей в глаза.

— Честно говоря, не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Ничего. Не надо ничего говорить, просто прими к сведению.

***

Самую сильную неловкость за вечер я переживаю в момент, когда Олли подбегает ко мне и за руку уводит к столу, где собрались все его родственники.

— Можно сесть к вам на колени?

Я знаю, что сейчас произойдет. Брайан уже тянется к выключателю, из кухни вот-вот выплывет сияние зажженных свечей. Близится самая тяжелая для меня часть, главная причина, почему я не хожу на подобные праздники: вынос торта и дурацкая именинная песня, которую я не могу петь без комка в горле после первого же куплета, без обжигающих слез в глазах.

Нельзя — хочу я ответить Олли. Я хочу встать, развернуться и выскочить за дверь. Я хочу убежать от воспоминаний об одной одинокой девочке в ее шестой, седьмой, восьмой день рождения — список можно продолжить, — которой не досталось долбаного торта, потому что ее родители поленились его купить. Я хочу убежать от воспоминаний о детях, которые не приглашали меня на свои дни рождения, зато потом демонстративно болтали о них передо мной.

Но ничего этого я не делаю. Как всегда, я подавляю болезненные воспоминания.

— Конечно, Олли, — говорю на удивление ровно, несмотря на все свое внутреннее смятение.

Олли забирается ко мне на колени. Комната погружается в темноту, гости готовятся петь. Когда я обнимаю Олли за плечи, Ронан склоняется ко мне, и мою кожу опалает его горячее дыхание.

— Замри. Хочу сфотографировать тебя, — шепчет он и мягко целует за ухом, отчего мои чувства приходят в еще больший беспорядок.

Не успеваю я ответить или как-то отреагировать, как меня ослепляет вспышка камеры. А потом все происходит разом и одновременно. Люди вокруг начинают петь ту самую песню, Олли стискивает мою ладонь, его тельце напрягается в радостном предвкушении, а может, это я сама напрягаюсь — от страха. Ошеломленная, поднимаю глаза, смотрю на улыбки на лицах, на отражение любви в глазах, и тут перед нами ставят торт. В темноте пляшут огоньки свечей. Лицо Олли расцветает улыбкой, становится серьезным и важным. А я смотрю на все это и никак не могу уместить в голове. Сцена обычная только для тех, кто привык к такому, но не для меня.

До краев переполненная эмоциями, я сижу, не шевелясь от страха проснуться и понять, что все это мне приснилось. Я боюсь, что вот-вот открою глаза, и праздник исчезнет, а я вновь превращусь в ребенка, рыдающего в своей постели. Но по мере того, как мое тело — и душу — обволакивают целительные ощущения, я осознаю, что все происходящее реально. Что я не сплю. Но этот момент не мой. Это волшебное переживание не мое. Оно чужое, как абсолютно все в моей жизни.

Я гоню эту мысль, пока она не успела укорениться в сознании. Гоню прочь реальность и печальные истины, чтобы они не испортили один-единственный день, когда я позволила себе сбросить маску и перестать волноваться о том, что принесет с собой завтра. И я присоединяюсь к хору голосов, хотя глаза щиплет от слез, а горло сжимается так, что я едва могу петь. Впервые за долгое время я не одна, и меня окружает счастье.

После того, как Олли задувает свечи, а Брайан включает свет, мой взгляд тотчас падает на Ронана, словно все это время я знала, где он стоит. Окружающие звуки медленно гаснут, члены его семьи забыты... Мы смотрим друг другу в глаза.

Я улыбаюсь.

Он улыбается.

И все остальное в эту минуту неважно.

Воздух искрится от напряжения; тело Ронана так близко, что я чувствую исходящий от него жар... мы возвращаемся в город, сидя рядом в вагоне метро. Наши ноги соприкасаются, моя рука лежит в колыбели его ладоней, голова покоится на его плече. Я абсолютно счастлива. Безмятежна. Меня ничего не тревожит, даже то, что на часах полночь, и мы в пустом вагоне одни.

— Ронан, спасибо тебе большое за то, что позвал меня к Олли на день рождения. Я уже не помню, когда в последний раз так чудесно проводила время. Это было... — у меня вдруг сжимается горло, — ...нечто совершенно особенное.

— Это все Олли, ему и спасибо. Я тут совсем не при чем.

Кошусь на него, скептически приподняв бровь, а он только смеется в ответ.

— Ага, конечно. Можешь и дальше себе это повторять, приятель, если так тебе спокойнее спится. А если серьезно... это был замечательный праздник. И самый лучший его момент — когда Олли открывал подарки. У него было такое счастливое лицо.

Я перевожу взгляд за окно и смотрю вперед, на городские огни, освещающие горизонт. А потом — и я не знаю, кого в этом винить, очарование вечера или опьяняющее присутствие Ронана, — внезапно делюсь с ним одним болезненным воспоминанием, о котором я, как мне казалось, давно позабыла.

— Лет в семь или восемь я была одержима часами Hello Kitty, которые как-то раз увидела у одной девочки в парке. Она была там с родителями и выглядела невероятно счастливой. Помню, я долго стояла и смотрела, как они играют в прятки, слушала, как по воздуху плывет их смех... И поскольку была маленькая и глупая, то подумала: вдруг моя жизнь станет хоть немного похожа на ее, если у меня появятся такие часы? Вдруг я тоже стану счастливой? Как же я умоляла маму купить их... Как плакала. Я была ребенком, так что можешь представить масштабы трагедии. Но прошел мой день рождения, прошло Рождество, а часов мне так и не подарили. Мама сочла, что это глупость. Детская блажь. А я была раздавлена горем. Вот поэтому на меня произвело такое впечатление лицо Олли, когда ему дарили то, о чем он мечтал. У меня появилась надежда, понимаешь? Что этот мир не совсем дерьмо.

Он крепко, сочувственно сжимает мою ладонь, и я поворачиваюсь к нему лицом.

— Не говори ничего. Я рассказала не затем, чтобы меня пожалели, просто... — Я пожимаю плечами. — Просто вспомнилось, вот и все. ...Вы с Олли очень близки, да?

Мгновение Ронан молча глядит на меня. Кажется, хочет еще поговорить обо мне, но потом, видимо, догадавшись, что тема закрыта, уступает.

— Да. Он мой маленький верный товарищ, всегда помогает мне с девушками. — Тон шутливый, но гордость, сияющая в его глазах, говорит мне о том, что он любит Олли как родного сына.

— Ну тебя! — Я стучаю его по плечу, а он мягко целует меня в лоб.

— Эй, никто не виноват, что у него хорошо получается. Вчера, например, он устроил мне свидание с такой хорошенькой штучкой, каких свет не видывал.

— Да что ты говоришь.

— Да-да. У нее такой сексуальный рот, а тело... обалдеть можно. И когда она глядит на тебя этими своими синющими глазами, ты в какой-то момент понимаешь, что забыл, как

дышать.

— О боже, ты совсем стыд потерял. — Качаю головой и тем не менее улыбаюсь.

Донельзя довольный собой, он ухмыляется, в уголках его глаз морщинки.

— И не собираюсь его находить — пока я с тобой.

Я знаю, что краснею, но ничего не могу с этим поделать. Моему телу понравился комплимент.

— Кстати, классная камера, Казанова. — Я киваю на черный футляр, который лежит на сиденье рядом, стараясь не замечать ползущее вверх по руке тепло, пока он легонько поглаживает мою ладонь большим пальцем. — Я еще на празднике обратила внимание.

— Спасибо. В свободное от работы время мне нравится называться фотографом.

В груди шевелится разочарование, когда до меня доходит, насколько он не соответствует тому, что я обычно ищу в мужчинах. Под натиском реальности волшебство этого дня начинает тускнеть.

— Ого. Круто.

— Ну, в основном это коммерческое — мелочи в глянец, книжные обложки, светская хроника. Это приносит кое-какие деньги, и в целом оно мне нравится, но моя мечта — когда-нибудь увидеть свои работы в музее или на выставке.

Убрав голову с его плеча, я смотрю на него. Когда он упоминает светскую хронику, мне хочется удивиться — мол, странно, не помню, чтобы видела тебя на подобных мероприятиях. Но я молчу. Я не хочу, чтобы этот прекрасный мыльный пузырь лопался раньше времени. Пусть Ронан и другая моя жизнь как можно дольше не пересекаются, и неважно, что последние минуты этого «дольше» истекнут вскоре после того, как мы выйдем из вагона метро. Сейчас я притворяюсь другой Блэр, с другим прошлым — с другими ценностями.

— Она обязательно сбудется, твоя мечта.

Он смеется.

— Откуда ты знаешь? Ты же не видела мои работы.

— Ну и что. И без того видно, что ты очень талантливый. Взять, к примеру, то, как ловко ты жарить бургеры — дух захватывает, когда они подлетают в воздух. И не будем забывать о твоём умении обращаться с дамами... это же просто умереть и не встать, — шучу я.

— Что есть, то есть. — Его глаза озорно поблескивают. — Талантов у меня и впрямь много.

— Ничуть не сомневаюсь, — отвечаю ему в тон.

Неожиданно он ловит меня за талию и привлекает к себе.

— Причем по большей части таких, о которых в резюме не напишешь, — шепчет мне на ухо, щекоча дыханием кожу.

Я нервно смеюсь — нетрудно догадаться, о чем он, — но когда наши глаза встречаются, улыбка на моем лице застывает. Мне становится неловко под его горящим, голодным взглядом, потому что все, что я вижу там, я хочу.

— Ронан, не думаю, что...

— Ш-ш... Я рехнусь, если не поцелую тебя прямо сейчас.

Его ладонь уверенно, по-мужски властно ложится сзади на мою шею, и он притягивает меня к своему рту. Наше дыхание сливается. До поцелуя — один миг, и на этот миг время останавливается.

Замирают все звуки.

Все движения.

Даже биение наших сердец.

Абсолютно все.

Наступает момент, когда единственно важным становится желание ощутить, наконец, прикосновение его губ к моим губам. Момент, когда все застывает в хрупком равновесии. Момент, целиком состоящий из «если», но мне уже все равно, я хочу попробовать его вкус хотя бы один раз, пусть даже он будет первым и последним.

Его взгляд прожигает насквозь, сильные пальцы тянут меня ближе, и я отбрасываю сомнения. На несколько секунд поцелуя он станет моим, а все остальное неважно. И когда наши губы наконец-то соприкасаются, когда наши языки встречаются жарко и яростно, мой мир летит вверх тормашками. Я уничтожена, я рассыпалась на осколки, я знаю, назад возврата не будет. Во всяком случае, для меня.

Ронан смог сломать меня одним-единственным поцелуем.

К тому времени, когда мы отрываемся друг от друга, я в таком состоянии, что едва могу разлепить веки, мысли спуганы, а он уже погружается в мои волосы пальцами и снова касается моего рта.

— Мы с тобой способны на большее, — хрипло шепчет в мои раскрытые губы.

— Думаешь? — выдыхаю. Неужели такое возможно?

— Уверен.

— Но...

— Блэр... — Ронан притискивает меня к себе.

— А?

— Заткнись и поцелуй меня.

Этот поцелуй другой. До крайности непримиримый и такой же неистово-страстный. Он воплощение плотского блаженства. От него кружится голова. От него бросает в дрожь. Он будит во мне желание почувствовать Ронана всем телом, от головы до пят и каждой клеточкой между.

Наконец мы медленно отрываемся друг от друга. Он смотрит на меня, я на него, мы тяжело дышим, пространство меж нами как магнитное поле, куда меня, как в водоворот, затягивает сила его взгляда, прервать зрительный контакт невозможно.

— Фак, — выдыхает он. — Вот это поцелуй.

— Вау, — только и получается вымолвить у меня. Внутри словно взорвался фейерверк.

Долго-долго он смотрит на меня, потирая большим пальцем мою чувствительную нижнюю губу.

— Как же я хочу поцеловать тебя еще раз... ты не представляешь.

Я улыбаюсь. Оглядываюсь по сторонам, проверяя, одни мы еще или нет. Потом встаю и сажусь верхом к нему на колени. Когда наши тела интимно соприкасаются, мои щеки обжигает горячим, как адское пламя, огнем; распространившись дальше по телу, он сосредотачивается в центре моего естества. Я — живой костер вожделения, ярко полыхающий для него. Глаза Ронана прикованы к моим, он кладет на мои обнаженные бедра ладони, но вопреки моим ожиданиям не двигается туда, где смыкаются ноги, а делает нечто удивительное. Одергивает мое платье и надежно укрывает меня от посторонних взглядов. Мое сердце начинает таять, тронутое этим заботливым, рыцарским жестом.

Благодарная, возбужденная, я обнимаю его за шею и подтягиваюсь, скользя по его

бедром, вверх, пока не упруюсь коленями в спинку сиденья. Сквозь тонкий слой хлопка чувствую очертания его очень твердого члена, он толкается в меня, подо мной, и, боже... как же это заводит.

— Кстати, о том поцелуе... — Улыбаюсь ему вызывающе смело. — Чего ты ждешь?

Усмешка уголком рта превращается на его лице в полноценную, широкую, будоражащую улыбку.

— Господи боже. С удовольствием, красавица.

И он целует меня. Целует так, что на время в целом мире для меня остается существовать только он. Мы — два тела, дрейфующие в океане страстного, головокружительного желания, у которого нет ни конца, ни края. Я забываю о том, кто я и как меня зовут, я забываю, что всего этого нельзя допускать, и самое важное...

Я забываю, что со мной этого быть не может.

***

Мы прощаемся у двери моей квартиры. Одна рука Ронана по-хозяйски лежит на моем бедре, другая ласкает мою припухшую нижнюю губу, большой палец легонько задевает маленькую царапину, оставшуюся от одного из его поцелуев.

— Кажется, нас слегка занесло. — Он лениво улыбается.

Я тоже улыбаюсь, чувствуя, как мою разгоряченную кожу покалывает от его прикосновений — и от воспоминаний о том, что случилось в поезде.

— Кажется, да.

Он наклоняется и нежно целует меня в нос.

— Что это было? — спрашиваю.

Усмехнувшись, он ерошит волосы.

— Просто захотелось поцеловать тебя в нос.

— Ненормальный, — шучу я.

Наступает тишина. Мы неотрывно глядим друг на друга, и улыбка медленно исчезает с его красивого лица. Он подходит ко мне вплотную, задевая торсом мою грудь, кладет ладони на дверь, и я оказываюсь в ловушке.

— Блэр, я хочу увидиться с тобой снова, — шепчет он в мои губы. — Давай сходим куда-нибудь завтра вечером.

Я трясую головой.

— Ронан... не надо, пожалуйста. Я никуда не пойду. Сегодня был такой чудесный день. Вечеринка... обратная дорога... все было просто... — Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. — Не стоило мне целовать тебя, но я не смогла удержаться. Давай закончим этот день на высокой ноте. Не надо приглашать меня на свидания, не надо искать со мной встреч. Я не та, кто тебе нужен. Совсем не та. Правда.

Он хмурится.

— Может, ты разрешишь мне судить самому?

Хочется топнуть ногой, настолько я раздосадована тем, что он все усложняет. Он не должен спорить. Он должен молча, не задавая лишних вопросов, смириться с моим ответом. Он должен уйти.

— Ронан, у меня только что закончились отношения, и к новым я не готова. — В сознании вспыхивают зеленые глаза Лоренса. С глубоким вздохом я заталкиваю мысли о

нем в темные закоулки памяти — не хочу, чтобы многообещающие воспоминания о нем искушали меня — и сосредотачиваюсь на Ронане.

— Блэр, я вовсе не предлагаю тебе сию секунду начать встречаться. — Он ласково берет меня за подбородок. — Я всего лишь прошу дать мне шанс увидеть тебя снова.

— Я не знаю...

— Не бойся меня.

— Я боюсь не тебя. Я боюсь себя и тех вещей, которые начинаю хотеть, когда ты...

Он закрывает мне рот пробирающим до самого нутра поцелуем, а когда отпускает, я вижу на его лице до неприличия довольное выражение. Этот бессовестный тип отлично знает, какую власть имеют надо мной его поцелуи, и ничуть не стесняется использовать ее в своих целях.

— Вот ведь... с каждым разом оно нравится мне все больше и больше.

— Что?.. Что тебе нравится? — Я кое-как разлепляю ресницы.

Наклонившись, он начинает покрывать легкими поцелуями мою шею, и всякий раз, когда его губы касаются кожи, по моему телу мелкой рябью прокатывается ударная волна наслаждения.

— Целовать тебя, Блэр. С каждым разом оно все приятнее.

Я с трудом сглатываю, колени становятся ватными.

— Ты должен прекратить это делать.

— Что именно? Вот это? — шепчет он, а потом снова меня целует.

— Ох... — выдыхаю я в его рот. Ох, он снова это сделал! Шлепаю его ладонью по твердой груди. — Ты опять! Перестань, Ронан, я совершенно серьезно. Я не могу думать, когда ты так делаешь.

— И хорошо, — усмехается он. — И не надо ни о чем думать. Давай завтра встретимся, Блэр.

Борясь с желанием улыбнуться, я качаю головой.

— Я наверняка пожалею об этом.

— Может быть... но разреши себе хоть немного пожить.

— Я люблю, когда все просто и строго по плану.

— Лучше прожить жизнь, полную сожалений, чем не жить вообще. — Он понижает голос и прибавляет хрипло: — Позволь показать тебе, как это делается.

— С чего ты решил, что сможешь?

Он окидывает мое лицо голодным, горящим страстью взглядом, потом наклоняется и шепчет на ухо, опалая мою кожу своим дыханием:

— Смогу. Уж поверь.

— Это просто безумие... Но... хорошо. Ты победил.

Он усмехается, он фантастически сексуален сейчас, каждая его пора источает обаяние.

— Только лучшие вещи в жизни превращает нас в безрассудных безумцев, разве нет?

Закусив губу, я размышляю над его вопросом. А что, если он прав?

— Я не знаю...

— Значит, нам придется узнать это вместе, верно? — Он отстраняется, и мое тело сразу начинает скучать по его теплу. Не отводя взгляда, он медленно шагает спиной назад к лифту. — До завтра сиди дома и на улицу не выходи.

— Почему?

— Да потому что ты ходячий сердечный приступ, красавица.

Я закрываю лицо ладонями и хохочу, глядя на него сквозь растопыренные пальцы.

— О боже мой, что за глупости ты говоришь!

Он улыбается, эта обаятельная улыбка подчеркивает, насколько он красив, но не она заставляет мое сердце подскочить к горлу, а то, как он на меня смотрит. То, что я вижу в его глазах.

— Может и глупости, зато они тебя рассмешили.

— Да, но...

— Никаких «но». Я хотел рассмешить тебя, и у меня получилось.

Я закатываю глаза и снова смеюсь, больше не сдерживаясь, свободным и легким смехом.

Ох, Ронан... как же легко будет в тебя влюбиться.

Я делаю глубокий вдох, плюхаюсь на живот и, подложив под щеку мягкую, уютную подушку, смотрю перед собой. Близится утро; солнечные лучи постепенно прогоняют ночные тени и озаряют комнату золотистым сиянием. После расставания с Ронаном я так и не смогла заснуть. Стоит мне закрыть глаза — и в голове заново прокручивается весь проведенный с ним день. Внутри все звенит от распирающей тело энергии, головокружительное волнение гонит от меня сон.

Я наблюдаю за тем, как утренний ветерок играет занавесками. Легкая белая ткань плавно колышется в проеме распахнутого окна — как же отличается эта умиротворяющая картина от бушующей во мне бури. Ни лихорадочный трепет в животе, ни медленный жар, растекающийся между ног при воспоминании о его ласках, не помогают сдержать поток мыслей. Он не подходит тебе! будь осторожна! — кричат в моей голове сердитые голоса, а я пытаюсь утихомирить их, хотя бы на время. Мне хочется еще немного попритворяться, что я нормальная; что правда нравлюсь кому-то — такой, какая я есть, — и даже могу стать кому-то небезразлична.

С часто бьющимся сердцем я вспоминаю, что чувствовала, когда Ронан целовал меня. Когда обнимал так крепко, словно не хотел отпускать. Когда улыбался мне. Мне одной. Что же переполняет меня после встречи с ним?

Счастье?

Восхищение?

Радость?

Надежда?

Страсть?

Страх?

Наверное, есть всего понемногу. Невозможно подобрать точное название тому чувству, что поселилось во мне после лучшего дня и лучшей ночи моей жизни. У меня кружится голова. Мои мысли в беспорядке. Мне страшно. Но я бесконечно счастлива.

Ронан показал мне разницу между настоящей жизнью и ее видимостью. Мы не делали ничего безрассудного или предосудительного... вовсе нет, но рядом с ним я каким-то непостижимым образом остро чувствовала каждое мгновение времени. Мы смеялись, и наш смех был искренним; разговаривали, и все наши слова имели значение и вес. Все его прикосновения, все поцелуи оставляли отпечаток в моей душе. С ним не было ни одного пустого или банального момента.

Каждая минута была на счету.

Каждая секунда вдыхала в меня новую жизнь.

Я глубоко дышу, пытаюсь успокоить нервы, и вдруг слышу телефонный звонок. Мгновенно — шестым чувством? — я понимаю, что это он. Взбудораженная, соскакиваю с кровати и, едва мои ступни касаются ковра, мчусь со скоростью бегуна на старте к лежащему на комодe телефону.

На экране светится его имя. Я смотрю на него неподвижно, и на моем лице расцветает улыбка, такая широкая, что щекам становится больно. Чувствую, как по венам несется что-то очень похожее на восторг, сердце грохочет в груди, я уже тянусь к телефону и тут понимаю, что...

Он мне нравится.

Он очень мне нравится.

Телефон продолжает звонить, а я продолжаю смотреть на его имя. Нерешительность держит меня в заложниках. Страх перед неизвестным сковывает, запрещает поднимать трубку, и в конце концов звонок переходит на голосовую почту. Но внутри меня уже зажглась искорка света, с каждой секундой она разгорается все ярче и пробивается сквозь темноту к моему сердцу.

Что такого непростительного в желании урвать несколько мгновений запретного счастья, пока Ронан не догадался, насколько я недостойна даже подобия любви? В его объятьях я вкусила рай и не хочу, чтобы все так быстро заканчивалось.

Это эгоистично с моей стороны? Возможно.

Безрассудно? На все сто процентов.

Но с Ронаном мне хочется распустить волосы и танцевать нагишом под дождем или включить Тейлор Свифт и петь во всю плотку о том, как все изменилось благодаря одному парню с веснушками на носу и тому, что я увидела в его глазах. Все будет хорошо — пока я не теряю бдительности, держу глаза открытыми, а сердце наглухо закрытым. У меня все получится, должно получиться. Я смогу ненадолго увлечься Ронаном без того, чтобы пораниться.

Дорогие парализующие сомнения! Поцелуйте мою затянутую в Chanel задницу (по крайней мере, сейчас) и отправляйтесь ко всем чертям. С любовью, Блэр.

Я хватаю телефон и набираю его номер.

— Привет, — выдыхаю в трубку.

— Привет, красавица. — Я знаю, чувствую, что он улыбается.

— Прости, что не ответила сразу, я...

— Все нормально. Ты же перезвонила.

Да... я перезвонила... Я перезвонила!

Как будто у меня был шанс перед ним устоять.

Ронан.

Официальное свидание № 1.

Словно подростки, мы целуемся в кино так, что к концу сеанса у нас саднят губы. Заметка себе на память: сходить на этот фильм еще раз, только без Ронана. А то я даже приблизительно не помню, что происходило на экране, кроме того, что там были какие-то люди.

Свидание № 2.

Ронан ведет меня в свое любимое заведение в Чайна-тауне и делает попытку научить пользоваться палочками. Попытка с треском проваливается, но он зарабатывает несколько дополнительных баллов за то, что не смеялся над моими мучениями в процессе. Нет, серьезно, как можно подцепить этими штуковинами арахис и не обронить его на полпути ко рту?

Свидание № 3.

Посреди оживленной улицы Ронан притягивает меня к себе, и мгновение до того, как наши губы соприкасаются, мы безмолвно смотрим друг другу в глаза. Нет слов, нет красивых жестов. Есть только он и я. Мужчина и женщина, которые наконец-то нашли друг друга в этом шумном и суетливом мире.

Это наше начало.

Свидание № 4.

Мы танцуем, обнявшись, в почти обезлюдившем Центральном парке. Светит луна, Ронан тихонько напевает мне на ухо песню Джеффа Бакли, то и дело прерываясь, чтобы поцеловать меня в шею, и я таю от его поцелуев.

Свидания № 5, 6, 7...

Пока я с ним, не имеет значения, чем заниматься. Его лицо — единственное, что я вижу; его прикосновения — единственное, чего я хочу. Быть с ним легко и просто. Он мое волшебное лето, его поцелуй — теплый солнечный свет. С ним хочется смеяться и есть мороженое. С ним я ощущаю себя свободной.

Всегда, когда мы вместе, я слышу, как часто стучит мое сердце, чувствую, как в голову ударяет кровь. От его близости мое тело начинает пылать. Страх, радость, волнение кружатся внутри меня, переплетаясь так, что я перестаю понимать, где заканчивается одно и начинается другое. Но времени думать или разгадывать свои эмоции у меня нет.

Я знаю, я словно проживаю наяву чей-то чужой сон. Знаю и то, что проснувшись, буду раздавлена. Но продолжаю оттягивать момент возвращения в реальность. Пока что я не могу иначе.

И вот я стою в ванной и готовлюсь провести еще один день во сне с Ронаном. Взбиваю волосы, глядя на свое отражение в зеркале над раковиной. И вижу там незнакомку. Ее синие глаза ярко сияют как никогда раньше, на скулах румянец. Она выглядит счастливой... окрыленной. Дура... шепчет внутренний голос, но я заставляю его заткнуться, пока он не успел вразумить меня и все испортить.

С закрытыми глазами встряхиваю головой, гоню неуместные мысли... Звонок в дверь! В последний раз смотрю в зеркало, проверяя, хорошо ли сочетаются обрезанные джинсовые шорты с легкой белой майкой Chanel. Удовлетворенная своим видом, еще раз расчесываю

волосы пальцами, улыбаюсь и бегу открывать.

С ладонями в задних карманах джинсов, с идеально взъерошенными каштановыми волосами, в белой льняной рубашке с закатанными до локтей рукавами — он просто великолепен.

— Прив...

Не успеваю Ронан договорить, как я ловлю его за руку и нетерпеливо тащу к себе. Мы сталкиваемся грудь в грудь, я жадно целую его, охваченная внезапным страхом. Мне необходимо подтверждение, что он настоящий, что он здесь, стоит напротив меня, и помочь с этим могут только его губы, его запах, его притиснутое к моему тело.

...Мы тяжело дышим, когда наконец отрываемся друг от друга. Желание соединяет нас невидимой нитью. По негласному уговору мы оба не торопим события, растягиваем удовольствие, узнавая друг друга, но с каждой лаской, с каждым жарким поцелуем все ближе и ближе подходим к рубежу невозврата — туда, где контроль почти перестает существовать.

— Кое-кто очень рад меня видеть, — хрипло говорит он, и на его невозможно красивом лице медленно появляется улыбка.

Привстав на цыпочки, я обнимаю его за шею и трусь о его грудь щекой.

— Ты даже не представляешь, насколько. Я попала. Причем так, что это уже не смешно. — Это правда. И виноват в этом он, из-за него я начала сомневаться в себе и своих жизненных целях.

— Так, Блэр. — Ронан кладет мне под подбородок палец и тянет его вверх, пока я не пропадаю в его глазах, а после, погрузившись руками в мои волосы, привлекает мое лицо к своему так близко, что наши губы почти соприкасаются. Большими пальцами он гладит мои горячие скулы. — Малыш, послушай меня и слушай внимательно. Если ты попала, то я пропал. С мной было покончено в момент, когда ты впервые мне улыбнулась. Кажется, никого в своей жизни я не хотел так сильно, как хочу тебя.

Я в плену его глаз, я растворяюсь в них, чувствуя, как пульс подскакивает до небес.

— Ты знаешь, что толкаешь меня в пропасть?

— Знаю... но я прыгну туда вместе с тобой.

Хихикаю.

— Мы облажались, да?

— Облажались по полной.

Я улыбаюсь. Он улыбается. И мир исчезает.

Ох, Ронан, как же мое сердце сияет рядом с тобой.

***

Перед выходом я забегаю в спальню за сумочкой. Уже подхватив ее, случайно бросаю взгляд на комод, где стоят пузырьки с духами, и вдруг замечаю нечто, о чем после встречи с Ронаном напрочь забыла. Лоренс. Его визитка манит меня словно свет в конце темного тоннеля. Беру ее в руки, и пока обвожу пальцем острые уголки, в памяти всплывает фраза из нашего последнего разговора.

«Звони — если и когда будешь готова. Я буду ждать, Блэр. Seriously.»

Я не знаю, что я делаю с Ронаном и чем все это закончится, но напоминания о другой моей жизни — о моей настоящей жизни — нужны мне сейчас в последнюю очередь. И потому я задвигаю все мысли о Лоренсе как можно дальше на задний план.

Я просто развлекаюсь, и все. Что значат еще несколько дней?

Натягивая на лицо свою первую фальшивую улыбку для Ронана, я отмахиваюсь от внутреннего голоса, который шепчет, что мое время с ним почти истекло.

— Можно открыть глаза?

— Пока нет... потерпи еще несколько шагов. — Ронан открывает, судя по звуку, раздвижную дверь. Я слышу шум вечернего города, чувствую на коже дыхание теплого летнего ветерка.

— Ладно, так уж и быть.

Шарю руками перед собой, а Ронан смеется мне на ухо.

— Это же сюрприз, торопыжка. Кстати, надеюсь, ты хочешь есть.

— Очень хочу... но не есть. — С игривой улыбкой на губах я тянусь назад, к ширинке его джинсов.

— Ясно, — смеется он. — Ну все. Мы пришли. Сейчас я отпущу тебя, но глаза не открывай, пока я не разрешу. И не подглядывай.

— Ты ведь понимаешь, что ставишь передо мной совершенно невыполнимую задачу?

Он усмехается, его руки ласкают по кругу мою талию.

— Ну хорошо. Смотри.

Я открываю глаза, и у меня захватывает дух.

Мы стоим, насколько я понимаю, на чьей-то частной террасе на крыше дома, обращенного в сторону Центрального парка. Пылающее закатное солнце уходит за горизонт, заливая янтарно-алым светом парк и окружающие его здания; город точно объят огнем, в небе плывут величественные, похожие на сахарную вату облака всех оттенков розового, голубого и фиолетового. Онемевшая, потрясенная, я оглядываюсь на Ронана. Он наблюдает за мной, на губах несмелая улыбка, в карих глазах сияют золотистые крапинки.

— Ты как-то сказала, что любишь смотреть на закат.

Внезапно я понимаю, что вот-вот расплачусь. Я не помню, чтобы кто-то делал для меня нечто настолько особенное, не говоря уже о том, чтобы обращать внимание на слова, сказанные мной за пределами спальни. Большинство мужчин воспринимает меня как тело, которое приятно трахать и выставлять напоказ. Мной никогда не дорожили... до недавних пор.

Налюбовавшись тем, что сделал для меня Ронан, я запрокидываю дрожащей рукой прядь волос за ухо. На плитках пола расстелено клетчатое покрывало для пикника, рядом стоит плетеная корзинка с фруктами, бутылкой вина и сыром. Не в состоянии думать ни о чем, кроме Ронана, переполненная рвущимися наружу эмоциями, я поворачиваюсь к нему лицом.

Он наблюдает за мной со сложенными на груди руками и выглядит так, словно только что нашел лекарство от неизлечимой болезни. Не раздумывая, я бросаюсь к нему и висну у него на шее, обхватив ногами за талию, и целую, целую его, целиком отдавая себя в этом поцелуе, со всей страстью женщины, которая впервые в жизни узнала, что такое настоящая любовь. Все, кто был до него, стерты из моей памяти.

Оторвавшись от его губ, я пытаюсь подобрать слова благодарности, но могу только жадно смотреть на него и упиваться тем, что я вижу. Ронан ласково отводит с моего лица волосы.

— Тебе понравилось?

Я киваю.

— Ужасно. — И поскольку не умею выражать благодарность иначе как с помощью

своего тела, шепчу в его губы: — Ты меня хочешь?

Он трется кончиком носа о мою ключицу.

— До неприличия.

Я облизываю губы.

— Отведи меня к себе.

— Ты уверена?

— Как никогда в жизни.

Ронан спокоен, но то, как он на меня смотрит... Его взгляд прожигает насквозь, оставляя на поверхности моей души неизгладимый, как татуировка, отпечаток.

— Тогда пошли отсюда.

***

Всю дорогу до Нижнего Ист-Сайда, где Ронан снимает квартиру, мы молчим. К чему слова? Ведь мы оба и так понимаем, что скоро случится.

После пентхауса его друга мы больше не целовались, только держались за руки. Напряжение между нами пьянит. Я нервничаю, от волнения меня колотит и кружится голова, но мне не страшно. В сущности сегодня мои ощущения куда больше похожи на первый раз, чем в тот далекий день с мистером Каллаханом.

...Дома я захожу в спальню и встаю напротив кровати. Глядя на темно-синее покрывало, делаю глубокий вдох, потом поворачиваюсь. Медленно, пока Ронан без тени улыбки поглощает меня взглядом, стягиваю майку и бросаю ее на пол. Он прислоняется к двери. Потирая шею, продолжает смотреть, как я раздеваюсь перед ним, для него, глаза горят страстью и неприкрытым восхищением.

Я сбрасываю туфли и поджимаю пальцы ног, отчаянно сражаясь со своими нервами. Мне становится смешно. Подумать только, я — приземленная, распущенная Блэр — впервые в жизни испытываю смущение наедине с мужчиной, и все из-за того чистого чувства, которое он во мне пробудил.

Расстегнув шорты, я снимаю и их тоже и остаюсь в одном нижнем белье — бледно-розовых стрингах и лифчике. Очень многие видели меня без одежды и трахали до потери пульса, но сейчас я чувствую себя невинной девственницей, которой, по сути, никогда не была. Даже Уолкер не производил на меня такого впечатления, как Ронан. Более того, с Ронаном я четко осознала, насколько мало значил для меня Уолкер. Насколько он был ничтожен.

Тянусь к застежке лифчика, но тут Ронан делает шаг вперед и берет меня за плечи.

— Нет, Блэр. Не так. — Он ведет кончиком пальца по верхнему краю чашечек, очерчивая холмики моих груди. — Знаешь, я столько раз лежал ночью без сна, представляя этот момент... и тебя в своих объятьях. Я хочу ощутить на себе твой рот, твои руки. Хочу вкушать тебя... смаковать... поглощать до тех пор, пока ты не начнешь умолять меня остановиться. Я хочу быть внутри тебя, двигаться в тебе так, чтобы перестать связно думать. Я хочу чувствовать, как ты содрогаешься, слышать твои стоны, твои крики и все крепче прижимать тебя к себе. Я буду входить все глубже и глубже, пока мы оба не загоримся огнем от желания и страсти. Я хочу пометить тебя. Я хочу вытряхнуть из твоего тела все воспоминания о других мужчинах, чтобы отныне ты чувствовала и помнила только меня. — Он наклоняется и прихватывает зубами мою нижнюю губу. — Сегодня я не буду заниматься

с тобой любовью, Блэр. Сегодня я буду делать тебя своей. Ты поняла меня?

Костяшками пальцев я касаюсь его щеки, этот контакт обжигает.

— Я уже твоя, — признаюсь тихо, и это правда. Кроме Ронана мне никто не нужен.

Никто.

Ронан опускает меня на кровать и ложится рядом. Склоняется надо мной, накрывая своим телом, опускает голову ниже, еще ниже, и я вся покрываюсь гусиной кожей, когда его горячее дыхание касается моего живота. Закрываю глаза и часто дышу, пытаюсь умерить волнение, и вдруг чувствую, как его язык нежно обводит родинку над моим пупком.

— Черт... какая же ты сладкая, — произносит он хрипло.

Открываю глаза. Он пристально смотрит на меня, потом начинает двигаться вверх, оставляя на моем теле дорожку невесомых поцелуев. Медленно. Неспешно... Добравшись до ложбинки между грудями, он замирает, и я кожей чувствую, как он улыбается. Проверяет мою выдержку. К черту выдержку! Не хочу я, чтобы он останавливался. Со стоном хватаю его голову и вжимаю в себя.

Он смеется, потом ловит мою грудь губами и сосет ее. Я сворачиваю ладони в кулаки. Пытаюсь унять легкую дрожь в конечностях — не выходит. Меня бросает то в жар, то в холод, пока он, поглядывая на меня, обводит кончиком языка очертания моего торчащего соска, пытается его, теревит через повлажневшее розовое кружево.

— Фантастически сладкая...

Я стону, тянусь к лифчику, но он накрывает мою руку своей, в его глазах прыгают озорные огоньки.

— погоди. Я еще не наигрался.

— Ты серьезно? — Мой голос звучит сдавленно, сердце гулко стучит в груди.

Он ухмыляется.

— Угу. Я же сказал, что с тобой не собираюсь никуда торопиться.

— Ты просто невыносим.

— А ты прекрасна.

К немалой моей досаде он отпускает меня. Встает, а я ложусь на бок и смотрю, как он раздевается.

— Ты всегда говоришь только правильные вещи?

— Не знаю. — Он смотрит на меня долгим, проникающим в самую душу взглядом. Глаза полны чувства, которое я узнаю, но не хочу признавать. — Наверное, это все ты, Блэр. Ты делаешь меня таким.

Он расстегивает рубашку, обнажая мускулистый торс и татуировку тигра на левой стороне груди. Скидывает вместе с носками конверсы, затем джинсы и остается стоять передо мной в одних боксерах, плотно облегающих его бедра, косые мышцы меж косточками в виде идеальной V и невероятно мощную эрекцию, которая как леденец выглядывает из-под резинки. У меня захватывает дух. Боже. Он бесподобен. Когда он отворачивается к окну, чтобы задернуть шторы, я вижу еще одну татуировку — черно-серого дракона в восточном стиле размером почти во всю его спину, — и она впечатляет меня едва ли не сильнее самого Ронана. Нет. Это он превращает рисунок в шедевр. Рельефные мышцы перекачиваются на его спине, когда он поднимает руки. Его тело — произведение искусства.

В мягком свете ночника, мерцающего на тумбочке, Ронан возвращается в кровать.

— Иди-ка поближе, — шепчет он, крепко обнимая меня сзади.

Вжимаясь грудью в мою спину, он нежно гладит мои бедра, живот, легко задевает

выступ лобка, его ласки полны благоговения, но через них он словно заявляет на меня свои права. Он оттягивает чашечки лифчика вниз, и мои груди ложатся в его большие ладони. Он накрывает их, мягко ласкает, пробуждая пальцами мои соски, пробуждая мое тело, которое уже трепещет в предвкушении того, что должно произойти. Каждая ласка точно клеймит меня его именем. Он познает мое тело, я познаю его прикосновения и понимаю, что точка невозврата для меня пройдена.

Хочу повернуться к нему лицом, но он не дает. Захватив одной рукой оба моих запястья, второй он ласкает мою попку, мнет ладонью мягкую плоть.

— Не двигайся. — Его рука пробирается сзади ко мне в трусики, ищет мое естество. Языком он обводит мое ухо по краю, потом шепчет: — Хочу тебя так. Целиком в моей власти.

Он раздвигает мне ноги, одну закидывает себе на бедро и входит в меня, растягивая одним... двумя... тремя пальцами. Я вся трепещу. Высвобождаю руку и, положив ее поверх его руки, нажимаю, вторя его движениям, чувствуя, как его пальцы, пока ходят во мне то внутрь, то наружу, с каждым толчком проникая чуть глубже, покрываются моей влагой.

Наслаждение.

Боль.

Эйфория...

Вытянув пальцы, он находит мой клитор и ласкает его, потирая, отчего во мне, точно цветок, распускается жизнь.

— Вот это, — выдыхает мне в шею, — теперь мое.

Сдавленно смеюсь, а он, вытащив руку и повернув мое лицо к себе, подносит побывавшие во мне пальцы ко рту. У меня на глазах он по очереди их обсасывает, после чего кончиком языка собирает оставшийся на губах аромат. И усмехается, глядя на меня голодным взглядом.

— Охренительно сладкая.

— Ронан...

— Ш-ш.

— Но...

Он целует меня, на губах еще слышен мой вкус. Пульсирующий поцелуй — есть ли на свете такое? Поцелуй, который вдыхает в тебя жизнь, который чувствуешь каждой клеточкой тела, от которого все чувства просыпаются и поют? Наверное, есть. Потому что сейчас я чувствую именно это.

Оторвавшись от моих губ, Ронан прокладывает дорожку поцелуев от моей груди до пупка, спускается вниз к разомкнутым бедрам. Его рот приоткрывается, любопытный язык сквозь влажное кружево обводит очертания моего естества. Он дышит мной, наполняя легкие моим запахом так, словно эти глотки воздуха — последние в его жизни. А потом, сдвинув трусики вбок, раскрывает меня двумя пальцами, и я чувствую на клиторе тепло его языка, он ласкает, лижет меня, пока пальцы погружаются глубоко внутрь. Я стою под его бесстыжим ртом, возбуждающим все нервные окончания в моем теле. Быстро, медленно, быстро, еще быстрее... я взлетаю все выше к раю. Я умираю от блаженства, жизнь бьет в моем теле ключом. Согнутыми пальцами он трет внутренние стенки, ни на миг не прекращая божественной атаки.

— Тебе нравится, Блэр? Мои пальцы внутри, как они трахают тебя до бесчувствия?

— Ронан, пожалуйста...

— Скажи, что ты хочешь? Вслух, я хочу это услышать.

Упруго трогая клитор кончиком языка, он вталкивает пальцы до упора.

— Я хочу тебя. Ты мне нужен. О боже... — Я задыхаюсь. — Сейчас.

Пытка прекращается, Ронан тянет мои трусики вниз, языком догоняя скользящий по обнаженным ногам кусочек ткани. Поднявшись и сняв боксеры, он натягивает на свой твердый, как камень, член презерватив, потом снова ложится, снова тесно прижимается сзади и подводит член к моим бедрам, но не спешит входить, а скользит пульсирующей головкой по моей мокрой промежности, задевая клитор.

— М-м-м... как же с тобой приятно, Блэр.

Корни моих волос промокли от пота, все тело в огне. Непроизвольно я начинаю вращать бедрами, я ищу его, я хочу, чтобы он заполнил меня собой — и сделал своей. Но он продолжает дразнить меня, толкается внутрь, но неглубоко, чтобы сразу же выйти. Мои глаза закрыты. Дыхание ускоряется с каждой улетающей в прошлое похотливой секундой. И когда я уже близка к тому, чтобы умолять, он ловит мои бедра и врывается до самого конца. Его ладонь ложится на середину спины, толкает меня вперед, и он начинает двигаться. Наши тела находят общий ритм, мы становимся одним целым. Поначалу толчки плавные, но по мере того, как его толщина растягивает, заполняет меня, он, словно набирающий скорость поезд, начинает вторгаться в меня жестче.

Я подаюсь бедрами назад, ему навстречу.

— Глубже, Ронан. Я хочу почувствовать тебя глубже... сильнее...

Ругнувшись, он обхватывает мою талию. Со сдержанностью покончено, наши бедра начинают сталкиваться необузданно, бесконтрольно, подводя нас все ближе к финальной черте. Комнату заполняют звуки влажных шлепков. Плоть бьется о плоть. Охренительно жаростно. Невозможно прекрасно. Его стоны. Мои крики. Я в бешеном темпе тру клитор, пока он трахает меня сзади, как дикарь, его член врезается так глубоко и мощно, что впору лишиться рассудка. Он всюду, я пропитана им насквозь. И отдаюсь ему без остатка. Слившись телами, мы проживаем вместе каждый поцелуй, каждую ласку, каждое прикосновение, пока у нас не кончатся силы терпеть.

— О боже...

— Что, малыш? — дразнит меня он напряженным голосом.

Я то ли смеюсь, то ли со стоном плачу. Мне так хорошо, когда он внутри — это сладкая мука, болезненное наслаждение, все разом.

Я почти все... почти.

А потом мир исчезает. Ослепленная абсолютным экстазом, я кончаю, Ронан последним рывком догоняет меня, и под напором кульминации из его груди исторгается крик.

Мы оба без сил. Дрожим, задыхаясь. А я думаю о том, что, кажется, никогда не чувствовала такого внутреннего покоя, как в этот момент, когда внутри еще подрагивает его член, а руки крепко, до синяков, сжимают меня в объятьях.

***

Мы лежим, обнявшись, разомлевшие после секса; я обвожу пальцем очертания татуировки у него на груди. По спине тигра вьется цитата на французском.

— Что это значит?

— «Самого главного глазами не увидишь.» Это из «Маленького принца», любимой

книги моей мамы.

— Ого. Надо будет почитать.

— Обязательно.

— Кажется, настал тот момент, когда нам пора поделиться друг с другом чем-то интимным.

— Да? — Он сжимает меня покрепче и трется носом о мою шею. — Я думал, мы уже поделились.

Я легонько тыкаю его в бок, а он, смеясь, ойкает.

— Интимное — значит нечто сокровенное о себе, извращенец. Ладно, начну первая. Мне нравится запах мокрой травы и старых книг. Еще я фанатичная джейнистка и люблю собак. — Я тихо улыбаюсь, вспоминая Джелину. — Когда я была маленькая, мама нашла на пустыре за домом щенка в картонной коробке. Она собиралась отнести его в приют, но папа уговорил ее отдать собаку мне. В общем, я назвала ее Джелиной. Боже, я так любила ее. Она была моим лучшим другом.

Ронан целует меня в голое плечо, потом ловит прядку черных волос и наматывает ее на палец.

— Что случилось с Джелиной и что такое «джейнистка»?

— Джелина состарилась и умерла. — В сердце привычно кольнуло. Девять лет, как ее нет, а я до сих пор скучаю, каждый день. — А джейнистками обычно называют тех, кто помешан на всем, что связано и имеет отношение к Джейн Остин. Вот. Теперь твоя очередь.

— Сейчас... В общем, всех деталей я не помню, потому что это было давно, но одно из моих любимых воспоминаний вот какое: мама держит в руках камеру и фотографирует отца, пока он красит спальню Джеки в розовый цвет. А я смотрю на нее и думаю, что она самая красивая женщина на свете. Наверное, от нее мне и досталась любовь к фотографии.

— Сколько лет тебе было, когда они... — Я нерешительно замолкаю.

Он договаривает вопрос за меня.

— Когда они погибли? Семь. В тот день шел снег, и родители отвезли меня в школу сами. Побоялись отпускать на автобусе из-за гололедицы. Назад они не вернулись.

Мое сердце сжимается от жалости к маленькому мальчику, каким он когда-то был.

— Мне так жаль, Ронан.

— Все нормально. Это было очень давно. Просто я не могу смириться с тем фактом, что мне приходится вспоминать их лица по фотографиям. Несправедливо это, понимаешь? В них было столько жизни, столько красоты, но все, что от них осталось, — это гребаные безжизненные картинки, напечатанные на бумаге. Они не передают, какой у моей мамы был замечательный смех или как вкусно от нее пахло печеньем. По ним не узнаешь, что мой отец любил подхватить маму и Джеки под мышки и закружить по комнате. Ладно... — Ронан улыбается. Печаль уходит в глубину его глаз. — У меня есть еще один секрет. Сказать, какой? — За прядь волос, наматываемую на палец, он притягивает меня к себе и кусает за нижнюю губу.

Я киваю, растворяясь в его глазах. Растворяясь в нем.

— Недавно я встретил одну девушку, и она свела меня с ума.

— Надо же. — Пряча улыбку, я кладу щеку ему на грудь, слушаю биение сердца — оно как музыка для меня. — Симпатичная, наверное.

Он стискивает мою попку.

— Да, она ничего. И горячая — как прилипнет, не отдерешь. Что поделать... Телочки

меня любят.

Отодвинувшись, я шлепаю его ладонью по плоскому животу.

— Ах ты!.. Телочки, значит...

Ронан смеется, а потом закрывает мне рот поцелуем. Когда наши губы размыкаются, воздух вокруг заряжен электричеством. Молча мы смотрим друг другу в глаза. Уютная тишина заполняет пространство между стенами, пока мы тонем в ощущениях и нежимся в объятьях друг друга. Ничего подобного я никогда не испытывала.

— Знаешь, я думаю, твои родители гордились бы тем, каким человеком ты стал, Ронан. Серьезно, — говорю я хрипло. — А теперь перестань, пожалуйста, смотреть на меня таким взглядом.

— Почему?

Он так красив сейчас с припухшим после моих поцелуев ртом, со взъерошенными после моих рук волосами.

— Почему — что?

Отпустив меня, он ложится на бок и подпирает голову ладонью. Ласково водит по моей щеке свободной рукой.

— Почему ты просишь меня перестать?

— Потому что. — Я чувствую, что краснею. Ну вот опять! — Ты смотришь на меня очень странно.

Его взгляд... как же объяснить. Под этим взглядом внутри меня все трепещет. Под этим взглядом я начинаю желать то, о чем не должна вспоминать, то, что не могу позволить себе испытывать.

— Странно — это как?

Ненадолго затихаю.

— Не могу сказать... я не знаю.

Он улыбается, за его улыбкой столько нежности, что больно смотреть.

— Не можешь сказать или не знаешь?

— Боже ты мой... просто прекрати и все!

Я со стоном зарываюсь лицом в подушку. Слышу смех и, вскинув голову, пронзаю его убийственным взглядом. Да как он смеет?

— Ты что, надо мной смеешься?

Смех затихает. На его лице появляется серьезное, задумчивое выражение.

— Я смотрю на тебя, потому что это единственное, что я хочу сейчас делать.

...И это, дамы и господа, что называется, полный нокаут.

Будь я в мультике, то валялась бы сейчас без чувств на полу с кружащимися вокруг головы сердечками и купидонами. Мой внутренний голос бьет тревогу, предупреждая, что между мною и Ронаном начинает разворачиваться нечто очень опасное. Впервые в жизни я встретила человека, который разбудил мои чувства. И который с легкостью может заставить меня безумно в него влюбиться.

Я знаю, те чувства, которые он во мне будит, должны пугать меня, как и желание измениться, стать для него лучше. Он искушает меня распрощаться с моими страхами и заморочками, с ним я хочу отдавать всю себя целиком — как он отдает мне всего себя. Но вместо того, чтобы прийти от происходящего в ужас, я, словно голодающий к тарелке, тянусь к тем чувствам, что испытываю с ним рядом, потому что они искушают меня поверить, что та Блэр, которую он придумал, — это и есть я.

— Что такое, малыш?

Наверное он заметил в моих глазах страх.

— Ничего... просто я счастлива. Ты делаешь меня очень счастливой, — лгу ему, целуя под подбородком.

Он хочет что-то ответить, но я, приложив к губам палец, останавливаю его.

— Ш-ш... не говори ничего, не надо. — Я ловлю его возбужденный член, ласкаю его, чувствуя, как под ладонью пульсируют вены. — Возьми меня, Ронан. Ты снова мне нужен.

— Будет исполнено, мисс. Ваше желание — закон для меня.

Смеюсь.

— Ах, как ты любезен.

— Ну, я как-никак джентльмен, — невозмутимо сообщает мне этот засранец, пока с коварной улыбкой на лице тянется за пакетиком с презервативом.

Ронан становится напротив меня на колени, размеренно поглаживая свою плоть, пока я, раздвинув ноги, ласкаю себя у него на глазах. Неглубоко проталкивая пальцы внутрь, я покрываю их скользким предвкушением того, что скоро произойдет.

— Боже. Как ты прекрасна.

Он склоняется надо мной и ловит губами мои губы. Одной рукой держится за спинку кровати, а вторая тянется к моему набухшему теплу, где все пульсирует огнем для него...

Еще несколько свиданий.

Еще несколько дней рая.

И я положу этому конец.

Ничего страшного не случится, если не подпускать его ближе, чем он есть сейчас. А потом все кончится, и он забудет меня. Как забыли все остальные. Как всегда.

Вот только...

Вот только не было бы от этой мысли так тошно.

Работать в первоклассном ресторане в Мидтауне — значит ежедневно сталкиваться с бесконечным потоком влиятельных мужчин. Политики, чиновники, юристы, бизнесмены всех мастей, все они приходят сюда, чтобы за обедом или ужином, пережевывая баснословно дорогой кусок мяса, потолковать о делах — или, проще говоря, померяться членами и пощекотать эго друг друга. Это одна из причин, по которой я очень люблю свою работу. Подобные места для таких, как я, — идеальный район для охоты. Здесь я познакомилась с Уолкером... и парой его предшественников.

Но сегодня, впервые за очень долгое время, мне не хочется быть здесь. Кайф, который я ловила, когда мужчины смотрели в мою сторону? Пропал. Нервный зуд, который мешал мне усидеть на месте? Нету. Меня абсолютно ничего не тревожит. Я — белое облачко, плывущее в синем утреннем небе. Я — подхваченный ласковым ветерком лепесток. Я чувствую себя беззаботной. И это Ронан сделал меня такой.

Я улыбаюсь, пока провожаю клиентов до столика, но моя улыбка адресована не им; она для Ронана, для него одного. Я присутствию в ресторане физически, но душой я с ним, в его маленькой квартире, занимаюсь любовью в теплой постели. С головы до ног одетая в Prada, я с большей радостью оказалась бы голышом, чтобы на моем теле не было ничего, только его запах. Ронан — мой новый любимый бренд.

— ...Блэр? Ау! Есть кто-нибудь дома?

— О, привет. — Голос Элли выводит меня из задумчивости. — Давно ты тут стоишь?

— Достаточно, чтобы понять, что в мыслях ты где-то — или с кем-то — далеко.

Вздыхнув, я разглаживаю несуществующие морщинки на своей черной юбке-карандаш.

— Прости. Я думала о Ронане.

Она смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Парень из Бруклина, — напоминаю я.

Элли расплывается в улыбке. Хватает мою ручку и начинает крутить ее в пальцах.

— Я так и знала! Ты весь месяц ведешь себя странно. И, видимо, дело серьезное, раз ты сказала мне его имя.

— Вообще нет. Мы просто... общаемся. И что значит «странно»?

— А ты сама не замечаешь? — Она пожимает плечами. — Не знаю, ты теперь всегда улыбаешься. И судя по твоей сияющей мордашке, могу со всей определенностью заявить, дорогая, что ночью у тебя был секс.

Я закатываю глаза, но улыбка сама собой расплывается на лице.

— Ошибаешься. Ну, частично. — Бросаю на нее озорной взгляд. — Не только ночью, но и утром тоже.

— Ах ты, развратница! — журит меня Элли, а я игриво шлю ей воздушный поцелуй.

— И горжусь этим.

Мы тихо смеемся, стараясь не привлекать внимания.

— Элли, я не знаю, что делать. Он очень, очень, очень мне нравится. С ним я счастлива так, что становится страшно. — Я рассматриваю свои ногти, рассеянно отмечая, что мой обычно безупречный маникюр облупился. — Но он слишком хорош для меня. В нем есть все, чего нет во мне. Он из тех парней, которые должны встречаться с правильными девочками, а не с такими долбанутыми, как я.

— В жизни есть немного вещей, ради которых стоит рискнуть. — Она берет меня за руку. — И одна из этих вещей — любовь. Чем бы она ни закончилась. Так что перестань вести себя как Снежная королева, убери с лица стервозное выражение, и пусть все идет своим чередом. Возможно, тебя ждет приятный сюрприз. И, кстати... долбанутые в этом мире все. Просто кому-то удастся скрывать это чуть лучше, а кому-то чуть хуже.

Стеклянные двери открываются и закрываются, прерывая наш разговор. С дежурной улыбкой на лице я поворачиваюсь к новым посетителям...

И цепенею.

Потому что вижу напротив Лоренса Ротшильда, и он такой, каким я его запомнила — красивый грешной, колдовской красотой. Он в большой компании бизнесменов, но мои глаза видят, впитывают, пожирают взглядом только его. Все остальные мужчины на его фоне — бледные тени. Пока мы глядим друг на друга, я чувствую, как мое тело начинает оживать. Меня влечет к нему. Отрицать это невозможно и глупо.

Взяв себя в руки, я откашливаюсь.

— Добро пожаловать в Нотте. — Мой голос слегка дрожит.

Он непринужденно улыбается. Его улыбка очаровывает и в то же время обезоруживает, дает понять: он прекрасно видит, насколько меня выбило из колеи его внезапное появление. И вытесняет Ронана из моей головы.

— Здравствуй, Блэр.

Мое имя в его устах — как нежная ласка, как опьяняющий поцелуй.

Он словно дым; черный, опасный дым, который обволакивает мои чувства, струится по коже, наполняет легкие, отравляет меня ядом своей красоты. Я слышу, как Элли вежливо извиняется, говоря, что ей нужно вернуться к работе. Уходя, она шепчет мне на ухо:

— Не наделай глупостей.

Я киваю, не сводя взгляда с Лоренса и его компании. Ее предостережение злит меня. Не делать глупостей? Поздно, Элли. Я уже это сделала — с Ронаном.

Он изменил меня.

Все началось с мелочей. Одежда, прическа, макияж — мало-помалу я отказалась от крикливого и вульгарного в пользу сдержанного и естественного. Сегодня в список добавилась работа. Обычно, придя в ресторан, я сразу просматривала журнал бронирования, чтобы заранее иметь представление о том, кто будет у нас ужинать и насколько загруженный предстоит вечер. Сегодня же... Я злюсь на себя за то, что позволила эмоциям сбить все мои приоритеты. За то, что, позабыв об обязанностях, витала в облаках. Ведь иначе я знала бы, что на имя Лоренса — или мистера Ротшильда, как он записан в компьютере — забронирован столик.

За считанные недели Ронан и его нежные поцелуи перевернули мой мир вверх дном. Я перестала контролировать свою жизнь. Я нарушила правило номер один: никогда не слушаться сердца. Сердце глупое. Его легко обмануть. Человек с обманутым сердцем становится слабым и уязвимым. За это я злюсь на себя сильнее всего.

Наш менеджер Карл, видимо, узнал Лоренса, потому что, не успеваю я открыть рот, а он уже спешит к нам, становится рядом и начинает сыпать любезностями и приглашать гостей пройти к столику.

Лоренс и бровью не ведет в его сторону. Его взгляд прикован к моим глазам, он поглощает меня, держит в сладком плену.

— Вообще мне бы хотелось сперва перемолвиться словом с мисс Уайт. — Пауза. На его

лице появляется намек на улыбку, и абсолютно все, что она обещает — запретно и восхитительно. — Наедине.

***

Мы в кабинете Карла.

Я стою у металлического стола, Лоренс — у двери, между нами целая комната, но несмотря на это я чувствую его, словно он рядом, а наши тела соприкасаются. Мы смотрим друг на друга в тишине. От напряжения волоски у меня на шее встают дыбом.

Руки в карманах, расслабленная поза — он кажется безразличным, но меня не провести. Я знаю, он хочет запугать меня. Хочет, чтобы именно я сломалась первой. Окей, не он один умеет играть в эту игру. Я складываю руки на груди и продолжаю молчать, глядя на него в упор.

Наконец он заговаривает.

— Я недооценил тебя. Думал, ты позвонишь и ошибся, а я не привык ошибаться. — С сардонической усмешкой на губах он склоняет голову набок. — Признаться, это что-то новенькое. И не скажу, чтобы оно мне понравилось.

— Что ж, все когда-нибудь случается в первый раз. Но просто чтоб ты знал: я кое-кого встретила.

Лоренс приподнимает брови, подумав, вероятно, на Уолкера. Я краснею.

— Кое-кого другого.

Он фыркает.

— И — дай угадаю — этот другой, он особенный?

Не находя в себе смелости поднять глаза, я сосредоточенно разглядываю узор его темно-бордового галстука.

— Да, особенный. Он не такой, как все... он само совершенство.

— Не будь так наивна, Блэр. Он человек, следовательно небезупречен. — В несколько широких шагов Лоренс преодолевает разделяющее нас пространство и подходит ко мне вплотную. Я вскидываю голову и пропадаю в его глазах — бездонных, манящих, ярко-зеленых, как амазонские джунгли.

Он поднимает руки. Нежно, но властно берет мое лицо в свои большие, прохладные ладони, и я сразу же начинаю трепетать. Одно-единственное его прикосновение — и моя защита лежит в руинах. Большими пальцами он гладит мои скулы, потом спрашивает, заметив легкую дрожь в моем теле:

— Мне перестать?

И тут я понимаю, что не могу ему лгать.

— Нет.

— Что же мешает мне выбросить тебя из головы? Может, твоя красота? — задумчиво произносит Лоренс, очерчивая пальцем изгиб моей брови. Ласка невесомая как дуновение летнего ветерка. — Твой запах? — Он наклоняется и медленно, с откровенным наслаждением проводит кончиком носа по контуру моего лица. Его теплое дыхание целует мою кожу, и я содрогаюсь всем телом. — То, какая ты наощупь? — Он пропускает мои волосы сквозь пальцы, они скользят по плечам, оставляя за собой горящий след, пока он целует меня в шею. — Или твой вкус?

Я вся окутана плотным туманом вожделения к этому едва знакомому мужчине. Моя

грудь вздымается все тяжелее; я задыхаюсь, мне трудно дышать, когда он так близко. Стены кружатся. В кабинете становится жарко. Чтобы удержаться от соблазна притронуться к нему, приходится крепко сжать кулаки, ладони зудят от желания почувствовать его. С каждой секундой наше взаимное притяжение усиливается, и я бессильна это остановить. Он — моя гравитация, а я — падающее с ветки яблоко, которое обречено удариться о землю. Но мое влечение к Лоренсу выходит за рамки физического. Он обращается к темной Блэр, к той Блэр, которой я и должна быть, поэтому мне так тяжело, почти невозможно его игнорировать. Та Блэр хочет его. Та Блэр не может ему отказать.

Издав судорожный вздох, я шепчу:

— Я думала о тебе.

— Даже с этим своим особенным?

Я нервно облизываю губы. Его внимание тотчас переключается, цепкий взгляд следит за скользящим движением моего языка.

— Да. И я ненавижу себя за это.

Не говоря ни слова, он проводит большим пальцем по моей нижней губе и собирает оставленную языком влагу. Потом подносит палец ко рту и сосет... пробует меня на вкус. Мое естество требовательно пульсирует, я представляю, как опускаюсь на его лицо и начинаю двигаться, чувствуя этот рот, эти губы... фантазии мелькают в сознании, как вспышки неоновых огней.

— Милая моя, ты хочешь меня не меньше, чем я тебя. Не борись с этим.

Чувство вины, смешанное с отвращением к себе, тяжело бьет меня в грудь, и я на секунду закрываю глаза.

Ронан.

— Зачем ты со мной это делаешь? Я впервые в жизни пытаюсь поступить правильно.

— Затем, — он запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня к себе, — что оно неизбежно. — А потом целует так яростно, что почва улетает у меня из-под ног. Его рот, язык, губы на вкус как неразбавленный грех, как сладкий кусочек рая, они в один момент заставляют меня забыть о мужчине со смеющимися глазами, который ждет меня дома.

Оторвавшись от моих губ, он шепчет:

— Едем ко мне. Прямо сейчас. Это рядом.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

Силюсь сказать, что не хочу, но слова застревают в горле.

— Ты знаешь ответ... но я не могу. Тот, кого я встретила, он нравится мне, нравится по-настоящему. Он правда особенный.

— Однако ты сейчас здесь, со мной. Ты все твердишь, какой он особенный. Складывается впечатление, что ты пытаешься убедить в этом прежде всего себя, нет?

Я упираюсь ладонями ему в грудь, но не отталкиваю.

— Я ухожу. Не понимаю, зачем вообще я сюда пришла.

— Я скажу тебе, зачем, — говорит он грубо. Сует руку мне между ног и через ткань вжимает ее в промежность. У меня слабеют колени. Я хватаюсь за его плечи и закрываю глаза, пока он ощупывает... впечатывает меня в свою ладонь... в свои длинные пальцы. Я теряю способность думать и двигаться, я вся во власти желания, оно рвет меня на куски. Образ Ронана уплывает куда-то далеко-далеко.

— Чувствуешь? — Его пальцы настойчиво тыкаются в меня, натягивая ткань. — Ты

горячая. Ты течешь — из-за меня. — Лоренс подносит пальцы к лицу и делает глубокий вдох, втягивая мой запах. — Тело выдает тебя, Блэр.

Он прав. Я хочу его. Низменная сторона моей натуры, где заправляют похоть и жадность, хочет Лоренса и его миллионы. А еще она хочет, чтобы Лоренс отымел меня, причем так, чтобы Ронан и то счастье, которое он мне принес, оказались вырваны из моего сознания с корнем.

— А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что ты меня не хочешь.

Подчиняюсь, и мы сцепляемся взглядами.

— Я кто угодно, но только не лгунья.

Он удовлетворенно улыбается.

— Когда тебе наскучит играть в домик с этим твоим особенным — позвони.

— Нет, — отвечаю я, со страхом понимая, что за моим «нет» — пустота.

— Ты позвонишь, Блэр. И мы оба это знаем.

Он разворачивается, идет к двери и, не оглянувшись, выходит.

Как только рабочий день заканчивается, я сразу отправляюсь к Ронану — не попрощавшись с Элли и не предупредив его самого. Чем меньше я думаю, тем лучше.

Я знаю одно: мне нужно увидеть Ронана.

...И второе: Лоренс все еще у меня в голове, играет со мной в свои игры... рушит мое душевное равновесие ко всем чертям.

Будь он проклят.

Стучу в дверь настойчиво, до боли в костяшках, а когда Ронан открывает, не дожидаясь приглашения, захожу. Он нужен мне. Срочно, сию минуту. Если я почувствую на себе его руки, если услышу его голос, если загляну в его глаза, тогда прежняя Блэр — та, которая хочет Лоренса и все, что он предлагает — она исчезнет. В его силах снова заставить ее затихнуть, изгнать ее алчность и прагматизм.

Он закрывает дверь.

— Блэр? Я думал, ты...

Не говоря ни слова, я сокращаю расстояние между нами до минимума, так что наши тела сталкиваются. Его член упирается мне в живот, мои груди расплющиваются о его твердый торс. Соски покалывает от желания. Примитивная потребность обладать им, пульсирующая во мне, перекрывает биение сердца.

— Ронан, — шепчу в его губы, — заткнись и поцелуй меня.

А потом притягиваю его за шею к себе и целую. Наши языки схлестываются в битве открытых ртов, но мне этого мало. Я жажду его, алкаю, он нужен мне весь, я впиваюсь в его губы крепче, пока им не заполняется все пространство вокруг. Жидкое пламя несется по кровотоку, я запрокидываю руку за пояс его джинсов, под резинку боксеров, и ласкаю, обернув ладонью, его член.

Выругавшись, он начинает быстро раздевать меня, сдергивает юбку, трусики, и когда берется за рубашку, я вытаскиваю руку.

— Не здесь. В спальне.

Он тяжело дышит, грудь лихорадочно вздымается.

— Женщина, когда-нибудь ты меня прикончишь.

Снимая по пути оставшуюся одежду, я иду к спальне. Оглядываюсь на него и застываю. За страстью в его глазах стоит такая пронзительная нежность, что хочется плакать.

Не думай. Не думай. Не думай.

Мы в его комнате, нас окружает тепло, книги, фотографии из его путешествий.

— Сядь.

Я толкаю его к кровати, а сама подхожу к стулу возле стола, где лежит его камера и контактные отпечатки. Кусаю нижнюю губу, внизу живота нарастает жар, промежность покалывает под его взглядом.

Лицом к нему я сажусь на стул, скольжу голой задницей по гладкой деревянной поверхности. Все внимание Ронана на мне. Глаза искрятся страстью, рыщут по моей фигуре. Примерно так же смотрел на меня в ресторане Лоренс.

Пока он раздевается, я за ним наблюдаю. На пол летит черная футболка с винтажным принтом, затем джинсы и боксеры. Твердый член подсакивает к животу, Ронан берет его в руку и, откинувшись на спинку кровати, начинает лениво ласкать.

С вульгарной улыбкой на губах я раздвигаю ноги и, положив их на подлокотники, предельно выставляю себя напоказ, потом накрываю груди ладонями, играю с ними. Сила желания в глазах Ронана воодушевляет. Он словно хочет проделать со мной нечто до крайности грязное и непристойное, а я... Я только за. Я хочу забыть о том, что случилось с Лоренсом, потому что стоит мне вспомнить его прикосновения, его поцелуй, его пальцы там, внизу — и мое тело трепещет.

— Смотри, — требую я.

Пытаясь вытеснить из памяти образ зеленоглазого мужчины, я вызывающе медленно опускаю руку к промежности, раздвигаю набухшие складки и трогаю клитор. Слегка надавливаю. Вожу пальцем вперед... и назад. Ласка будит внутри сладкое, зудящее ощущение. Боже, я насквозь мокрая.

— М-м-м, как же приятно, — тяну дразняще и начинаю трахать себя пальцами, а чтобы он видел, как они исчезают во мне, развожу ноги шире. Моя голова откидывается назад. Пьянящее, мощное ощущение пронзает все тело, пока я то вталкиваю пальцы внутрь, то вывожу наружу.

Я ласкаю себя.

Трусь о свою ладонь.

Я чувствую себя испорченной, но мне это нравится. То, что надо.

Шум нашего дыхания, запах страсти, то, как моя мокрая промежность сокращается, сдавливая пальцы, то, что Ронан смотрит, как я мастурбирую — все это меня опьяняет.

Я пьяна от вожделения... от него.

Ронан ласкает себя все быстрее. Наблюдает с кривой усмешкой за тем, как я наблюдаю за движениями его кулака, как он ходит вверх-вниз, ускоряя темп, и стискивает член все крепче. Налитая, подрагивающая головка просится в рот, и я сглатываю скопившуюся слюну.

— Хочешь попробовать? — Я вытягиваю влажные пальцы наружу и сосу их, упиваясь собственным вкусом. — М-м-м... — Издаю стон. — Как вкусно.

Но Ронан, этот сукин сын, качает головой. На губах играет довольная улыбка.

— Спасибо, я сыт.

А потом, поскольку оттягивать удовольствие больше нет сил, я решаю: достаточно. Распаленная желанием, я горю, точно в лихорадке, и помочь мне может только его прекрасный член.

Я встаю. Ноги напряжены, огонь лижет меня изнутри. Подхожу к кровати и, наклонившись к Ронану, вдыхаю за ухом его мужской, смешанный с возбуждением запах. Улыбаюсь, заметив, как мгновенно напряглись его мышцы при моем приближении.

— Правда? — шепчу, касаясь языком его уха.

Я заползаю на кровать и встаю напротив него на четвереньки. Поза провоцирует взять меня сзади, и это ровно то, что мне нужно. Я хочу, чтобы он предъявил на меня права самым животным способом. Я хочу, чтобы он вытрахал из меня чувство вины и заклеил как свою собственность.

Оглянувшись, я призывно ему подмигиваю. Да-да, это приглашение — или вызов, который он, я надеюсь, примет. Одной рукой раздвигаю ягодицы и вкручиваю средний палец внутрь, показывая, где именно я хочу его, где он мне нужен.

...И Ронан не заставляет себя долго ждать.

Наши взгляды, сияющие обещанием грядущего наслаждения, сливаются. Ронан становится позади меня на колени. Подхватив с тумбочки серебристый пакетик, разрывает

его и раскатывает на твердом члене презерватив.

Он шлепает меня по заднице, один раз, два раза, до жжения, чтобы сразу зализать боль языком. Я оглядываюсь. Он мочит слюной большой палец и, установив его между моих ягодиц, начинает водить вдоль моей промежности головкой члена. Он раздвигает им складки, смазывает себя моим скользким возбуждением, ласкает кончиком клитор, а его палец тем временем играет с моим запретным местечком. Из меня рвется горловое урчание, пока он дразнит, трет меня там, швыряя в ад и обратно.

— Пожалуйста, — молю его.

Он качает головой, даже не потрудившись спрятать улыбку.

— Не-а. Не так.

Я захлебываюсь похожим на рыдания смехом, меня всю трясет от неутоленного желания. Такова его месть за мои выкрутасы на стуле.

— Ронан! — вскрикиваю, когда палец проникает внутрь, и замолкаю. Кусаю губы, морщусь, пока он осторожно проталкивается вглубь. Боль перерастает в запретное, мощное до головокружения наслаждение. — Боже...

Он плавно вытягивает палец наружу. Целует меня в поясницу, переворачивает на спину и накрывает мое тело своим.

— Вот так.

Он заводит мне руки за голову и, едва я обвиваю ногами его талию, входит до упора одним сильным, глубоким толчком. Я вскрикиваю в экстазе, беспощадно растянута его твердостью. К этому моменту желание не просто горит во мне, оно выжигает меня изнутри.

Но пока он овладевает мной, пока ударяются о меня его бедра, ко мне возвращается знакомое чувство, что я всего этого недостойна. С той единственной разницей, что теперь я знаю это наверняка.

— Почему именно я, Ронан? — спрашиваю, держа его за ягодицы и понуждая вторгаться мощнее. Стону, ощущения настолько интенсивные, что все плывет перед глазами.

Он останавливается. Его член пульсирует во мне.

— Потому что, глядя на тебя, я вижу все, чего я хочу. Все, что мне нужно.

А после вытрахивает из меня остатки сознания.

***

— Ты чего там делаешь? — слышу сонный голос. — Ну-ка иди назад. В постели еще пахнет тобой...

Когда Ронан просыпается, я сижу на стуле возле окна. Я оборачиваюсь. Он лежит нагишом на спине и трет глаза ладонями. Волнистые волосы смешно торчат во все стороны — как всегда после секса. Я улыбаюсь. Подтягиваю коленки к груди и, покачав головой, снова устремляю взгляд за окно.

Я смотрю, как дома и улицы купаются в свете ясного утреннего солнца. Первые прохожие спешат по своим делам. Занимается день. Следую взглядом за гуляющей парочкой, и вдруг на меня обрушивается настолько пронзительная печаль, что улыбка бесследно исчезает с моего лица.

И я знаю, почему...

Отделив прядь волос, начинаю плести косичку.

— Я просто смотрю на город... он такой ослепительный, такой свободный и

раскованный, правда?

— Сейчас я покажу тебе свободного и раскованного.

Я скашиваю глаза в его сторону, запоминая то, как он на меня смотрит. Что я чувствовала, пока мы были вместе. Но когда наши взгляды встречаются, мы одновременно взрываемся хохотом. Комната наполняется летучим, ускользающим счастьем.

Когда смех сходит на нет, оставив меж нами нечто, похожее по ощущению на расплывающуюся пропасть, Ронан серьезнеет.

— Малыш, иди сюда, — зовет он тягучим, как жидкий бархат, голосом. — Ты нужна мне.

— Не-а. Я знаю, зачем, а я устала, — лгу я.

— А ну верни свою чудесную попку на место, иначе я сделаю это ее сам.

Иди ко мне, забери меня... хочу сказать ему, но из страха, что голос меня выдаст, просто качаю головой и продолжаю, глядя в окно, заплетать косичку. И вдруг меня касается его рука. Он помогает мне встать и туго заворачивает в свои объятия, а я молча зарываюсь лицом ему в грудь. Чувствую щекой мягкую, как шелк, кожу, впитываю его запах. Биение его сердца успокаивает, словно колыбельная. Спустя несколько минут тишины, нарушаемой только нашим дыханием, Ронан берет меня за подбородок и заставляет посмотреть себе в глаза.

— Я хочу кое-что подарить тебе.

— Да? Зачем?

Отпустив меня, он уходит к тумбочке и возвращается со свертком в руках.

— Просто так.

— Нет, правда. Зачем?

Ронан улыбается, эта проказливая улыбка превращает его в мальчишку.

— Разверни, Блэр.

В сознании вспыхивает воспоминание о поцелуе Лоренса.

— Я этого не заслуживаю.

— Не согласен, и ты обязана со мной согласиться.

— Но...

— Ш-ш. Давай ты хоть раз не будешь упрямым и позволишь сделать себе подарок?

Поджав губы, я стреляю в него сердитым взглядом.

— Ты знаешь, что иногда я тебя ненавижу?

Он громко смеется.

— Давай-давай, продолжай себя убеждать.

Спешу сообщить ему, какой он самовлюбленный, но Ронан жестом меня останавливает.

— Нет. Сначала открой, а потом рассказывай, как сильно ты меня ненавидишь.

— И расскажу!

Я опускаю взгляд на маленький сверток. Улыбаясь, разворачиваю нежно-сиреневую оберточную бумагу. Когда она падает на пол, в руках у меня остаются часы Hello Kitty. Мое сердце резко останавливается. Я смотрю, не мигая, на циферблат и чувствую, как в груди разрастается боль.

— Ты запомнил, — шепчу я чуть слышно.

Часы не совсем такие, что я просила у родителей, они лучше. Это, наверное, самый недорогой и непритязательный подарок в моей жизни, но когда все вокруг начинает расплываться от слез, как в тумане, я понимаю — для меня он бесценен.

У меня дрожат руки, я никак не могу насмотреться на свой подарок. Потом чувствую под подбородком ласковое прикосновение. Ронан приподнимает мое лицо, наши глаза встречаются, и то, как он на меня смотрит...

Ох, вот о таких взглядах и слагают стихи о любви.

— Разве я мог забыть? — произносит он мягко.

Меня переполняют эмоции — хорошие, плохие, самые разные, но настолько сильные, что, кажется, я вот-вот взорвусь. Если до сих пор у меня и оставались сомнения, влюблена я в него или нет, то сейчас я получила на этот вопрос однозначный ответ.

Влюблена.

По уши.

Борясь со слезами, я поднимаю глаза, хочу поблагодарить его, но не могу. Слова застревают в горле.

— Вот черт. Я хотел обрадовать тебя, а не расстроить.

Он хочет забрать часы, но я шлепаю его по руке и прижимаю подарок к груди.

— Даже не думай! Они замечательные.

— Тогда почему ты грустишь?

— Не грущу... просто мне в жизни не дарили ничего милее. — Я замолкаю, потерявшись в его глазах. — Спасибо, тебе Ронан. Спасибо огромное.

— Давай помогу надеть.

Приложив часы к моему запястью, он застегивает ремешок.

— Они правда тебе понравились?

Я смотрю на них, а в голове — вихрь воспоминаний о детстве, о разбитых мечтах, о последних неделях с Ронаном: счастье и боль, слезы и смех, одиночество и тепло.

А еще мне вспоминается один сон, который я часто видела девочкой. Так отчетливо, что все мое существо захлестывает острая, почти физическая боль. В этом сне мы с мамой кружимся, держась за руки, с каждым поворотом все быстрее и быстрее, пока мир вокруг не превращается в одно размытое радужное пятно. Свободные, юные, мы беспечно хохочем, запрокинув головы — это мгновение поистине волшебное. Отца я видеть не могу, но поскольку дело происходит во сне, я знаю, что он рядом и смотрит на нас, прислонившись к дереву, с улыбкой на красивом — и всегда трезвом — лице. Одежда в безупречном порядке, черные волосы зачесаны набок. Но больше всего радости мне приносит выражение его синих глаз, потому что они светятся любовью к нам обоим, к его жене и дочери. И в момент, когда я смотрю отцу в глаза и слышу залиvistый смех матери, я точно знаю: меня любят.

Любят.

...Потом я проснусь на холодной постели в пустой комнате, притронусь к щекам и обнаружу, что они мокрые, потому что во сне я опять плакала.

В который раз.

Неотрывно глядя на подаренные Ронаном часы, я мало-помалу теряю остатки самообладания.

И в глубине души задаюсь вопросом...

Так ли плоха любовь?

Так ли ужасно на самом-то деле это прекрасное и светлое чувство?

Да. Потому что оно ранит. Мне больно. Моему сердцу больно. Это гребаное чувство, оно настолько прекрасно, что сводит с ума. Что меня ждет, когда все закончится? Еще вчера я, наверное, смогла бы уйти от него, не повредив душу, но теперь это невозможно. Хватит

себя обманывать. Я люблю его. Именно поэтому все должно быть закончено.

Я не выдерживаю. С губ срывается то ли всхлип, то ли истерический смех.

— Прости... я сейчас. — Оттолкнув его, я убегаю в ванную.

Вытирая лицо полотенцем, я спиной чувствую его появление. Он разворачивает меня кругом, и мы оказываемся лицом к лицу.

— Почему ты плачешь? — Он ведет пальцем по моей мокрой от слез щеке. — Малыш, что случилось?

Я трясую головой.

— Ронан, ну что ты со мной делаешь, а? Ты слишком хорош для меня. Тебе нужен кто-то без этого гребаного багажа за спиной, тот, кто способен отдавать себя целиком и полностью. Смотри, ты сделал мне приятное, а я сорвалась и плачу. Неужели ты не видишь, насколько я двинутая? Я не подхожу тебе. Я тебя не заслуживаю. Не заслуживаю, понимаешь?

Я твержу одно и то же, как заведенная, надеясь заставить его поверить в эти слова, надеясь убедить свое сердце, что все кончено.

Но Ронан меня не слушает. Тянет к себе и обнимает.

— Ш-ш... Все ты заслуживаешь, и я никуда от тебя не денусь.

— Не надо, — бормочу, уткнувшись ему в грудь. — Я...

— Да, да, ты меня недостойна, ты плохая... повторяй сколько влезет, но знаешь, что? Мне плевать. Не нужен мне никто идеальный. Мне нужна ты, Блэр. Ты одна. Посмотри на меня!

Я поднимаю лицо и тону в глубине его теплых глаз.

— Однажды ты разрешишь любить себя, и я обниму тебя так крепко, чтобы никогда больше не отпускать. Я буду любить тебя так, словно это единственное, ради чего я живу. Словно это главное мое предназначение. Блэр, неужели ты не видишь? Неужели не понимаешь? Ты во мне. Во всем, что я вижу. Во всем, к чему прикасаюсь. Ты в воздухе, которым дышу, в воде, которую пью, ты в каждой моей мечте. Я бы хотел рассказать тебе много больше, но понимаю, что ты еще не готова это услышать.

Я хочу ему верить, я хочу, чтобы его слова воплотились в жизнь, но именно они и заставляют меня осознать, что все кончено. Я не могу. Эти чувства меня уничтожат. Уже уничтожили. Холодея, я понимаю, что наши безмятежные дни сочтены.

Ронан берет мое лицо в ладони.

— У нас все будет хорошо. Блэр, я обещаю.

И скрепляет свое обещание первым из последних наших поцелуев. Однако на сей раз ни танец языков, ни ласки не увлекают меня. Когда он уводит меня в кровать, и мы сливаемся на простынях воедино, я симулирую оргазм. Словно тело первым, раньше сознания, смирилось, что это конец.

И когда он изливается в меня, содрогаясь надо мной всем телом, я слышу совсем не то, что он шепчет мне на ухо. В голове крутятся другие слова. Не его. Лоренса.

Он оказался прав.

Тем же вечером.

Как последняя трусиха я жду, когда Ронан заснет, потом встаю и одеваюсь.

В моих глазах нет слез, внутри — леденящее, пробирающее до костей оцепенение, и вместе с тем на меня наконец-то снисходит покой. Я думала, что не смогу уйти от Ронана, но оно дается мне до странного легко. Избыток эмоций сменился их абсолютным отсутствием. Я не чувствую ничего.

Во мне пустота. Вакуум.

С сумочкой в руках я останавливаюсь возле кровати и смотрю на него спящего, каштановые пряди закрывают его глаза. Какая-то часть меня хочет лечь рядом, ухватиться за его тело, как за якорь, и раствориться в его красоте. Мне хочется зарыться пальцами в его волосы, чтобы в последний раз ощутить их мягкость, но я не делаю этого. Уже не имею права.

Разве не так устроена жизнь? Все хорошее рано или поздно заканчивается. Чем выше взлетаешь, тем больше падать. Все проходит. Люди нарушают обещания. Люди разбивают сердца. Люди забывают и продолжают жить.

Постояв еще немного, я опускаю сумочку на пол и снимаю с запястья его подарок. Снимаю — и словно вырываю из груди сердце.

Положив часы на тумбочку, я наклоняюсь и целую его — в последний раз.

— Мой милый, милый мальчик... прощай.

Выпрямляюсь, разглаживаю мятую юбку. Машинально отмечаю, как дрожат руки, и тем не менее разворачиваюсь и, не колеблясь, ухожу. Из его спальни. Из его квартиры.

Из его жизни.

Страх это тюрьма. Чувство, обладающее разрушительной властью нагнетать тьму. Он ослепляет. Он все подвергает сомнению. Он вмешивается в каждое наше решение. Страх управляет жизнями большинства, и только тот, кто победил его, живет в полном смысле этого слова.

Однако страх вовсе не плох. Ведь это он снова и снова защищает меня от боли, не давая увлечься эмоциями. И он же на протяжении следующих двух дней понуждает сбрасывать звонки Ронана и не отвечать на его смс. Я удаляю, не открывая, все его сообщения, голосовые и текстовые.

Подгоняемая все тем же страхом, я иду к комоду, беру визитку, стоящую у флакончика духов, телефон и звоню Лоренсу. Окончательно отвергая Ронана и воспоминания о нашем безмятежном счастье.

Да, страх — чувство, в общем-то, неплохое.

Нервно кусая губы и отколупывая с ногтей кусочки серебристо-серого лака, я жду, когда мужчина, который весь месяц маячил на периферии моих мыслей, возьмет трубку. Мне не хватает дыхания. Ладони вспотели. Биение сердца ускоряется с каждым гудком на том конце линии, но ни ужаса, ни паники нет. Я знаю, что все делаю верно.

С Ронаном мне казалось, что счастье возможно. Что оно почти у меня в руках. Так оно и было какое-то время. Но ведь одной любовью сыт не будешь, верно? На что я рассчитывала, в самом-то деле? Во-первых, изменить свою природу невозможно. А во-вторых... Представим, что я осталась. Как скоро я вспомню, кто я и чего жду от мужчин, и это знание начнет меня тяготить? Как скоро Ронан догадается, что я — всего лишь красивая оболочка, за которой нет ничего, кроме тени прежней меня? Мне не нужна любовь, поскольку я научилась жить без нее. Мне не нужны чувства. Мне нужно все, что можно купить за деньги, и пусть ради этого придется продать свою душу или что там от нее осталось.

Перед глазами вспыхивает образ улыбающегося Ронана на нашем первом свидании.

«Давай встретимся, Блэр». — «Я наверняка пожалею об этом». — «Может быть, но дай себе немного пожить». — «Я люблю, когда все просто и строго по плану». — «Лучше прожить жизнь, полную сожалений, чем не жить вообще. Позволь показать тебе, как это делается».

Я зажмуриваюсь. Нет. Нет. Нет. Не позволю. Я не дам воспоминаниям о нем и его ласковых словах отвлечь меня от моих целей. Если у меня и были последние крошечные сомнения в том, правильно ли я поступила, бросив его, эта мысль укрепляет мою решимость.

Лоренс отвечает через пять или шесть гудков, когда я почти вешаю трубку.

— Привет, — просто здоровается он этим своим вкрадчивым, восхитительным голосом.

— Это я. — Сжимаю телефон крепче. — Скажи, когда с тобой встретиться, и я приеду.

— Умница. Ты не пожалеешь.

— Погоди!

— Да? — В тоне сдержанное веселье.

— Я хочу много денег.

— Окей. Их у меня предостаточно.

***

Получив указание ждать звонка от его помощницы Джины, которая уточнит детали нашей встречи, я молча отключаюсь. К чему лишние слова? Я уже приняла решение, а своих решений я не меняю.

Стоит отложить телефон, как приходит новое сообщение от Ронана. Не читая, я набираю ответ.

Б: Давай не усложнять. Пожалуйста, не пиши мне больше.

И он больше не пишет.

Неужели я правда решилась на это?

Неужели я выдержу?

Стоя у зеркала, я хватаю свои черные волосы в горсть. Резко тяну — как тянут меня во время секса мужчины. Но мне же нравится, верно? К горлу подступает тошнота. Я тяну все сильнее. Мои синие глаза блестят лихорадочным блеском. Я убеждаю себя, что никакой разницы нет. Хотя... есть. Небольшая. Если раньше я получала подарки или возможность пару месяцев не тратиться на квартиру, то теперь мне заплатят за услуги по-настоящему, живыми деньгами, а потом — та-дам! — спасибо и до свиданья.

И это в точности то, чего я хочу.

Особенно после...

Я не могу заставить себя произнести его имя.

Заметив на своем лице тень нерешительности, я расправляюсь с ней, как обычно поступаю со всем, что вызывает во мне хотя бы подобие чувства. Я не хочу ничего чувствовать. Я не могу. Чувства — зло. Они делают человека уязвимым. У меня нет времени на эмоции вроде стыда или раскаяния.

Я люблю деньги.

Я люблю власть.

Я люблю обожание.

Я люблю секс.

И в сексе я хороша — по крайней мере, по словам тех, с кем я спала. Вероятно, быть чьей-то красивой игрушкой для траха это единственное, на что я гожусь. Но, эй... кроме себя самой, мне винить некого. Это мой выбор. Я добровольно встала на этот путь. И я не первая в истории женщина, которая раздвигает ноги за деньги.

Еще бы прошла эта тошнота...

Отвернувшись от зеркала, полного лжи, я уйду к кровати. Надеваю свои самые крошечные черные стринги, подхватываю с одеяла платье-бандаж насыщенного алого цвета и, проскальзывая в него, наслаждаюсь тем, как эластичная ткань постепенно стягивает мое тело.

Последний штрих — макияж. Я хочу, чтобы при виде меня Лоренс лишился дара речи, и потому уделяю привычному ритуалу побольше времени. Я хочу выглядеть прекрасной, насколько это возможно, когда буду расставаться с остатками души и невинности. Если погибать, то красиво — вспыхнув ярко, как умирающая звезда.

Я взбиваю волосы, смотрю, как они блестящей черной рекой ниспадают на спину, закрывая ее почти целиком. Делаю шаг назад. Оглядываю себя в отражении и, пока улыбаюсь зеркалу, вижу, что до глаз улыбка не добралась. Они холодные и пустые.

Моя маска на месте.

***

— Прошу прощения...

— Да, мисс? — отзывается водитель.

— Скажите, а в какое именно место на Лонг-Айленде вы меня везете?

Я еду к Лоренсу в специально присланном за мной черном «Роллс-Ройсе». Несмотря на включенный кондиционер, мне так жарко, словно я стою у открытой печки.

— В его поместье, Ротшильд-холл. Это на Сентр-Айленде, мисс.

— Ого. Он что, живет во дворце? — Мой голос звенит сарказмом. Впрочем, я склонна ему поверить. Пару раз я бывала на вечеринках в домах, которые вместо номера имели название и личный почтовый индекс.

Водитель усмехается, поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Можно сказать и так.

— Я, кстати, Блэр. А вас как зовут?

— Тони. — Он улыбается. Кожа у него красноватая, цвета корицы.

— Приятно познакомиться, Тони.

— Взаимно, мисс Блэр.

— Ой, только без «мисс», пожалуйста. — Я кокетливо подмигиваю ему. — Просто Блэр.

Уголок его рта ползет вверх.

— Хорошо, Блэр.

На выезде из тоннеля под Ист-Ривер я задаю новый вопрос:

— Давно вы работаете у Лоренса?

— Я работаю на семью Ротшильдов уже тридцать лет, но годы потихоньку берут свое, так что теперь я вожу Лори... то есть, мистера Ротшильда... всего два-три раза в неделю.

— Лори? — Мне вдруг страшно хочется захихикать. Не представляю, чтобы кто-то называл так того мужественного красавца, с которым я повстречалась в музее.

— Ох, он не выносит это имя. С самого детства, когда был шестилетним сорванцом, — отвечает Тони с любовью и смехом в голосе.

Мы болтаем о его семье, но когда он спрашивает о моей, разговор стопорится. Вопрос напоминает мне, почему я сижу в этой машине и с какой целью еду на встречу с его боссом. О том, кто я, и о моем прошлом. Забавно, но на память вдруг приходят мои первые дни в большом городе. Вскоре после приезда я устроилась официанткой в итальянский ресторан на Уолл-стрит. Подозреваю, меня взяли из-за внешности, поскольку опыта у меня не было.

Как и все остальные, он был постоянным посетителем. Вальяжный, чуть старше мистера Каллахана, он сразу произвел на меня впечатление. Он появлялся в ресторане достаточно часто, один или, реже, с друзьями. Но всегда возвращался. Всегда не скупился на чаевые, демонстрируя мне, насколько богат. Когда я дала ему номер своего телефона, то получила цветы. Когда приняла первое приглашение на ужин, меня осыпали подарками. Когда же, наконец, уступила его ухаживаниям...

...Скользя на высоких каблуках по блестящему полу, я нахожу его взглядом. Вон он, сидит в баре — мужчина за сорок в джинсах, белоснежной рубашке под синим пиджаком и кожаных лоферах. Увидев меня, он тотчас встает. На лице рассеянная улыбка, в глазах — голод.

Пора выходить на сцену. Пора играть Блэр. Играть саму себя.

Медленно установив зрительный контакт, я гипнотизирую его своими синими глазами и чарующе улыбаюсь. Пусть представит, как его член будет выглядывать у меня во рту. Уловка срабатывает на отлично. Он пожирает меня взглядом, отчего у меня подскакивает пульс. Ничто так не опьяняет, как обожание.

Я останавливаюсь напротив него и протягиваю руку.

— Привет, Люк, — выдыхаю, понизив голос.

— Блэр... ты сегодня поистине бесподобна, — бормочет он.

От него сильно пахнет — можно сказать, разит — дорогим одеколоном. У меня даже в носу щиплет. Обливался им, что ли?

— Выпьем что-нибудь перед тем, как подняться наверх?

Хочется усадить его к себе на колени, как ручную собачку, и успокоить, но я не могу и потому просто растягиваю губы в улыбке.

— Пожалуй. Бокал шампанского, если можно.

Может, попробовать напиток? Вдруг алкоголь поможет мне ничего не чувствовать. Ни его рот, ни руки. Ни то, как он двигается внутри.

На долю секунды я задаюсь вопросом, знает ли он, что мне всего восемнадцать. Впрочем, какая разница. Наверное, этим я и привлекаю его — своей юностью.

После двух кругов — виски со льдом для него, шампанское для меня — он наклоняется ко мне и, придерживая за задницу, шепчет:

— Тебе хватит. Я слишком долго этого ждал и хочу, чтобы ты ясно соображала.

— Тогда пошли, — отвечаю, а сама борюсь с подспудным желанием дать деру. Приходится напомнить себе, зачем я сюда пришла. Чтобы выжить, я должна научиться играть в эту игру.

Люк ведет меня к лифту, приобняв мускулистой рукой за талию. Как только двери закрываются, я оказываюсь притиснута к стене. Он целует мою шею, груди, выступающие из выреза платья; мягкие губы оставляют влажные следы на моей обнаженной коже. Я запрокидываю голову — закрыв глаза и разум, выключив все эмоции — и начинаю отрабатывать то, что он на меня потратил.

— Что теперь? — спрашиваю, когда мы заходим в номер.

— Теперь я сделаю то, о чем мечтал весь вечер.

Он целует меня в рот. Потом укладывает в постель, отодвигает мои волосы в сторону и кончиками пальцев задерживается на лице. Его прикосновение обжигает.

— Ты такая красивая... В жизни не встречал никого красивее, — шепчет он, щупая меня.

Я вижу в его глазах свое отражение, и оно пугает меня. Пока он повторяет то, что бормотал мне когда-то мистер Каллахан, я все смотрю на свое отражение и думаю, какое же у меня холодное и пустое лицо... Но красивое. Всегда красивое.

Не тратя время на раздевание, он задирает мое платье до талии, потом расстегивает молнию на брюках, натягивает на свой возбужденный член презерватив и проталкивается внутрь. Я сухая, мне немного больно, но чем дальше он двигается и теребит мой клитор, тем труднее мне поддерживать в себе отвращение. Тем больше моему телу все это нравится.

Пока он трудится на мне, я представляю то, к чему я стремлюсь: легкую жизнь, лучшие вещи, безопасность. Все это станет моим, говорю себе. Главное не думать, пока я позволяю ему себя трахать.

Я закрываю глаза и хочу отвернуться, но он против:

— Нет. Я хочу видеть твое лицо.

И я не отворачиваюсь. Все время, пока он меня имеет, я смотрю в его потное, покрасневшее от натуги лицо и запоминаю все звуки, все запахи, все стоны, все грязные поцелуи. Так надо, я сама этого хочу — повторяю мысленно снова и снова до тех пор, пока слова не теряют смысл.

Когда он выходит, мне ненавистно видеть на нем следы ответной реакции моего тела. Но вот он опускается на колени, я чувствую влажную мягкость его языка и не могу сдержать стон, когда он начинает лизать мой клитор, посасывая его и прикусывая зубами. Я не хочу, чтобы это мне нравилось. Я хочу испытывать отвращение, но мое тело, в отличие от меня самой, не умеет лгать. Телу нравится то, как этот мужчина меня трахает. Снаружи я издаю стоны и всхлипываю, а внутри... внутри я умираю медленной смертью с каждым толчком.

Но мне плевать.

Так я беру свою жизнь под контроль. Так учусь принимать на себя любую личину ради достижения цели. Почему мне плевать? Да потому что после всего мои грехи будут оплачены.

Щедро.

А еще он пообещал завтра же снять мне квартиру, потому что его миленькой Блэр нужно иметь свое гнездышко.

— ...Приехали, мисс.

Голос Тони возвращает меня в реальность, и я выбрасываю Люка из головы. Если кратко — в итоге он оказался свиньей. Хоть он и был достаточно щедр, но, когда напивался, имел гнусную привычку забывать значение слова «нет».

Высокие железные ворота остаются позади. Какое-то время мы едем мимо пышных зеленых лужаек и величественных деревьев, пока в поле зрения не появляется строение удивительной красоты. Оно меньше, чем я ожидала, но все равно впечатляет.

— О боже. Какое великолепие. — Я восхищенно глазею на особняк в викторианском стиле с характерными окнами и толстыми мраморными колоннами. В нем комнат двадцать, если не больше.

Тони тихонько посмеивается.

— Что тут смешного? — Я боюсь, что выставила себя наивной или неискушенной дурочкой. Вот ужас-то.

— Это просто дом для гостей, мисс Блэр.

— П-просто? — переспрашиваю, заикаясь.

— Да. Один момент... Мы уже близко.

Мы едем еще пару минут, я смотрю, не мигая, вперед и впервые за всю поездку начинаю по-настоящему нервничать.

— А вот это, мисс Блэр, и есть Ротшгльд-холл, — сообщает Тони, сияя от гордости, когда из-за деревьев выплывает дом (больше похожий на чертов замок), от вида которого сама Опра грохнулась бы в обморок от зависти. Потому что он грандиозен.

— Ни-че-го себе...

Во что, нахер, я вляпалась?

Похоже, на сей раз я умудрилась прыгнуть выше головы.

Массивные дубовые двери открыты.

«Роллс-Ройс» плавно притормаживает у подножия лестницы, ведущей к парадному входу. Льющийся из глубины дома свет озаряет окружающую темноту. С помощью Тони я выхожу из машины, и меня окутывает душное тепло летней ночи.

— Приятного вечера, мисс, — прощается Тони.

Я замечаю на пороге пожилого мужчину в безупречном черном костюме. Это за мной — судя по тому, как внимательно он меня оглядывает.

— Спасибо, Тони, — отвечаю с улыбкой. Собираюсь спросить, не он ли повезет меня обратно в город, но сдерживаюсь. Кто знает, что случится сегодня вечером. Уеду ли я через пару часов или задержусь до утра. Вдруг Лоренс захочет один-два раза трахнуть меня на пробу, перед тем как заключать сделку? Пожимаю плечами. Меня устроит любой вариант.

Прохладный ветерок ласкает мои голые руки и ноги, пока я поднимаюсь по лестнице, будит во мне восхитительно приятное ощущение. Почти дохожу до конца и вдруг кожей чувствую, что за мной наблюдают. Перевожу взгляд на окно второго этажа, расположенное прямо над входом, но, вопреки моим ожиданиям, там никого нет. Окно пустое, я вижу только мягкое сияние включенного в помещении света. Потираю шею. Наверное, показалось. И все же пушок на моих руках встает дыбом.

— Добрый вечер, мисс Уайт. Меня зовут Уильям, я дворецкий мистера Ротшильда. Будьте любезны, следуйте за мной. Мистер Ротшильд ожидает вас в библиотеке, — чопорно извещает меня пожилой джентльмен.

— И вам здравствуйте, — отвечаю нахально, но серьезная мина не сходит с его лица. Жаль, а так хотелось попробовать выжать из него улыбку.

Вздохнув, я озираюсь по сторонам. Окружающая обстановка подавляет, и мне это не нравится. Я не хочу впечатляться, но, как ни стараюсь, не могу воспринимать это великолепие небрежно, словно видела нечто подобное тысячу раз. Пока Уильям закрывает двери, я рассматриваю лестницу из черного мрамора. Поднимаю глаза вверх, где она расходится надвое, и упираюсь взглядом в хрустальную люстру, висящую высоко-высоко под потолком. Да... Если такая упадет, то и прибить может. Она гигантская и сверкает, как я не знаю что. На стенах — и это в холле! — рядами висят бесценные картины. Я успеваю узнать Пикассо, Фриду Кало и Дали. Если исключить мексиканку Фриду, можно предположить что Лоренс увлечен испанским искусством.

Я делаю поворот на 360 градусов, впитывая глазами все, что вижу — красные розы и орхидеи в огромных хрустальных вазах, отполированный до блеска пол из черного и белого мрамора. Услышав покашливание, понимаю, что чересчур засмотрелась, и одергиваю себя.

Спокойно. Это просто очередной мужчина — и все. Ничего нового.

И все же с каждым шагом, который приближает меня к нему, мое сердце колотится все громче, а внутри воцаряется хаос. Мое тело не умеет лгать — я вся на нервах. С ума сойти, я даже не могу вспомнить, как он выглядит. Помню только глаза. Спокойные, непроницаемые глаза цвета денег. Глаза, которые я напрочь забыла, пока смотрела чудесный сон об одном кареглазом парне.

Разозлившись на себя, я стискиваю кулаки. Роману нельзя занимать мои мысли. Он должен стать частью прошлого. Должен — и станет. Я добьюсь этого любой ценой.

Мы останавливаемся перед двойными дверями. Уильям дважды стучит. Из-за дверей почти сразу доносится отчетливое «войдите».

Мы входим, и меня окружает его незабываемый голос, сильный и властный, от которого, наверное, даже у самых смелых затрясутся поджилки.

— Привет, Блэр.

***

Неслышно закрыв двери, Уильям уходит.

Мы остаемся наедине. Лоренс пристально наблюдает за мной, выражение его лица не поддается расшифровке.

— Садись, пожалуйста, — говорит мне.

— Спасибо.

Присев на шоколадно-коричневый кожаный диван, я поднимаю глаза и жду, когда Лоренс начнет разговор. Но он упорно молчит. Стоит себе и смотрит на меня так, словно хочет залезть мне в душу. Не-а. Черта с два я это позволю. Неловкое молчание затягивается. Тридцать секунд, одна, две минуты...

На третьей я начинаю смеяться.

Смех рвется откуда-то изнутри, и это охренеть как приятно. Он вспарывает висящее в воздухе напряжение.

Лоренс невозмутимо закладывает руки за спину.

— Не расскажешь, что тебя так развеселило?

— Да просто такое ощущение, словно я сплю и вижу совершенно бредовый сон. Помесь «Красотки» и «Гордости и предубеждения», что, если вдуматься, жутко смешно. Как будто героиню Джулии Робертс вызвали в Пемберли-холл ради быстрого траха.

Он приподнимает бровь, губы подрагивают.

— Обижаешь беднягу Дарси. Думаю, этот парень был бы способен на большее, чем быстрый трах. — Он садится напротив меня на кушетку.

Я удивлена.

— Ты знаешь, кто такой мистер Дарси?

— Как не знать, когда тебя годами окружают женщины, — сардонически отвечает он.

Издаю смешок.

— Ужасно стыдно перед Джейн. Она, наверное, в гробу переворачивается из-за моего сравнения.

— Да брось.

— Нет, правда. — Я пожимаю плечами. — Сначала Тони на «Роллс-Ройсе»... потом твой дом, то есть, Ротшильд-холл... сады... Уильям... Кало и Пикассо... — смотрю на него в упор, — ты.

Лоренс кивает. Глаза поблескивают весельем в неярком освещении комнаты.

— Итак, ты разбираешься в искусстве и голливудских мелодрамах, а еще знаешь Джейн Остин...

— Точно. В смысле, без «Эммы» не было бы «Бестолковых».

— Интересно. Привлекательна и умна — мощное сочетание.

Не прерывая зрительного контакта, я склоняю голову набок и дерзко усмехаюсь.

— А ты красив и богат. Еще мощнее.

За это меня одаривают улыбкой. Невероятно приятной улыбкой, которая делает Лоренса не просто красивым, а прекрасным до умопомрачения. По мере того, как мы рассматриваем друг друга, веселость на наших лицах постепенно тает. Дружеская атмосфера рассеивается в воздухе, как дым, и все окружающее пространство заполняется эротическим напряжением. Я облизываю губы, а он внезапно потемневшими глазами следует за движением моего языка. Представляя, как эти губы обхватывают его член? Как я стою перед ним на коленях и, пока он сидит на кушетке, трахаю его ртом?

Момент прерывает стук в дверь. Кто-то входит, и мы слышим голос Уильяма:

— Ужин подан, мистер Ротшильд.

— Спасибо, Уильям. Можешь идти. — Лоренс коротко оглядывается назад.

Ох, он тоже это почувствовал. Я испускаю судорожный вздох. Он ведет рукой по волосам, потом обращается ко мне — вновь воплощенная сдержанность и бесстрастность:

— Продолжим наш разговор в столовой?

— Конечно.

Я встаю. Между ног тлеет огонь, требует, чтобы его потушили. Пока прихожу в себя, пользуюсь случаем и осматриваюсь — впервые после того, как зашла в библиотеку. Все стены, насколько хватает глаз, закрыты высокими, до потолка стеллажами из красного дерева. На них книги, много книг — фолианты в кожаных переплетах соседствуют с современными изданиями и потрепанными томиками в мягких обложках. Какое богатство.

— Вот это да... Вот это библиотека. Кажется, обувной этаж в Barneys только что стал вторым в списке моих любимых мест.

Обернувшись, я вижу, как Лоренс встает и идет мне навстречу. На мужественном лице прячется улыбка, точно мое поведение до крайности его забавляет. Приподнимаю бровь и складываю руки на груди.

— Что смешного?

Он не отвечает на вопрос. Молча подходит и останавливается так близко, что я улавливаю пряный аромат его одеколona, вижу на челюсти темную тень щетины. При желании, стоит положить руки ему на грудь, я могу ощутить биение его сердца. Интересно, оно стучит так же часто, как у меня?

Температура в комнате будто подскакивает на несколько градусов.

— Так ничего и не скажешь? — спрашиваю.

Он делает еще шаг, стирая расстояние между нами. Я глубоко втягиваю воздух и судорожно выдыхаю.

— Очевидно, нет...

На губы ложится его палец. Он заставляет меня замолчать. Глядя в глаза, расплетает мои руки, заводит за спину и берет мои запястья в плен. Загипнотизированная его цепким взглядом, я чувствую, как наших рук касаются мои длинные волосы. И в момент, когда кончиком носа он начинает вести по контуру моей челюсти... как же нежно... и по шее спускается вниз, моя бедная голова идет кругом. Его ласка поглощает меня целиком, она всюду.

— Как ты прекрасна, — шепчет он, задевая кожу губами.

Я с трудом сглатываю.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не комплимент, а констатация факта.

— Ну, в таком случае... Спасибо, я знаю.

Он слегка отклоняется назад, в полуприкрытых глазах желание. Наверное, сейчас поцелует, думаю я. Инстинктивно закрываю глаза, привстаю на цыпочки, жду, но ничего не происходит. Вместо поцелуя я чувствую за ухом его щекотное дыхание, после чего он шепчет:

— Скажи, Блэр... а что случилось с тем твоим особенным?

И вновь я не могу ему лгать.

— С ним я слишком многое чувствую.

— Почему же, в таком случае, ты не с ним?

— Как раз поэтому. Он заставляет меня чувствовать. С ним я начинаю желать то, чего желать не хочу, то, что мне не нужно.

— Ну а я, Блэр? Что ты чувствуешь рядом со мной? — Костяшками пальцев он водит по моей ключице.

— С тобой я не чувствую ничего, и для меня это — главное.

— Ты любишь его?

— Если да, это будет иметь значение?

Он молчит перед ответом.

— Нет. Никакого.

***

Недолгая прогулка по дому — и мы в просторной столовой с натертыми до блеска паркетными полами, от которых легко пахнет лимоном. По пути к прямоугольному обеденному столу я едва замечаю затейливую резьбу на деревянных панелях, которыми обшиты стены, и китайские пейзажи. Все мое внимание приковано к мужчине, идущему рядом со мной.

На нем темно-синие джинсы, ладно сидящие на бедрах, и голубая рубашка. Две верхние пуговицы расстегнуты, оттенок подчеркивает цвет кожи и волос. Теперь мне ясно, почему он прослыл безжалостным человеком — и в бизнесе, и в постели. Полчаса, проведенные в его обществе, дали понять, что под дорогой одеждой прячется зверь, коварный и очень опасный хищник. В нем есть нечто неукротимое, дикое. Загадочное и темное, как ночь. Представляю, сколько женщин тешили себя иллюзиями, что сумеют приручить его, и какое разочарование их ожидало впоследствии, когда эти попытки с треском проваливались.

...В ожидании десерта я поглядываю на него. Он тоже оценивающе на меня смотрит. И выглядит при этом так же привлекательно и маняще, как бокал красного вина у него в руке.

— Ты какая-то рассеянная. О чем задумалась?

Его вопрос выводит меня из ступора.

— Так... о всякой ерунде. У тебя, кстати, очаровательный дом.

— Спасибо.

Я тянусь за бокалом, делаю глоток вина.

— Ты не очень-то разговорчив, да? Я весь вечер не затыкаюсь, а ты и двух слов не сказал.

— Правда? Не заметил, — с сарказмом отвечает он, поблескивая глазами.

— Окей, может, я и преувеличила, но ты же понял, что я имею в виду.

— Практически все, что я могу рассказать, ты, наверное, уже прочла в интернете.

Смеюсь.

— Виновна. Едва ли не первым делом.

Этим признанием я зарабатываю улыбку — порочную улыбку, которая не должна, но все-таки заползает под кожу, оставляя за собой жгучий след.

— Все в порядке. Кроме того, мне нравится тебя слушать. Это... бодрит.

— Ну конечно. Скорее вгоняет в сон. Хотя... знаешь, как говорят?

— Нет, не знаю. Просветишь?

Я усмехаюсь.

— В тихом омуте черти водятся. У тех, кто много молчит, на уме самые грязные мысли.

Он раздражается хохотом, и я отчего-то испытываю прилив счастья. Отсмеявшись, Лоренс залпом допивает вино, ставит бокал на стол и поворачивается ко мне. В зеленых глазах пляшет веселье.

— Я не святой, Блэр. Я живу насыщенной жизнью, и у меня не одна, а множество слабостей.

— Это хорошо, потому что я тоже не ангел.

— Иди сюда, Блэр. Дай посмотреть на тебя, — говорит он, голос становится хрипловатым.

Я не спешу. Пью свое вино, растягивая момент. Меня нервирует то, как он на меня смотрит — пристально, без тени веселья, — но я не собираюсь поджимать перед ним хвост. Напротив, я полна решимости смутить его самого. Мне хочется сделать так, чтобы с него слетело спокойствие. Поставив бокал на стол, я промакиваю уголки губ салфеткой и, отложив ее в сторону, встаю.

Когда он считывает мои намерения сесть напротив него на стол, то немного отодвигается, освобождая мне место. И вот я сижу на краю. Мы с вызовом глядим друг на друга. Ждем, кто же из нас двоих первым перечет границу, на которой мы балансировали весь вечер, и тем самым признает, что это не романтическое свидание, а нечто совершенно противоположное.

— Вот. — Я раздвигаю ноги, насколько позволяет тесное платье. — Смотри. — Отклонившись назад, опираюсь о прохладную поверхность стола, а второй рукой сдвигаю свои черные стринги вбок, полностью обнажая перед ним свое естество. — Ну как, Лоренс... нравится тебе то, что ты видишь?

Он спокойно рассматривает меня. Дыхание ровное. Глаза, хоть и потемнели от желаний, изучают мою плоть внимательно и не стесняясь. Он абсолютно невозмутим. Сидит напротив на деревянном стуле с высокой спинкой, пока я нагло выставляю себя напоказ. Мне должно быть стыдно, неловко, но вместо этого по венам, будоража кровь, разносится чистейшее, неразбавленное возбуждение. Этот мужчина — запретный плод. И этим манит меня еще сильнее.

Спустя минуту, показавшуюся мне вечностью, Лоренс становится меж моих ног. Костяшками пальцев поглаживает мое бедро, поднимаясь по внутренней стороне все выше и выше, пока не оказывается в опасной близости от моего естества.

— Скажи, Блэр. Как ты думаешь, зачем ты здесь? — спрашивает он небрежно, пока я смотрю, как его ладонь, наконец-то проникнув меж бедер, раскрывает меня двумя пальцами. Жесткая ткань его джинсов ласкает мои ноги, когда он придвигается ближе.

Не успеваю я ответить, как он касается средним пальцем клитора и начинает медленно кружить по нему. Еле сдерживаюсь, чтобы не застонать.

— Я здесь, потому что у меня есть то, что ты хочешь. А у тебя есть то, чего хочу я.

— Ноги шире, — приказывает он, и я подчиняюсь. — Ты права. Я хочу спать с тобой в то время, пока нахожусь в Нью-Йорке. Без обязательств, без чувств, без каких-либо заморочек. И я готов оплачивать любые твои капризы, но учти... только до тех пор, пока ты не забываешь эти несложные правила.

— Допустим, но что будет после?

— Ты уйдешь с полным банковским счетом.

С этими словами он вводит в меня сразу три пальца и начинает размеренно ими двигать то внутрь, то наружу, смазывая скользким откликом моего тела. Надрачивая меня на столе, который явно стоит раза в два больше аренды моей квартиры.

— Ты очень восприимчива. — Вытянув из меня влажные пальцы, он кладет их в рот и тщательно обсасывает. Когда он заканчивает, я успеваю заметить кончик его языка.

С трудом сглатываю, а он возвращается к прерванному занятию и снова начинает насаживать меня на свою руку, заставляя остро чувствовать, как он выдергивает пальцы из моего тела, чтобы после с силой ввернуть внутрь. Как бы мне ни хотелось, чтобы его непристойное предложение и ласки были мне отвратительны, обманывать себя я не могу. Настоящей Блэр — той, которая управляет моими решениями — все это охренеть как нравится.

— Что скажешь, Блэр? — Наконец-то. Хрипотца в голосе выдает его. Он возбужден не меньше моего.

Я стону, тело напрягается в тисках наслаждения, затуманенная похотью голова идет кругом. Глядя на его поблескивающие влагой пальцы, исчезающие во мне, прерывисто выдыхаю:

— А как же любовь, Лоренс? Разве моя любовь тебе не нужна?

— Нет. Прибереги ее для своих будущих завоеваний. — Большим пальцем он трет мой клитор, а остальными трахает, безжалостно подталкивая меня к падению в блаженный ад. — Или для того особенного, о котором ты говорила.

Я задыхаюсь. Ослабев, хватаюсь за него, чтобы не упасть. Я вот-вот кончу... чувства обостряются, окружающие цвета становятся ярче. Не знаю, зачем я спросила. Мы и так отлично понимаем друг друга. Мы потребители. Оба. Используем людей как вещи, а после выбрасываем.

Лоренс трахает меня все жестче, жестче и жестче, пока меня не накрывает оглушительным, как грохот грома, оргазмом. Я кончаю. Телесное безумие выворачивает меня наизнанку, кульминация настолько мощная, что оставляет меня без сил. Когда я, наконец, открываю глаза, то замечаю на себе его пристальный, цепкий взгляд. Его скулы чуть покраснели, прическа по-прежнему идеальна, но глаза горят таким ярким, таким неистовым огнем, что прожигают насквозь. Он выходит из меня и мокрыми пальцами ведет по моим губам. На нем мой запах, мой вкус.

— Если ты ищешь любви, предлагаю закончить ужин и забыть об этом разговоре, словно его никогда не было. Чем разочаровываться и жалеть, что мы повстречались, я предпочту сохранить в памяти поразительно красивую девушку со страстью в глазах, которой не интересны плебейские чувства вроде любви.

— Не нужно. Они мне не интересны. Любовь, она все рушит.

— Хорошо. Тогда я жду твоего ответа, Блэр. Да... или нет?

— Мне нужны деньги, много денег. Я хочу квартиру в Сохо, причем оформленную на мое имя. — Усмехаюсь. — Я хочу, чтобы ты избаловал меня донельзя.

— Разумеется. Я дам тебе и это, и многое другое.

— И последний вопрос.

Он улыбается, словно ждал его.

— Да?

— Почему именно я, когда тебе доступна любая? Известнее, красивее...

— Красивее тебя? Таких нет.

— Ой ли?

Моя скептическая мина вызывает у него усмешку. На некоторое время он замолкает. Играет моими длинными волосами, зафиксировав взгляд на лице.

— Ты умная девочка, Блэр. Даже слишком, пожалуй. Но ты и сама это знаешь, верно? Хорошо, я скажу. Дело в том, что мы с тобой говорим на одном языке. Ты и я... мы сделаны из одного теста. Когда мы чего-то хотим, мы добиваемся цели и не отвлекаемся на эмоции.

Что мне терять, вот честно? Моя мечта вот-вот воплотится в жизнь. Никаких чувств. Никаких эмоций. Только секс и чертова прорва денег.

— Окей. — Еще раз с трудом сглатываю. — Твое предложение?

— Назови сумму.

Я пожевываю изнанку губы, не зная, насколько далеко можно замахнуться, но потом вспоминаю, что терять мне нечего. Вдобавок, он реально запал на меня — это очевидно.

— Есть на чем написать?

Его глаза загораются весельем.

— Написать? Блэр, только не говори, что ты застеснялась.

Я задета, вспыхиваю, но тем не менее принимаю вызов.

— Ладно. Давай вслух.

— Во-от... узнаю ту Блэр, которая мне нравится.

Ставлю перед его лицом указательный палец.

— А теперь прибавляй нули.

— Десять тысяч.

Я качаю головой, озорно улыбаясь, и подначиваю его:

— Ну же, ты способен на большее.

— Сто тысяч.

— Бери выше.

Он тихо усмехается.

— Миллион.

Киваю и чувствую себя так, словно только что сорвала джекпот.

— Я хочу миллион в месяц. Все время, пока я с тобой. И это не включая квартиру.

— Он твой.

— И все? — спрашиваю недоверчиво. — Ты вот так запросто соглашаешься? Это же куча денег.

— Почему бы и нет? Я же сказал, что хочу тебя. А я всегда получаю то, что хочу.

***

Перед моим уходом мы возвращаемся в библиотеку, где я оставила клатч. Выудив его из недр коричневого дивана, я оборачиваюсь к Лоренсу. Он стоит на пороге, уцепившись большими пальцами за передние карманы джинсов, подпирает плечом открытую дверь. Вид

спокойный, даже скучающий. И не скажешь, что этот самый человек только что отымел меня пальцами на столе.

— Ты точно не хочешь, чтобы я... э-э... вернула тебе любезность? Разве это не входит в сделку? — интересуюсь я. Забавно все-таки, как быстро наши отношения переключаются от чисто эротических к дружеским. Как будто ничего не случилось.

Он потирает шею.

— Не сегодня, Блэр. Поезжай домой, обдумай наш договор, а завтра, на свежую голову, позвони и сообщи свое окончательное решение.

— Что так? Сомневаешься в моей способности принимать взвешенные решения в разгар страсти? — говорю насмешливо.

Он усмехается.

— Честно говоря, Блэр, этот вопрос волнует меня в последнюю очередь. Просто в следующий раз я планирую трахать тебя, пока ты не перестанешь понимать, о чем умолять: остановиться или трахать еще сильнее. Пока время не перестанет существовать, а главным не станет одно: твоя полная капитуляция. У меня большие планы на твой прелестный, бесстыжий ротик, и разговоры, моя милая, в них не входят. Поэтому — да. Я хочу, чтобы вернулась домой и все это переварила.

Мое сердце частит от его грубой, почти оскорбительной прямоты.

— Понятно. — Я убираю прядь волос за ухо. — Но я не передумую. Я не меняю своих решений.

— И это еще одна наша общая черта. Но скажи, пока не ушла...

— Да?

— Чего ты ждешь от всего этого?

— Ничего, поскольку в противном случае я жестоко разочаруюсь. Реальность никогда не совпадает с мечтами. — Меня тянет добавить, что эту аксиому я выучила еще в детстве, потому что мои ожидания никогда не оправдывались, но я сдерживаюсь. В конце концов, молчание — золото.

Он смотрит на меня так, словно решает в уме сложное математическое уравнение.

— Ты ставишь меня в тупик, Блэр. Кто ты? Что ты?

Улыбаюсь, глядя ему в глаза.

— Все сложно.

***

Тони везет меня домой. В машине полная тишина, словно он знает, что сейчас со мной лучше не разговаривать и вопросов не задавать. Словно лучше меня самой понимает, что в данную минуту мне нужен покой.

Пока мы мчимся по скоростному шоссе в сторону Лонг-Айленда, я сижу, уставившись за окно, и слежу за луной. Она то прячется за темными облаками, то снова выныривает, ярко освещая ночной небосвод. Вымотавшись за вечер морально и физически, я прикрываю глаза и думаю о Лоренсе. Вспоминаю, как на выходе из дома, пока я шла навстречу Тони, стоящему у открытой дверцы автомобиля, по спине побежал холодок, и мне вновь почудилось, что за мной наблюдают. И как, обернувшись, я увидела, что Лоренс стоит у окна библиотеки и смотрит мне вслед.

И тут до меня доходит.

Мы с ним ни разу не поцеловались.

На следующий день.

Утром я звоню Элли и приглашаю ее на ланч в наш любимый суши-бар. Хочу поделиться последними новостями, а также сообщить, что я бросаю работу. Ну, по крайней мере, на то время, пока буду игрушкой Лоренса.

Есть еще одна причина: мне нужно выбраться из квартиры. Воспоминания о его зеленых глазах, о его голосе, о вчерашнем вечере мучают меня почище ночного кошмара. Я не могу выбросить все это из головы. Не знаю, почему, но я до сих пор ему не позвонила. Вероятно потому, что мне нравится играть с мужчинами в игры — пусть подождет вместе со своими миллионами, — а может, я боюсь, что все от начала до конца выдумала.

Когда мы заходим в ресторан — уютное заведение в Нижнем Ист-Сайде, знаменитое своими обедами бэнто, — длинноволосая хостесс уводит нас вглубь помещения, к невысокой матово-черной деревянной платформе, которая выполняет функции столика. Вокруг разложены вишнево-красные подушки, на них мы и усаживаемся лицом друг к другу. Хаус на фоне напоминает мне о сборнике Buddha Bar, который валяется дома.

— Итак, как поживает твой гитарист? — спрашиваю я Элли, пока вожусь с палочками, снимая бумажную обертку и разламывая их пополам.

— Прежде всего хочу заявить, что не несу ответственности за свое поведение, когда нахожусь под влиянием хорошей музыки.

— Что, настолько хорош?

Она краснеет.

— Боже, Блэр... он просто чудо. Я не смогла дотерпеть до третьего свидания. Просто не смогла.

Усмехнувшись, я кладу палочки рядом с тарелкой.

— Подружка, да у тебя классический синдром рок-звездной зависимости.

Она хихикает.

— Наверное. Честно, я не планировала переспать с ним так быстро. Оно само получилось.

— Конечно, само! Кстати, «так быстро» — это когда?

Она прижимает к пылающим щекам ладони, улыбается.

— На втором свидании. И, Блэр, я серьезно! Все вышло само собой. Он играл в одном баре, а после выступления мы с его друзьями и их подругами поехали тусоваться к нему домой. Сначала мы просто долго-долго целовались в спальне, ну а потом... одно за другим... и в итоге...

— В итоге он показал тебе свой медиатор? — шучу я, и мы громко хохочем.

Элли становится совсем пунцовой. Крутит головой и сжимает губы, сдерживая смех.

— Так я тебе и сказала. Я леди, забыла? Поэтому никаких интервью.

— Главное, будь осторожна и не забывай предохраняться, Элли. Ты же не хочешь подхватить хламидиоз или, не дай бог, одно заболевание, которое проходит только через девять месяцев.

— Ба! — Она закатывает глаза — сама знает. — Ладно, хватит обо мне. Расскажи свои новости. Как у тебя с Ронаном?

Мое сердце болезненно сжимается.

— Ронана больше нет.

— То есть как нет? — хмурится она. — Ты три дня назад мне о нем рассказывала...

Я замолкаю на время, пока официантка ставит перед нами дымящийся горшочек с бобами-эдамаме. Мы благодарим ее, и когда она уходит, возобновляю разговор.

— Ну а теперь все кончено. Уж слишком далеко все зашло. — Мне самой удивительно, насколько равнодушно звучит мой голос.

— Та-ак... Блэр, что происходит?

Я сижу в окружении бамбуковых стен и аромата соуса терияки, смотрю Элли в глаза и вдруг отчетливо понимаю, насколько низко я пала.

— Не знаю, помнишь ты или нет того человека из ресторана. Он еще звал меня поговорить наедине. Ладно, неважно. Вчера мы встречались и... он предложил мне просто дохрена денег за то, чтобы я спала с ним на регулярной основе при условии, если я не буду ждать от него брачного предложения. И я согласилась.

Элли давится чаем.

— Что-что ты сейчас сказала?

Я подношу чашку к губам и маленькими глотками пью обжигающе горячий чай.

— Да, пока мы вместе, мне будут платить. Представляешь... его помощница попросила меня прислать ей по факсу мой последний анализ крови, потом отправила мне его анализы, все это дико странно, но по крайней мере теперь я знаю, что он чист и ничем не...

Она протестующе трясет головой и машет руками.

— погоди, погоди... Что?! Блэр, этого просто не может быть.

Смеюсь. Иногда моя наивная лучшая подруга думает обо мне слишком хорошо.

— Может. — Я ставлю чашку перед собой и молчу, пока устанавливаю ее ровно по центру стола. — Вчера я ездила к нему домой, хотя, какой это дом — громадина размером с дворец. В общем, мы поужинали, а потом он трахнул меня пальцами на обеденном столе и между делом сделал это свое предложение. И я его приняла. Как выяснилось, мы с ним отлично понимаем друг друга.

— Пожалуйста, скажи, что это шутка, — просит она, в каждом слове слышится осуждение.

— Да нет. Все по-настоящему.

Она качает головой.

— Не могу поверить, что ты на это пошла.

— Ну, лучше примиришься с этим сразу, Элли, потому что все уже решено.

— А как же Ронан? Ведь — и тут я уверена — ты бы не стала о нем рассказывать, не будь у вас все серьезно. Я знаю тебя, Блэр, как ни убеждай себя, что это не так.

— Ты хватаешься за соломинку. Ничто и никто не заставит меня передумать, в особенности нищий парень, с которым я встречалась-то всего месяц. Кроме того, с Лоренсом я смогу вести тот образ жизни, к которому я привыкла. Который мне нравится. Я уволюсь с работы и буду отрываться.

— То есть, ты все-таки серьезно?

— Более чем. Как только я позвоню ему и скажу финальное «да», наше соглашение вступит в силу.

Мы дружим уже два года, поэтому Элли знакома моя привычка отгораживаться от людей, особенно от тех, кто говорит неприятные мне вещи. Не менее хорошо ей известно и

то, что она единственная, кому я позволяю с собой не церемониться, и ее следующие слова служат тому подтверждением.

— Блэр, я могу ошибаться, но мне кажется, есть огромная разница между тем, что ты делала раньше... ну, встречалась с богатыми парнями, которые тебе самой нравились... и тем, что тебя будут трахать за деньги. В смысле, он тебе хоть симпатичен?

— Это неважно. И, как по мне, никакой разницы нет. Ни одного из тех парней я не любила, да и они не воспринимали меня всерьез. Я была для них красивой вещью для траха — и только. Уолкер верно подметил: таких, как я, видно издалека. Так что, по-моему, все просто отлично. Мне не придется притворяться влюбленной, чтобы меня водили по магазинам. Лоренс хочет мое тело, я хочу его кошелек — идеальная сделка.

— Естественно, это важно! Ведь иначе тебе будут платить, как... как...

— ...шлюхе, — заканчиваю я за нее.

Она права. Я не трахаюсь просто так. У меня попросту не хватает на то времени. Тело — мой единственный инструмент. Раздвигать ноги — мое единственное умение, моя суперспособность. И если кто-то желает получить право ею попользоваться, пусть сначала потрудится... пусть заплатит. Я хочу, чтобы меня рассматривали, как выгодное капиталовложение, а этого не случится, если выкладывать товар после первого же приглашения в ресторан.

Кем я хочу быть? Девушкой, которую вывозят на выходные в Рим? Или девушкой, которая за выпивку отсасывает всяким мудакам в клубных туалетах?

Я вас умоляю... все проще простого. Меть высоко, и достигнешь звезд. Будешь пить шампанское и закусывать черной икрой.

Элли тянется ко мне, и я не отдергиваю руку, разрешаю взять ее.

— Прости, Би... Я...

Я накрываю наши сомкнутые руки ладонью. Внезапно мне становится холодно.

— Все нормально. Не извиняйся. Я сама этого хочу. И, раз ты спросила... Лоренс меня привлекает. Очень, — говорю, вспоминая его беспощадное вторжение.

— А как же любовь, Блэр? Ведь любовь — это так прекрасно.

— Прекрасно, когда объект любви — ты. А когда оно без взаимности... Поверь, Элли, это ад.

— Да, но без боли, без представления о том, что такое одиночество, любовь и вполонину не была бы настолько приятной. Слушай, я знаю, еще не время задумываться о семье и детях, но рано или поздно придется, разве нет? Я к тому, что двадцать три нам будет не вечно.

Я пожимаю плечами.

— Одна девушка, с которой я познакомилась, когда приехала в город, часто говорила, что найти любовь одинаково трудно как с бедным, так и с богатым, поэтому уж лучше сознательно нацелиться на богатого.

— Вот сучка.

— Может быть... но сучка умная.

Это правда. Я всегда знала, что если и выйду замуж, то за деньги или повышение статуса. Я никогда не предавалась фантастическим мечтам найти свою половинку. Мои родители поженились по любви, и чем это закончилось? Взгляните, каким гребаным адом стала их жизнь. Спасибо, но мне такого счастья не надо. Чем бы это ни выглядело со стороны, я выбираю отношения, где не нужно вкладываться эмоционально, зато можно

наслаждаться всеми остальными преимуществами.

Получу ли я именно такие отношения с Лоренсом? Может, и нет. Но во всяком случае мне не придется иметь дело с каким-нибудь психом, который считает меня своей собственностью, или думает, что влюблен только потому, что я довожу его до оргазма. Я не дура. Я знаю, мужчины любят не меня, а свое представление обо мне и то, что я продаю им.

С Лоренсом мне не грозит опасность влюбиться, как было с Ронаном, и меня это полностью устраивает. Мне не нужна любовь... Мне безразлично, любит меня он или нет, сама я больше никогда не позволю себе влюбиться. Любовь опасна. Она обладает способностью рушить несокрушимое. Взять, к примеру, Уолкера. Я не любила его, однако же он умудрился меня ранить. Но больше я не дам себе стать уязвимой. Ни за что.

Что до Лоренса, то, кажется, я наконец-то нашла человека, который стремится к таким отношениям, которые нужны мне самой.

Прошло два дня с тех пор, как мы виделись. Два дня с тех пор, как мы заключили сделку. Я не шутила, когда рассказывала Элли о его помощнице. Она действительно связалась со мной и затребовала анализ крови, после чего отправила по почте его анализ. Еще она просветила меня насчет того, как мне будут платить. Первая половина будет начисляться на мой банковский счет в начале тридцатидневного периода, а вторая — в конце. Подписав контракт и отправив его вместе с анализом ей по факсу, я в тот же день зашла проверить свой счет онлайн. Лоренс оказался человеком слова. К моим сбережениям прибавилась кругленькая сумма в пятьсот тысяч долларов.

Я долго не могла поверить своим глазам.

Сидела, тупо уставившись в экран, смотрела на сливающиеся нули и не могла пошевелиться. А потом, когда до меня наконец дошло, что они реальны, побежала в ванную и меня вырвало.

Мне стало плохо не из-за денег, а из-за того, что они олицетворяют.

Я предпочла Ронану Лоренса. Нормальная девчонка на моем месте последовала бы зову своего сердца, но я не такая. Далеко не такая. Влюбившись в Ронана, я испытала максимум того, что могла, но с Лоренсом...

Когда я с ним, на меня не давит груз ожиданий. С ним можно не сдерживаться. С ним не надо стараться стать лучше, чтобы заслужить его. С ним меня не душат эмоции. Нет. Удовольствие, влечение и страсть — вот и все, что я чувствую рядом с Лоренсом. И именно эти чувства — лучшие в жизни. А не любовь, благородство и бескорыстие.

С Лоренсом можно быть настоящей Блэр. Эгоисткой, которая думает только о себе. Той Блэр, которая предпочтет любовному письму дорожную сумочку.

***

Кабинет в особняке Лоренса на Парк-авеню такой же, как его хозяин — впечатляющий и маскулинный. Я одета в маленькое черное платье, спереди скромное, но откровенно оголяющее всю спину сзади. Положив ногу на ногу, я сладко сдавливаю бедра. Власть и богатство, особенно таких масштабов, жутко меня заводят.

Я сижу на одном из мягких кожаных диванчиков винного цвета, расставленных у его стола, и вызываю в памяти все то, что произошло в нашу прошлую встречу. Каждое воспоминание все дальше вытаскивает Ронана из моей головы, стирает чувство вины, и скоро мне начинает казаться, что его нет. Пока я, краснея, вспоминаю, как сновали во мне его пальцы, Лоренс наливает нам выпить и, садясь, протягивает мне бокал.

— Держи.

Беру бокал и, когда наши пальцы соприкасаются, чувствую исходящее от его тела электризирующее тепло. Черная магия какая-то. Мы встречаемся взглядами. Он жадно смотрит на меня со слабой улыбкой, играющей на губах.

Я кусаю губу.

— Спасибо.

Он лениво откидывается назад, одна рука вытянута на спинке дивана, другая обнимает бокал. Смотрит на меня изучающим взглядом.

— Пенни за твои мысли, — произносит своим низким, резковатым голосом.

Лоренс выглядит расслабленным, но я-то знаю, что на самом деле это не так. Он хочет меня. Желание сквозит во всем его облике — в напряженных мышцах, в хищном взгляде, которым он пожирает меня, раздевает меня догола.

Перед ответом я беру паузу и какое-то время рассматриваю этого великолепного мужчину, что сидит напротив. И чем дольше я это делаю, тем больше меня завораживает желание в его зеленых глазах, тем проще мне игнорировать ту Блэр, которая считала лучшим днем своей жизни праздник, проведенный с Ронаном и его семьей. Ту Блэр, для которой жизнь обретала смысл только в объятьях Ронана. Да, пока я рассматриваю Лоренса, мне становится легче. Мой внутренний эгоист намерен использовать его, и вот каким образом: я хочу отыметь его так жестко и мощно, позволить ему кончить в себя столько раз, сколько потребуется для того, чтобы на мне намертво отпечатался его вкус, его имя, а не ласковые прикосновения Ронана.

Я не вижу смысла ходить вокруг да около.

— Где твоя спальня? Или будем трахаться здесь?

— Блэр, Блэр... пойми, оно необязательно должно быть вот так.

— А как? Скажи мне, потому что, боюсь, я не вполне понимаю. Я вроде следую твоим собственным правилам. Делаю то, чего ты от меня хочешь и ждешь.

— Я прекрасно помню свои правила, но нам ничто не мешает радоваться компании друг друга, пока мы трахаемся. Ты и я, мы просто мужчина и женщина, которые ищут совместного удовольствия. Без игр и притворства. Что скажешь?

— Без игр и притворства? Я думала, тебе нужно мое тело, а не душа.

— Мне нужна Блэр.

— Настоящая Блэр может тебе не понравиться, Лоренс, — предупреждаю я.

— А давай-ка я сам решу? — предлагает он, ослабляя галстук. Я слежу за движениями его руки, распускающей шелковый узел, а когда поднимаю взгляд, вижу, что он наблюдает за мной и ждет моего ответа.

Забавно, все-таки, устроен мир.

Люди приходят в твою жизнь, становятся ее частью, но настоящую тебя не знают. Не имеют ни малейшего гребаного представления, кто ты. А потом внезапно тебе встречается человек, который сразу видит тебя насквозь. И ни капли не осуждает. С ним не нужно быть или казаться лучше. Ты нравишься ему такой, какая ты есть. Он принимает в тебе все — даже самое низменное и гадкое. Вот, что я чувствую рядом с Лоренсом. В отличие от Ронана, с которым я месяц лезла из кожи вон, стараясь стать достойной его, с Лоренсом мне весь этот цирк не нужен.

Я ставлю бокал на низенький столик напротив.

— Лоренс, скажи, ты молишься?

Резкая смена темы не вызывает у него эмоций. Он делает глоток скотча, потом отвечает:

— Нет. А ты?

— Молилась когда-то, пока не поняла, что Господь глух. Теперь я встаю на колени совсем по другому поводу.

Он негромко смеется.

— Если бы дьявол был женщиной, его наверняка звали бы Блэр.

Я одариваю его бесстыдной улыбкой.

— Видишь ли, когда я была маленькой девочкой, я каждую ночь упрашивала его сделать так, чтобы мои родители перестали ругаться. Чтобы папочка нашел в себе силы бросить пить. Чтобы мамочка вернулась к нам или забрала меня к себе.

Я опускаюсь на четвереньки и неспешно ползу к нему, выгибаясь как кошка. Шелковистый персидский ковер приятно щекочет мои ладони. И вот я у его ног. Становлюсь на колени и провожу по его члену своей безупречно наманикюренной рукой, слегка царапая ткань ногтями. Бугор у него в штанах начинает расти.

— Уже такой твердый, — шепчу, затем кладу вторую руку ему на грудь и продолжаю его поглаживать. В этой позе мне слышно, что с каждой моей извращенно-неторопливой лаской его сердце колотится все громче и чаще. Я чувствую, как он подрагивает под моей ладонью.

— Я умоляла его сделать так, чтобы родители заметили... и полюбили меня. Но он явно меня не слышал, потому что ничего не менялось. Однажды утром я проснулась и поняла, что ее больше нет. Та маленькая девочка, которая по ночам рыдала до изнеможения, прижимая к груди своего любимого плюшевого зверька, она умерла. И желание плакать прошло. Невнимание родителей перестало причинять боль. Мне стало на все насрать. Я выросла. Распрощавшись с детскими фантазиями, я наконец-то поняла, как устроен реальный мир. Я узнала, что, используя внешность, можно многого достичь. Что высокие ценности теряют значение, когда на сцену выходят жадность и страсть. Что деньги говорят лучше слов, и что испытывать эмоции — бессмысленно.

Я поднимаю голову и заглядываю ему в глаза.

— Я делала очень постыдные вещи, чтобы забраться так высоко. Сегодня я стою на коленях перед тобой, одним из богатейших людей в мире, и держусь за твой твердый член. Но если завтра подвернется кто-то еще могущественнее, еще богаче, я встану на колени уже перед ним. Такова моя натура. Я живу по своим собственным правилам. И не нарушу их, каким бы добреньким ты со мной ни был. Ну вот, Лоренс. Теперь ты знаком с настоящей Блэр.

— Как его звали?

— Кого? — спрашиваю, сбита с толку.

— Плюшевого зверька.

— Какая разница, — говорю уклончиво. Этим я не хочу с ним делиться.

— Отвечай, — приказывает он.

— Винклер. — Едва ответив, я понимаю, что открылась перед ним больше, чем следовало. Мне неуютно, я чувствую себя голой. — А что? Почему ты спросил?

Мир прекращает вращаться, пока я дожидаясь его ответа. Он наклоняется. Задевает мою шею губами, и я всем телом ощущаю прилив тепла.

— Мне нравится настоящая Блэр... Она-то мне и нужна. — Голос хриплый, как наждачная бумага, дыхание мягкое, как перышко, и я трепещу.

Киваю. Пока мы смотрим друг на друга, не отрываясь, обнимаю его за шею и притягиваю к своему лицу, а второй рукой медленно потираю его эрекцию. Ткань его брюк движется под ладонью, и между ног у меня становится мокро. Да. Я тоже его хочу. Безумно.

— Отведи меня в спальню, Лоренс.

В его зеленых глазах вспыхивает свет, пламя... жизнь.

— Твои родители идиоты. Я замечаю тебя. Я вижу, кто ты. И пока этого достаточно.

Взгляд Лоренса неподвижен. Костяшками пальцев он очерчивает контур моего лица, спускаясь по изгибу скулы к губам. Удовлетворенно кивает. На мужественном лице появляется обольстительная улыбка. Не говоря ни слова, он помогает мне встать и по длинным белым коридорам ведет за собой в спальню. Мы проходим мимо абстрактных картин, современной скульптуры, китайских ваз с белыми орхидеями на антикварного вида столиках. Единственный звук в тишине — цоканье моих каблуков.

У меня вспотевают ладони.

Пульс зашкаливает.

Вот и все.

Но у самой спальни на меня обрушивается одно, казалось бы, уже далекое воспоминание, и в ушах громко и отчетливо звучит голос Ронана...

«Почему именно я, Ронан?» — «Потому что, глядя на тебя, я вижу все, чего я хочу. Все, что мне нужно.»

В груди все сжимается, но я не позволяю мыслям о Ронане сорвать то, что вот-вот произойдет, я запрятаваю их глубоко-глубоко и закрываю на замок. Я здесь для того, чтобы переспать с другим. После чего смогу наконец отодвинуть Ронана в прошлое — где ему и место.

В спальне Лоренса царит идеальный порядок. Вещи не валяются кучками по углам, нет их и на коричневом кожаном кресле возле окна. В центре комнаты стоит большая и удобная с виду кровать, застеленная бельем серебристо-стального цвета. Я оглядываюсь, изучая детали обстановки — слева зеркало в золоченой раме, на темно-серых стенах картины, — и замечаю на тумбочке у кровати открытую книгу.

Отойдя от двери, я осторожно ступаю по комнате, цепляя кончиками пальцев прохладную, матовую поверхность мебели из дерева цвета эспрессо. Перебираю складки тяжелых черных штор.

Заинтересовавшись его книжными вкусами, подхожу к тумбочке, но не успеваю перевернуть книгу, как он цитирует строчку о весне и диких вишнях в лесу, которую и я знаю наизусть.

Пока приятное удивление оседает, я оборачиваюсь и улыбаюсь — впервые после того, как мы ушли из кабинета. Он стоит, лениво подперев плечом гардероб, и, поглядывая на меня сквозь полумрак спальни своими яркими глазами, потирает грудь — такими размеренными движениями, словно ласкает свой член.

— Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния. Пабло Неруда. Один из любимых моих поэтов.

Он с улыбкой кивает.

— Да ты, оказывается, ценитель поэзии. Вот уж не ожидал.

Яжимаю плечами, стараясь держаться небрежно.

— Поскольку я росла в одиночестве, друзей мне заменяли книги. Ну, а поэзия... поэзия помогла мне понять себя.

Пока я поправляю волосы, Лоренс быстро пересекает комнату. Склоняется и берет мое лицо в ладони, его движения властные, уверенные, и мне это нравится.

— Я наговорился, Блэр. Вставай на колени.

Когда наши взгляды сталкиваются, нас вжимает друг в друга силой взаимного притяжения, и результат — ослепляющий, разрушительный, точно взрыв. В нашей битве не может быть победителя, нам обоим слишком нравится эта игра. Я падаю перед ним на колени. Задрвав голову, смотрю, как он расправляет ремень, расстегивает верхнюю пуговицу и медленно ведет молнию вниз. Высвободив возбужденный член, он несколько раз проводит по нему рукой, предоставляя мне возможность оценить истинный размер и красоту своей внушительной эрекции.

У меня во рту скапливается слюна.

Кровь, спутывая мысли, бьет в голову.

Щекам горячо, между ног пульсирует жизнь, желание.

— Открывай. Шире. — Он ловит меня за подбородок и, приподняв его, ласкает мою нижнюю губу. — Сейчас я трахну тебя в рот.

Он отдает приказ, но момент контролирую я. Я сама ловлю его член и обеими руками ласкаю по всей длине, после чего, подавшись вперед, засасываю в рот. Мой язык долго движется по пульсирующим венам. Лоренс закрывает глаза, стоит моим губам обхватить его горячую гладкую плоть, лицо становится таким, словно он умирает восхитительной смертью. Я вытягиваю его наружу и, пока облизываю головку, собирая капли солоноватого семени, слышу, как из глубины его нутра исторгается стон.

Этот звериный рык сводит меня с ума. От него я вспыхиваю, как от спички, меня переполняет бесстыжее, разнузданное желание. Колени горят, я лезу в трусики и начинаю тереть себя, размазывая по набухшему клитору свою влагу. Дуря от наслаждения, вталкиваю его член так глубоко, что касаюсь губами яиц.

Лоренс снимает пиджак, отбрасывает его на пол, следом летят сорочка и галстук. Впившись в меня глазами, он смотрит, как я трахаю себя пальцами, пока самозабвенно сосу его, как леденец.

— Черт, Блэр.

Он накручивает мои волосы на ладони, толкается все жестче и жестче. Приподняв бедра, заводит член до упора, трахая меня в рот, овладевая моим ртом, и я принимаю его. Я принимаю его, пока не начинаю давиться, и только тогда, тяжело дыша, вытаскиваю. Вытерев подбородок, я насмешничаю, водя по его члену кончиком языка:

— И это все, на что ты способен, Лоренс? Перестань быть гребаным джентльменом. Сделай так, чтобы я захотела трахнуться с тобой, как животное. Используй меня.

— Фак, — рычит он. — Все, достаточно!

Он помогает мне встать, после моего рта его член влажно блестит. Теперь, познав его солоновато-мускусную сладость, я хочу его еще сильнее.

Мне нужно ощутить его внутри, и я тянусь к нему.

— Хватит глазеть. Трахни меня.

Он останавливает мои руки на полпути.

— Нет. Сними сначала вот это, — приказывает отрывисто, пальцем лаская прикрывающую мои плечи ткань. — Покажи мне себя.

Едва его просьба проникает мне в уши, как волоски у меня руках встают дыбом. Завороженная пылающим в его глазах ярким инферно, я стягиваю платье с плеч. Чувствую, как оно соскальзывает на пол, и остаюсь перед его оценивающим взором полностью обнаженной, в одних маленьких кружевных стрингах. Он начинает ласкать себя у меня на глазах, восхищенно рассматривая мое тело.

Впрочем, восхищен не он один.

Пока он себя надрачивает, я впитываю его неумолимую красоту. Если в костюме Лоренс казался мне совершенством, то обнаженный он поистине великолепен. Сильные, широкие плечи, способные удержать на себе мир. Безупречно развитые мускулы — ему не составит труда отыметь меня у стены, подхватив за бедра. Кожа цвета меда. И прекрасный член.

Лоренс — олицетворение мужественности.

Он описывает круг, любясь мной, как произведением искусства, затем командует:

— Нагнись над кроватью и широко раздвинь ноги, Блэр.

Я выполняю. Иду к кровати, наклоняюсь, положив ладони на холодные простыни, и в ожидании его следующих действий устремляю взгляд на городские огни за окном.

Похоть, предвкушение потоками лавы омывают меня изнутри. Я вся горю. И наконец чувствую за спиной прикосновение его обнаженного торса и шепот:

— Не двигайся.

Но я не слушаюсь. Я оборачиваюсь и успеваю поймать момент, когда он оттягивает тонкую полоску черного кружева вбок и начинает вести головкой члена вдоль моего влажного естества.

— Почувствуй, как сильно я хочу тебя, — говорит он грубо, втирая свою эрекцию меж моих ягодиц.

Я стону, вцепившись в одеяло.

Неожиданно он стягивает мои стринги до пола. Швыряет их в сторону, встает позади меня на колени и ведет ладонями по ногам. Эта божественная ласка обжигает. Она бросает меня в дрожь, в самый эпицентр разрушительного землетресения.

— Лоренс, пожалуйста...

Он толкает меня вперед, так что я падаю на кровать. Руки накрывают мою задницу, раздвигают ягодицы, а потом я чувствую прикосновение его языка. Он лижет мой клитор, он двигается во мне... посасывая... похлопывая... трахая мою щель, жадно, точно ест и не может насытиться, и у меня сносит крышу.

Поддернув меня поближе, он зарывается в мою промежность лицом, и пытка продолжается. Краем глаза я вижу, что свободной рукой он яростно натирает свой член — лихорадочное мельтешение запястья гипнотизирует.

Быстрее...

Еще быстрее...

Сильнее...

Подводя нас обоих все ближе к разрядке. Наконец он отпускает меня, встает и облизывает поблескивающие моим желанием губы, затем тыльной стороной руки вытирает рот.

— Повернись на спину, — приказывает он, грудь тяжело вздымается.

Тяжело дыша, я ложусь на кровать, не упуская голодной вспышки в его взгляде, когда он упирается в мою грудь. Он накрывает меня своим телом и целует. Наши языки агрессивно сплетаются, я ощущаю привкус своего тела, но самое мощное ощущение — это он. Его вкус. Его запах.

Он обрывает поцелуй.

Сдавливает мои груди в ладонях, больно щиплет соски и рычит, покрывая мою шею поцелуями:

— Сейчас я трахну тебя, Блэр. Трахну так жестко и хорошо, что ты напрочь забудешь о нашей сделке, о моих деньгах. Тебе станет нужен только мой член. Ты захочешь только меня.

Я впиваюсь взглядом в его лицо, ловлю его член и подвожу к бедрам. Мои руки слегка дрожат от возбуждения.

— Я хочу тебя, Лоренс. — Вожу по себе его членом, увлажняя головку о промежность. — Очень.

— Не так сильно, как я тебя.

Склонив голову, он начинает сосать и теревить зубами мои соски, пока они не становятся невероятно чувствительными. Я знаю, он не настолько невозмутим, каким хочет казаться. Судя по стекающим со лба капелькам пота, по тому, как крепко сжимаются его челюсти, пока я глажу себя его членом, он вот-вот перестанет владеть собой.

Я отпускаю его и, обхватив за шею, притягиваю к себе, к своему рту, и шепчу:

— Возьми меня, Лоренс. Я хочу почувствовать тебя внутри.

— Надеюсь, ты выдержишь, милая, поскольку я намерен брать тебя, пока не сломаю.

И в этот момент он теряет контроль окончательно.

Встает, хватая меня за бедра и подтягивает к краю кровати. Трет своим членом мой клитор, глядя, как он влажнеет, а потом вталкивается до конца таким мощным и сильным движением, что меня отбрасывает назад. Я чертыхаюсь под его напором, мои глаза закатываются к потолку.

Он выпрямляет мои ноги и, взявшись за лодыжки, разводит их максимально широко... и начинает вытрахивать из меня мозги. Серые простыни, комната, дом, весь окружающий мир, все это вмиг забыто. Теряясь друг в друге, мы уносимся в никуда.

Я смотрю, приподнявшись на локтях, как ходит во мне его поблескивающий член... быстро и жестко... едва выдергивая головку, он тотчас снова вторгается внутрь, агрессивными и мощными ударами бедер отталкивая меня все дальше от края. Я чувствую его повсюду. Снаружи. Внутри. Я вся до последнего нерва охвачена примитивным желанием брать, брать, брать, пока не брызнет через край.

Я всхлипываю.

Стону.

Мне больно, но это изумительно приятная боль.

Я смотрю на него, пока он меня вспахивает, и вижу, как он отпускает одну мою ногу и ставит ее ступней на свою твердую, скользкую от пота грудь. Смачивает слюной два пальца и вводит внутрь. Я вскрикиваю, мне туго, а он уже двигает пальцами наравне с членом, растягивая меня, пока боль не превращается в невыносимое удовольствие. Пока он не завладевает мной целиком.

— Боже, Блэр... ты такая...

Из меня рвутся стоны, голова кружится от чувственного безумия происходящего. Это больно. Это прекрасно. Это порочно. Слившись телами, мы проживаем вместе каждый поцелуй, каждую ласку, каждое прикосновение, каждую каплю пота, пока у нас не кончатся силы терпеть.

— Лоренс... не останавливайся... Я... я...

Я не успеваю договорить, потому что внезапно он впивается в мой рот поцелуем столь же безжалостно, как трахает меня, и я кончаю. С мощью столкнувшихся на полной скорости планет оргазм стирает все мои слова, мысли, ощущения — все, кроме толчками

исторгающегося из меня экстаза.

Лоренс отпускает мои ноги. Ругнувшись, больно хватает за бедра и, притянув к себе, начинает дико и безудержно рваться к своей вершине. Я обвиваю ногами его талию, впиваюсь в спину ногтями и с силой кусаю плечо, пока он долбит меня, не зная пощады. Наши тела сплошь покрывает пот; комната пропахла сексом.

Я стону.

Он чертыхается.

Когда подступает оргазм, он резко выдергивает член и в то же мгновение с мощным звериным стоном заливает семенем мой живот. С закрытыми глазами он далеко запрокидывает голову и помогает себе рукой, пока не выжимает на меня все до последней капли. Когда через несколько тягучих секунд наше дыхание успокаивается, он открывает глаза и переводит взгляд на меня.

И то, что я вижу, меня изумляет.

Озабоченно хмурясь, он накрывает мое тело своим, ставит локти по бокам моей головы. Отводит с лица слипшиеся от пота волосы и спрашивает:

— Больно было?

Я улыбаюсь, качаю головой.

— Нет, но... — Стираю с живота немного его семени. Подношу пальцы к губам, обсасываю и добавляю: — Но ты заставил меня забыть обо всех своих банковских счетах.

Он стонет, глядя, как я слизываю с губ его сперму.

— Ты чистая смерть... вот, что ты, нахер, такое.

И его рот снова накрывает мой в поцелуе.

Голая, я лежу на животе. После ночи непрерывного секса меня клонит в сон. Мягкая подушка приглашает заснуть, и я почти соглашаюсь, когда Лоренс мягко целует меня между лопаток. Мои саднящие губы растягиваются в ленивой улыбке, пока я вспоминаю, все, что вытворял со мной ночью его распутный рот.

— Доброе утро, — слышу около уха его голос. Мои ноздри наполняются свежим ароматом дорогого лосьона после бритья, он замещает запах пота и секса, витающий в воздухе и прилипший к моей коже и простыням.

Перевернувшись, я открываю глаза. Лоренс уже принял душ и оделся перед работой. Я не упускаю возможности полюбоваться его красотой. На нем темно-синий костюм с простой, но элегантной белой сорочкой и галстук Hermes с невероятно милым принтом. Я ловлю его край и сминаю мягкий шелк.

— Пингвины, Лоренс?

Он усмехается.

— Традиция, моя милая.

— Только ты способен надеть такой галстук и все равно выглядеть лихо. — Я запускаю пальцы в его мягкие волосы и притягиваю к себе. — Поцелуй меня.

— Еще? Разве после этой ночи ты не удовлетворена? — Он улыбается.

Я качаю головой.

— Не-а... Хочу тебя снова, — говорю и кусаю его за нижнюю губу.

— Ненасытная жадина.

Чувствую между бедер его руку. Его зрачки расширяются, в них появляется что-то темное, что-то завораживающее, пока он смотрит, как я развожу ноги.

— И всегда готовая для меня. — Он медленно вставляет в меня пальцы один, два, три раза и, выйдя, проводит ими от плеча до плеча, оставляя на мне влажный след. — Увы, Блэр, но прямо сейчас я не могу. Через час у меня важная встреча, которую нельзя отменить.

— Ну и ладно. — С надутым видом я растягиваюсь на кровати. Подложив одну руку под голову, второй неспешно спускаюсь от ложбинки между грудей к промежности и бесстыдно выставляю себя напоказ... дразня... провоцируя его. — Я думала, вдруг тебе захочется оправдать свои инвестиции.

Проигнорировав мой непристойный комментарий, Лоренс наклоняется и целует меня под левой грудью.

— Я причинил тебе боль.

Скосив глаза вниз, я замечаю там, где он целовал меня, след от укуса — красный синяк, уже наливающийся фиолетовым. Облизываю губы, пристально на него глядя.

— Ну и что... Мне понравилась эта ночь. Думала, и тебе тоже.

— Эта ночь была верхом совершенства, Блэр. — Он мягко гладит меня по щеке. — Но мне следует быть с тобой более осторожным.

— Зачем? Не надо! Лоренс, мне понравилось абсолютно все, что ты со мной делал.

Я вспоминаю второй наш секс, когда он яростно взял меня сзади. Он был беспощаден так же, как я неуступчива. Он брал. Я давала. Он кусал. Я вытягивала из него кровь.

— Есть в тебе нечто такое, отчего я теряю голову. Теряю самоконтроль. И мне это не нравится.

— Ну а мне наоборот.

Он бросает взгляд на часы около металлической лампы.

— Мне пора, не то опоздаю. И, пока не забыл, если что — звони Джине. Ее проинструктировали выполнять все твои указания.

Я перекатываюсь к краю постели, встаю и собираю свои разбросанные по полу вещи. Утопая босыми ступнями в ворсе ковра, пересекаю комнату и нахожу лифчик. Надеваю его, обернувшись к Лоренсу.

— Должна сказать, из-за тебя мне чрезвычайно трудно помнить, что меня тут, вообще-то, сексуально эксплуатируют.

Он приподнимает бровь, на лице появляется слабая улыбка.

— Неужели?

— Ага. Трахаешься ты так же отлично, как выглядишь.

Он издает смешок.

— Твоя прямота, Блэр, как глоток свежего воздуха, хотя иногда ты и...

— Перебарщиваю? — подсказываю я, вспоминая, как он играл с моим телом.

Я не испытываю к нему никаких чувств — это факт. Я не люблю его самого, однако после сегодняшней ночи смело могу заявить: я люблю с ним трахаться. Я люблю его руки, его поцелуи. Его член. Лоренс размалывает, уничтожает меня, погружает во мрак. С ним я не чувствую ничего, кроме незамутненного, эгоистичного экстаза. А еще он помогает мне забывать...

— Может, меня стоит хорошенько отшлепать? Впрочем, нет... мы же не хотим, чтобы ты потянул мышцу, — дразнюсь я, прекрасно зная, что Лоренс в расцвете сил — и физических, и сексуальных.

Он становится напротив.

— Признаться, я глубоко тронут твоей заботой о моем здоровье. — Его улыбающиеся глаза искрятся весельем, пока с языка слетает сарказм. — Со мной такое впервые.

Я подхожу так близко, что упираюсь кончиками грудей в его торс. Тянусь к его губам, а руку кладу на ширинку брюк.

— Бедненький Лоренс, — воркую ему в шею. — С тобой лучше быть понежнее... А если я пообещаю очень-очень хорошо о тебе позаботиться? В особенности о твоём... — я делаю паузу и чуть-чуть отклоняюсь назад, чтобы видеть выражение его лица, пока я очень нежно ласкаю через ткань его член, — ...здоровье?

Не говоря ни слова, он берет меня за запястье. Мы стоим неподвижно, утренние секунды улетают прочь. Я остро чувствую его прикосновение. На мгновение мне кажется, что сейчас он бесцеремонно отбросит мою руку, однако он к моему удивлению подносит ее к своему улыбающемуся рту и прикладывается к середине ладони мягким поцелуем.

— Ну что мне с тобой делать, маленькая шалунья?

Фыркаю.

— Баловать, разумеется.

— Да, кстати...

Он вытягивает из внутреннего кармана пиджака длинный красный футляр с золотым замочком. «Картье». Стоит представить, что лежит внутри, как пульс у меня подскакивает. Я поднимаю горящие глаза на Лоренса. Он внимательно за мной наблюдает — изучая, анализируя. На секунду я смущаюсь того, с какой откровенностью вожделею его подарок, но потом вспоминаю, почему я здесь, и мимолетная стыдливость исчезает. Зардевшись, будто

какая-то девственница, я, однако, надеюсь, что Лоренс видит на моем лице алчность — на случай, если у него есть заблуждения по поводу моих истинных чувств к нему.

Он открывает подарок. На ложе из белого атласа лежит сверкающее ожерелье. Достав его, Лоренс небрежно роняет футляр на пол и, пристально глядя на меня, спрашивает:

— Ты позволишь?

Киваю и, прикусив губу, рассматриваю бриллианты на тонкой витой цепочке из белого золота. Украшение прелестно, но я, как всегда, отмечаю сходство этого холодного, безжизненного предмета с собой. Дорогое, на вид — само совершенство, а на самом деле?

Едва Лоренс оборачивает ожерельем мою шею, я испытываю желание сорвать его — такое жгучее, словно по коже поползла аллергическая реакция на металл. Золотая цепочка кажется мне кандалами, которыми Лоренс приковывает меня к себе, я порываюсь поблагодарить его и снять ожерелье, но, увидев, как он на меня смотрит, не решаюсь.

— Что? Тебе не нравится? — спрашивает он, хмуря брови.

В голове мелькает воспоминание о часах Hello Kitty, о том, что они значили для меня — больше, чем все ожерелья на свете. Но я немедленно его прогоняю. Это воспоминание принадлежит прошлому, там оно и останется.

Выдавив улыбку, я прикладываю ладонь к основанию шеи.

— Оно прекрасно. Я могла бы сказать, что необязательно покупать мне столь дорогие вещи, но врать не хочу, и потому... спасибо.

Привстаю на цыпочки и целую его в щеку. Его ладони моментально ложатся на мои обнаженные бедра и крепко их сдавливают.

— Если будешь благодарить меня так всякий раз, получая подарки, у меня не останется другого выбора, кроме как на самом деле избаловать тебя.

— Только не сломай себе что-нибудь, — шучу я.

— И еще одно.

Отпустив меня, Лоренс уходит к тумбочке. Заинтригованная, я наблюдаю за тем, как он поднимает с гладкой деревянной поверхности белый конверт, возвращается и передает его мне.

— Вот.

Изогнув бровь, беру, открываю... и впиваюсь взглядом в черную кредитку со своим именем. Как любая золотоискательница, я знаю, что этот маленький кусочек пластика — Библия среди кредитных карт. Она безлимитная, а такие доступны только очень состоятельным людям. С нею можно купить даже «Феррари» — никто и бровью не поведет.

Я поднимаю голову, наши глаза встречаются.

— Неужели мне удалось-таки тебя поразить? — интересуется Лоренс со смехом.

— Спрашиваешь!..

— Пройдись по магазинам и полностью обнови гардероб. Туфли, сумочки... купи все, что пожелаешь. Я не хочу видеть на тебе вещи, оплаченные другими мужчинами. Поняла?

— Уверен? У меня, знаешь ли, весьма недешевый вкус, Лоренс.

Он целует мой рот коротким, но захватывающим дух поцелуем.

— Уверен. Не смотри на цены. Сколько бы оно ни стоило, Блэр, я могу это себе позволить.

Я шутливо беру под козырек.

— Слушаюсь, капитан.

Неожиданно он шлепает меня по заднице, глаза игриво поблескивают.

— И еще. — Он тянет за ниточку моих стрингов.

— Да?

— В своей постели я хочу иметь тебя голой. Ты, я — и ничего больше, так что впредь эту ерунду не носи. Тебе ясно?

Вы когда-нибудь смотрели на пламя горящей свечи? На плавные колебания огонька, который, танцуя в воздухе, гипнотизирует своей красотой. Отвернуться, отвести взгляд невозможно. Вот так я чувствую себя в эту минуту с Лоренсом. Его глаза притягивают меня, прожигают насквозь, оставляя горящий след.

С пересохшим ртом я киваю.

— Мы увидимся вечером?

Едва спросив, я понимаю, что хочу поскорее увидеть его снова.

Лоренс качает головой.

— Завтра. Сегодня у меня... деловой ужин из тех, что нельзя пропускать.

Я пожимаю плечом, притворяясь, что его отказ не задел меня. Что я не почувала за его отговоркой ложь.

— Хорошо... Можно один вопрос, пока ты не ушел?

— Да.

— Когда мы не вместе, нам разрешено или нет встречаться с кем-то еще? Я, понятно, ничего такого не планирую, просто хочется ясности на этот счет, — говорю, вспоминая Уолкера и то, как он меня огорошил.

— Блэр, мы трахаемся, и, надеюсь, нам хорошо вместе. Чем ты занимаешься в свободное время — меня не колышет. И, соответственно, наоборот.

***

После того, как мы целуемся на прощанье, я ухожу в ванную. Надо бы принять душ, но в отсутствие Лоренса я — не без оснований — чувствую себя так, словно залезла в чужой дом, и мне хочется поскорее уехать. Пока я чищу зубы новой зубной щеткой, которую оставила мне его домработница, мой взгляд падает на ожерелье, и оно напоминает мне о разговоре после нашего первого секса...

Мы лежим, раскинувшись нагишом на кровати, и потягиваем из одного бокала красное вино. В какой-то момент он спрашивает:

— Ты всегда спишь с мужчинами только за деньги?

— И да, и нет. Обычно я с ними встречаюсь. Бывает, подолгу. С Уолкером — помнишь парня, с которым ты видел меня в музее? — кажется, дольше всех.

— Зачем тебе деньги? Какие-то долги? Поэтому?

— Да нет. Просто они мне нравятся. — Я улыбаюсь, разглаживая ладонями прохладный шелк простыней.

— Ясно. Значит, благородной причины трахаться с мужчинами, вроде меня, и торговать своим телом у тебя нет, — с иронией говорит он.

— Не-а. Я трахаюсь с тобой, потому что мне нравится, сколько ты мне платишь.

Поставив бокал на тумбочку, Лоренс целует меня в подбородок, потом шлепает по заднице и усаживается спиной к изголовью.

— Тогда давай проверим, не напрасно ли я потратился.

По-кошачьи потягиваясь, я подглядываю краешком глаза, как он ласкает свой член.

Потом становлюсь на колени, сажусь на него верхом, и вместе мы смотрим, как его эрекция медленно проникает в меня... как головка раскрывает меня при вторжении... и легко проталкивается внутрь по смеси предыдущего и нового возбуждения. Когда он наполняет меня до упора, я выдыхаю, взявшись за изголовье:

— Да. Давай.

...Прополоскав рот, я смотрюсь в зеркало. В отражении — амбициозная девушка с чуть раскосыми синими глазами и черной гривой волос, которая ради достижения своих целей готова на все.

На все ли?

И что это за цели? Счастье? Богатство?

Уставившись на свое отражение, я гадаю, известно ли мне, за чем я гонюсь. Вид у меня потерянный. Потерянный, зато довольный — подсказывает моя внутренняя сучка и требует, чтобы я еще раз осмотрелась. Для особняка в центре города дом огромен. Еще она напоминает, что Ронан никогда не сможет дать мне ничего подобного. Я хочу заплакать, но не в состоянии выжать из себя ни слезы. И это хорошо. Пусть плачут те, кто сожалеет о своих поступках.

Я — не жалею.

Жизнь — это спектакль, в котором наготу моей души прикрывает ложь.

И меня это устраивает, ведь в этом спектакле до конца доживает лишь тот, кто умеет приспособливаться.

Лоренс предлагает вызвать одного из своих водителей, чтобы меня отвезли домой, но я вежливо отказываюсь. Мне нужно побыть в одиночестве, чтобы переварить все то, что произошло в последние двадцать четыре часа, и меньше всего мне хочется ловить на себе осуждающий взгляд человека, осведомленного, что я всю ночь занималась сексом с его боссом. Не то чтобы я думала, что Тони меня осудит, или мне было бы не все равно, просто... не сейчас.

Пока лифт поднимается на этаж, мне не терпится поскорее оказаться дома. Раздеться, постоять под горячим душем, а после расслабиться за книжкой или вздремнуть. Но как только я выхожу из лифта, становится ясно, что этим планам сбыться не суждено.

У двери моей квартиры Ронан. Сидит, прислонившись к стене, и ждет меня. Когда наши глаза встречаются, я понимаю: вот и пришло время держать ответ.

Иду ему навстречу. Он встает. С сердито бьющимся сердцем я игнорирую свою реакцию на него, этот знакомый зуд в пальцах, которым хочется запутаться в растрепанных золотисто-каштановых волосах, обрамляющих его по-мальчишески красивое лицо. Слушай голову, а не сердце, Блэр. Однако, преодолевая разделяющее нас расстояние, я чувствую, как меня начинает душить боль.

— Вот так просто, да? Все кончено — и никаких объяснений, кроме гребаной смс?

Я вызывающе вздергиваю подбородок.

— Я подумала, так будет лучше. Ненавижу сцены.

— Не-а, все не так, Блэр, и ты это знаешь. Просто я подобрался слишком близко, со мной ты впервые почувствовала нечто настоящее, вот и сбежала при первом удобном случае.

— Не льсти себе, — говорю медленно. — Мы просто трахались. И все.

Он мотает головой.

— Чушь. А ты — долбаная трусиха, которая трясется от страха, лишь бы никого к себе не подпустить. Поэтому ты выставила меня вон вместо того, чтобы разобраться со своими чувствами по-взрослому.

От правды больно, и во мне мигом вскипает гнев. Самое смешное, я знаю, что он имеет полное право на меня злиться за то, как я с ним обошлась, но ничего поделать с собой не могу. Стерву лучше не дразнить красной тряпкой. В ответ она способна не просто ранить, но растоптать.

— Ой. Ты что, надеешься задеть меня за живое? Бедняжка Ронан... Похоже, из-за меня тебе и правда хреново, но я ведь предупреждала со мной не связываться. Я сразу сказала, что не гожусь для тебя.

— Да, похоже, я облажался. Думал, за твоим безупречным фасадом есть что-то настоящее, то, что мне нужно, то, чего я хочу всей душой. Теперь я вижу, что ошибался. Ни хера там нет.

— Ты видел то, что придумал себе сам, Ронан. Я никогда перед тобой не притворялась, — напоминаю ему, а сама чуть не плачу, вспоминая, как он смотрел на меня — как ни один мужчина в моей жизни.

— Как можно быть такой красивой и такой бессердечной?

Я издаю горький смешок.

— А вот так. У меня нет сердца. Я убила его. Нам не дано быть вместе, так что выкини

нахер эту идею из головы. Не переживай. Через пару недель ты меня забудешь.

— Забуду тебя? Что ты такое говоришь? — Он запускает руки в волосы, тянет за кончики. — С тех пор, как мы встретились, и дня не проходит, чтобы я о тебе не подумал. Все во мне кричит, болит без тебя, тянется к тебе.

И тут я срываюсь.

— Замолчи! Замолчи! Замолчи!

Поддавшись минутной слабости, я представляю, что будет, если покончить с Лоренсом и попросить Ронана простить меня и дать второй шанс. Да ничего хорошего.

Господи, какая же я дура.

Ясно же, во что оно выльется. Если я откроюсь ему, он одним поцелуем сокрушит мою оборону, и тогда мне конец. Я влюблюсь в него до безумия. Я поверю в то, что у нас есть будущее. Начну думать, что обрела то, что искала всю свою жизнь. Но однажды наступит тот день, когда он посмотрит на меня и ничего не почувствует. Ничего. Свет уйдет из его глаз. Все, что раньше казалось ему прекрасным, станет обыденным. Он осознает, что все это время за красивым фасадом пряталась ничтожная дрянь, и бросит меня, как все остальные. А может это я не выдержу первой. Например, заскучаю с ним — как моя мать с отцом. Или захочу сумочку Chanel, которая окажется ему не по карману — в отличие от кого-нибудь вроде Лоренса. Итог в любом случае будет одинаков и только докажет, насколько я недостойна любви.

Взгляд Ронана впервые смягчается.

— Блэр, не делай этого. Не отказывайся от нас.

— Ты слеп, Ронан, — бормочу я сквозь зубы дрожащим голосом.

— Нет, Блэр. Это ты слепая. Дай мне шанс показать тебе, что я вижу. Дай шанс доказать, что нас связывает нечто особенное.

Пока мы смотрим друг на друга, мою душу и сердце опять начинает разъедать гнев. Его добрые, но острые, как зазубренный нож, слова сделали мне больно. Он сказал правду, жестокую правду, но такова извращенная природа честности. Безболезненной она не бывает.

Я делаю несколько шагов ему навстречу.

Остановившись напротив, замечаю, что Ронан глядит на меня с опаской. Хорошо. Повод для беспокойства у него действительно есть. В моих венах пульсирует адреналин. От кондиционера веет холодком, но меня лихорадит. То, что я готовлюсь сделать, нельзя расценить, как нечто спонтанное. Нет. Все просчитано. Я осознанно собираюсь причинить Ронану боль. Показать, что ситуацией управляю я, а не он. Показать наглядно, какая я дрянь, чтобы раз и навсегда разрушить его возвышенное, но искаженное представление обо мне. Он думает, я слепая? Нет, это он слепой. И сейчас я покажу, насколько.

Я одариваю его самой ослепительной из своих улыбок — той, что заставляет взрослых мужчин терять головы и забывать обо всем, кроме желания засунуть в меня член. Вжимаюсь в него, на задницу сразу ложатся его ладони. Наши тела сливаются; я трюсь о его бедра и чувствую, как он набухает, как я сама мгновенно воспламеняюсь.

Кладу руки ему на плечи, тянусь вверх, пока меж нашими губами не остается всего дюйм. Вдыхаю древесный запах его одеколona, слышу тепло его дыхания на губах, вижу на переносице золотистую россыпь веснушек. И самое главное: чувствую, как наше влечение друг к другу обволакивает все пространство пустого коридора.

— Ты говоришь, я слепая, Ронан, но это не так. Я отлично знаю, кто я. А вот ты упорно отказываешься это понять.

И с этими словами я целую его. Жестким поцелуем, которым хочу наказать, поставить его на колени, и поначалу это неплохо мне удается. Наши языки сталкиваются в борьбе за власть. Но как только Ронан отпускает мой зад и ласково берет мои щеки в ладони, я проигрываю. Это он наказывает меня — своей нежностью.

Своей страстью.

Своей красотой.

Своими поцелуями, полными света.

Он прерывает поцелуй первым. Откидывается назад, ладони дрожат от желания и отчаяния.

— Разве ты не чувствуешь, Блэр? Это притяжение между нами, оно не временное. Оно никуда не денется, и ты это знаешь. Ты можешь рассказывать сказки своей голове и даже им верить, но тебе не обмануть свое сердце. Оно всегда знает правду. А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что тебе на меня наплевать. Что ты на самом деле хочешь выгнать меня из своей жизни. Тогда я уйду и никогда больше тебя не побеспокою.

Я молча трясую головой, но он упорствует.

— Скажи мне, чего ты так сильно боишься?

Нет.

— Скажи, Блэр.

Я с усилием отталкиваю его руки, пытаюсь проглотить выросший в горле тугой ком. На языке трепещет ложь, но в глазах Ронана светится такая искренность, которая мешает мне его обмануть.

— Тебя, доволен? Тебя! Меня пипец как пугает то, что я чувствую, то, чего начинаю хотеть рядом с тобой. — Мой голос ломается.

— Не надо... Не надо меня бояться.

— Ох, Ронан, ну когда ты поймешь?

— Никогда.

Под его взглядом я касаюсь своих губ, на них еще горит призрак его поцелуя. Его слова резонируют глубоко внутри, с каждой секундой разрушая мою решимость, и в конце концов я ловлю себя на желании им поверить. Словно Гамельнский крысолов и его дудочка, он искушает меня вернуться в точку невозврата. Но я не позволю. Я не могу.

— Неважно. Хочешь узнать обо мне кое-что интересное, Ронан? — спрашиваю, снова приближаясь к нему вплотную.

Он ловит меня за бедра, пальцы больно, до вмятин впиваются в мою плоть. Я целую его шею, а после шепчу:

— Всю прошлую ночь я трахалась с другим. — Целую кадык, он дергается под моими губами. — И не по любви. — Целую за левым ухом, позволив себе лизнуть солоноватую от пота кожу. — Я до сих пор чувствую, как он во мне двигался... на моем языке остался его вкус... ну как, хороший я человек? — Хватаю его за руку и, поместив ее между ног, начинаю тереть себя его пальцами, чувствуя сквозь кружево белья их тепло. — А если я скажу, что и тебе можно иметь меня всю ночь — при условии, если ты сможешь себе это позволить?

Он с силой отталкивает меня, наши руки разъединяются.

— Хватит, Блэр... Хватит.

Я не слушаю, продолжаю. Я хочу открыть ему глаза и развенчать все его иллюзии, чтобы он раз и навсегда понял, кто я на самом деле.

Чудовище.

— Я трахаюсь за деньги, ясно? — Его челюсть напрягается, и я испытываю болезненную радость. Значит, мне удалось-таки его зацепить. — И, откровенно говоря, не похоже, что ты потянешь мой ценник. А теперь, Ронан, спрошу снова. Я тебе нравлюсь? Ты все еще считаешь меня особенной? Все еще думаешь, будто я слепая? А то лично мне кажется, что слепец из нас двоих — ты.

Все. Надеюсь, этим я его заткнула.

Внутри я чувствую себя трупом. Но если бы жизнь во мне еще теплилась, с нею окончательно расправился бы его взгляд. Мне хочется трусливо зажмуриться, чтобы не видеть его осуждение, но я не могу. Когда мужчина на твоих глазах теряет голову от ярости... от ненависти, в этом зрелище есть нечто величественное и извращенно-притягательное. Невозможно отвести взор, даже рискуя оказаться под обломками его гнева.

Между нами безграничным океаном растекается молчание. Мы стоим друг напротив друга, почти соприкасаясь телами, но теперь это расстояние все равно, что пропасть.

— Я забираю свои слова назад. Все до единого. — Он обводит меня взглядом. Речь до последнего слога пропитана отвращением. — Ты их не стоишь.

Мне не хватает дыхания. Ладони вспотели. Внутри бушует желание, ярость и боль.

— Рада, что до тебя наконец-то дошло. — На этом я открываю замок, захожу в квартиру и, хлопнув дверь, окончательно изгоняю Ронана из своей жизни.

***

Раздевшись догола, я становлюсь перед зеркалом и смотрю на свое отражение. Тыльной стороной руки стираю с истерзанных губ остатки помады, и на щеке остается рубиново-красный след. В моих глазах стоят непролитые слезы. Слова Ронана кружатся в голове, как вращающаяся дверь, парализуя меня. Что ж, по крайней мере, теперь он знает, что я за человек. Наконец-то он увидел меня моими глазами.

Я продолжаю смотреть в зеркало, не замечая тупую боль между ног. Я чудовище, но не с рождения. Это жизнь, которую я себе выбрала, сделала меня такой. И я не могу остановить себя. Не могу. Страдая, я отыгрываюсь на других. Чужая боль меня успокаивает.

Хочу заплакать, но не могу. Я ненавижу себя. Порочный круг повторяется.

Снова...

И снова...

И снова...

Лоренс.

Дожидаюсь назначенной встречи, я думаю о Блэр. Усмехаюсь. Она, конечно, ходячее противоречие, но, пожалуй, в этом, отчасти, и состоит ее очарование, этой девушки с умудренным не по годам взглядом и игривой улыбкой покорительницы мужских сердец. Сегодня утром, прежде чем встать, я несколько минут наблюдал за тем, как она спит. Мне хотелось прикоснуться к ней. Привлечь к себе, вдохнуть ее женский аромат. Разбудить и, быть может, овладеть ею еще раз. Но я не стал. Не стоит, подсказало мне что-то. Она не моя. И я удовлетворился тем, что, как влюбленный щенок, смотрел на нее, спящую в моей постели. Без тени мейкапа, с беспорядочно разметавшимися по подушке черными волосами, она выглядела такой юной и безмятежной. Почти невинной. Но потом мой взгляд опустился на ее алые от природы губы. Нет. Невинные девушки не отсасывают мужчине так, как она.

От одного воспоминания о ней у меня шевелится в штанах.

Но не ее тело влечет меня, а она сама. Меня влечет то, что она дает мне. Она помогает мне забывать. Она возвращает в мою жизнь смех, после стольких-то лет, и я, будто голодающий, никак не могу насытиться. Я хочу — мне необходимо — больше. И если ради этого придется платить за каждый ее поцелуй, за каждую ее улыбку и ласку — так тому и быть. Мне все равно. Она ведь прямо сказала, что деньги — это все, что ей от меня нужно.

Мне становится смешно оттого, что какая-то девчонка с томными синими глазами превращает меня в жалкого сукиного сына. Я тянусь к бокалу с вином и тут понимаю, что уже не один.

— Привет, Лори, — слышу я.

Кладу салфетку на стол, отодвигаю стул и встаю.

— Когда ты перестанешь так меня называть?

Наши глаза встречаются.

— Никогда, глупый.

Она улыбается, пока наклоняется и целует меня в щеку. В момент, когда ее губы касаются моей кожи, все те чувства, что преследовали меня и без малого десять лет были единственными моими товарищами, возвращаются в полном составе.

Бывает, мне кажется, что я наконец-то освободился от нее.

Но я знаю, что моя свобода — всего лишь иллюзия.

Надо прояснить одну вещь насчет того, что значит быть дорогой секс-игрушкой Лоренса. Лоренс не трахается и не занимается любовью.

Он совокупляется... как животное.

Грязно. Необузданно. Беспощадно.

Он — боль и наслаждение. Два в одном.

После первой ночи мы виделись еще дважды. Перед ним сложно устоять: с каждым разом я хочу его все сильнее. Я обожаю, как он доводит меня до беспамятства своим твердым, роскошным членом. Как его руки наказывают, а после боготворят меня. Как его язык...

Помилуй, боже, мою вагину.

Стоит подумать о нем, и мои щеки вспыхивают. Я не ханжа, поэтому не стыжусь того, насколько мне нравится, когда он меня использует. Ну а тот факт, что в это не вмешаны чувства, делает нашу связь еще слаще. Кому, скажите, не понравится яростный и злой секс без идиотских сюсюканий? И давайте не забывать о подарках, которые я нахожу на тумбочке после каждой проведенной на спине — или на коленях — ночи.

— Я почти все! — кричу, надеясь, что Лоренс меня слышит. Еще час назад мы должны были встретиться в его особняке на Парк-авеню, но он задержался на работе и, поскольку заехал по делам в Мидтаун, решил по пути домой забрать меня сам.

Когда он только зашел, я чуть не расхохоталась. Настолько занятно он — воплощенная суровая мужественность — выглядел в окружении моих легкомысленных девичьих вещичек. Он был похож на рыбу, вытащенную из воды. Улыбаюсь и, встряхнув головой, сосредотачиваюсь на насущном.

Где, блин, мои туфли?

Наконец инкрустированные стразами шпильки находятся под старой сумкой Louis Vuitton, которой я лет сто не пользовалась. Обувшись, я подхватываю подходящий к туфлям клатч и запикиваю туда деньги, блеск для губ и ключи.

— Все, я готова.

Я выплываю из спальни, надеясь, что ему понравится мое простое, но очень сексуальное черное платье. Оно соблазнительно облегает тело, подчеркивая талию, грудь и бедра, но, однако, я не смотрюсь в нем вульгарно или так, словно напрашиваюсь на трах.

Лоренс стоит, опустив голову, и набирает что-то на своем...

— О боже мой. Это что, «блэкберри»? Не знала, что этими древними штуками еще пользуются, — с недоверием говорю я.

Он перестает печатать и поднимает голову.

— Да, Блэр. Этими штуками еще... — Он замолкает. На лице появляется застывшее выражение. — ...пользуются.

Я иду к нему, довольная произведенным эффектом, и с легкой улыбкой наблюдаю, как его глаза темнеют от страсти, как они жадно, без тени стыда блуждают по моему лицу, грудям, бедрам. Его неприкрытое восхищение окрыляет меня, заставляет чувствовать себя испорченной, отчаянно-дерзкой. Ведь мной восхищается мужчина, который выглядит как ходячий оргазм.

Когда я подхожу к кушетке, он уже стоит.

— Что скажешь? Тебе нравится? — Кружусь перед ним нарочито медленно. Пускай налюбуется.

Неожиданно он ловит меня за талию и властно притягивает к себе. Даже на пятнадцатисантиметровых каблуках я его ниже; чтобы заглянуть в глаза, приходится запрокинуть голову. Воздух мгновенно становится гуще от похоти. Мне трудно дышать, я веду рукой по волосам, впервые за вечер занервничав, а Лоренс склоняется надо мной и сжимает мое лицо в ладонях.

— Нахальная девчонка. Скоро я покажу тебе, насколько мне это нравится. В постели.

Перед моими глазами проносятся картинки, как он берет меня всеми доступными способами, и потоком желания из моей головы вымывает все мысли.

— Да ты опасен, Лоренс, — дразняще тяну я, а он смеется своим низким, горловым и таким потрясающим смехом.

— Жизнь вообще крайне опасная штука. Но у меня такое ощущение, что тебе это нравится.

Собираюсь ответить, но он меня прерывает.

— Тебе правда тянет на разговоры?

Качаю головой.

— Хорошо, потому что мне давно хочется сделать одну вещь.

— Какую? — шепчу я в его раскрытый рот, наше дыхание смешивается.

— А вот эту, — отвечает он и касается моих губ.

Его поцелуй похож на горько-сладкий шоколад. Чистый афродизиак. Одновременно и тьма, и свет. Он не спрашивает. Он берет. Требуется полного подчинения, и я сдаюсь. Даю все, что он хочет, и растворяюсь в нем, что бы он ни делал — ласкал ли меня языком или до крови прикусывал зубами. Его поцелуй — это райская боль. От него слабеют колени. И он стирает воспоминания о всех моих прошлых поцелуях...

Кроме одного.

Когда он отстраняется, я выдыхаю ему в рот:

— Ты прав.

— Сладкая, я всегда прав. Но о чем ты?

— Я обожаю опасность. — Притягиваю его за шею к себе, и мы целуемся снова.

***

Когда мы выходим на улицу, нас овеивает прохладный ветерок. Я оглядываюсь на Лоренса, его необыкновенные зеленые глаза пристально наблюдают за мной.

— О чем мечтаешь? — Я улыбаюсь.

Не прерывая зрительного контакта, он наклоняется, целует меня в плечо и шепчет на ухо:

— Как поймать тебя.

Мой пульс подскакивает, тело гудит от волнения, а к щекам горячо приливает кровь. Машинально продолжая улыбаться, я замечаю на углу знакомый черный «Роллс-Ройс» и, думая увидеть Тони, сразу перевожу взгляд на мужчину в выдавшем виды черном костюме, который ожидает нас, стоя у открытой дверцы в салон.

Когда наши глаза встречаются, на меня обрушивается шок такой силы, что ноги отказываются идти. Я цепенею. Теряю дар речи. Моргаю несколько раз, проверяя, не

обманывает ли меня зрение.

О-о черт... Черт. Черт. Черт. Пропади все пропадом.

Глазами, которые потенциально могут меня уничтожить, на меня смотрит тот, кого я меньше всего ожидала увидеть. Тот единственный, с кем я захотела большего.

Ронан.

***

Конец первой книги.

Больше книг на сайте — Knigolub.net